

ПРЕЦЕДЕНТЫ

ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В НОМЕРЕ:

Хэмэлайнен против Финляндии 2
[Hämäläinen v. Finland] (жалоба № 37359/09)

По делу обжалуется отказ властей выдать заявительнице номер, удостоверяющий личность женщины, после того, как она сменила пол, пока ее брак не будет переоформлен в гражданский союз, и дискриминация в связи с необходимостью дополнительно раскрывать информацию о поле.

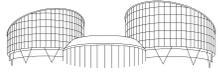
По делу не было допущено нарушений требований статьи 8 Конвенции и требований статьи 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции.

Николае Вирджилиу Тэнасе против Румынии 26
[Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania] (жалоба № 41720/13)

По делу обжалуются ненадлежащее и чрезмерно длительное расследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия с участием заявителя, игнорирование или нерассмотрение значимых доказательств, попытки прекратить производство по уголовному делу и бесчеловечное и унижающее обращение в связи с подобным способом проведения расследования.

По делу не было допущено нарушений требований статьи 2 Конвенции и пункта 1 статьи 6 Конвенции.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Научное электронное
периодическое издание

Прецеденты Европейского Суда
по правам человека.
Специальный выпуск
№ 7 (31) 2019

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС77-58098 от 20 мая 2014 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредители
ООО «Развитие
правовых систем»,
Ю.Ю. Берестнев,
Д.Ю. Давыдов

Редакция и издатель
ООО «Развитие
правовых систем»

Главный редактор
Е.А. Поворова

Дата подписания
к использованию
05.12.2019 г.

Перевод текстов
А.С. Новикова,
И.В. Артамонова

Адрес редакции
127050 г. Москва,
ул. Суцеская, д. 12, стр. 1
Тел.: +7 (499) 350-0015
E-mail: info@echr.today
www.echr.today

Объем выпуска 1.0 Мб

Минимальные системные
требования
Windows 2000/XP;
процессор с частотой 2,0 ГГц;
512 Мб ОЗУ; 20 Мб свободного
места на жестком диске

Свободная цена

Перепечатка материалов,
а равно иное использование
в коммерческих и некоммерческих
целях возможны только
с письменного разрешения
редакции. Мнение редакции может
не совпадать с точкой зрения
авторов статей и аналитических
материалов.

© «Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека», 2019
© ООО «Развитие
правовых систем», 2019

В оформлении дизайна издания
используется символика Совета
Европы и Европейского Суда
по правам человека

© Совет Европы / Архитектура:
Партнерство Ричарда Роджерса
(Richard Rogers Partnership)
(Европейский Суд по правам
человека)

Уважаемые читатели!

Европейский суд по правам человека все чаще обращается к вопросам, затрагивающим гендерную идентичность человека при смене пола. Учитывая, что половая принадлежность относится к числу основополагающих критериев, определяющих правовой статус физического лица, смена пола рождает в юридической плоскости немало проблем в создании нового правового статуса лица и в правопреемстве, что и нашло свое отражение в Постановлении «Хэмэлайн против Финляндии». Думается, что развитие биоэтики – науки, в которой переплетены направления права, морали и медицины, поможет выбрать государствам верное направление в политике формирования отношения в обществе к смене пола и в решении возникающих в связи с этим проблем с определением правового статуса лица при изменении половой принадлежности.

Немаловажную роль в формировании отношения общества к «феномену пола» играет пресса. От того, насколько качественно будет работать сообщество журналистов, формируя медийное поле, во многом зависит стабильный информационный климат в обществе и доверие к суду. В конце ноября на двухдневную международную конференцию, организованную Советом Европы в Любляне в партнерстве с Министерством культуры Словении, «(Последний) призыв к качественной журналистике» собрались более 150 экспертов в сфере СМИ из 40 стран. Они приняли участие в дискуссиях, посвященных актуальным темам, включая значимость медийной грамотности и качественной журналистики в поддержании и повышении общественного доверия. Подробнее об этом мероприятии можно узнать на сайте Совета Европы.

Хэмэлайн против Финляндии
(*Hämäläinen v. Finland*) (жалоба № 37359/09)
Постановление от 16 июля 2014 г.

Заявительница родилась мальчиком. Она вступила в брак с женщиной, у пары появился ребенок. В 2009 году заявительница сделала операцию по смене пола. Однако власти отказались сменить удостоверяющий личность номер на женский, пока ее супруга не согласится на преобразование их брака в гражданский союз или пока пара не разведется. Заявительница же и ее супруга хотели остаться в браке, поскольку развод противоречил их религиозным убеждениям и они считали, что гражданский союз не давал такой же безопасности для них и для их ребенка, как брак. Европейский Суд остался в рамках ранее обозначенных позиций, согласно которым регулирование вопроса о результатах смены пола в контексте брака относится в большей мере к сфере действия усмотрения государства – участника Конвенции.

Николае Вирджилиу Тэнасе против Румынии
(*Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania*) (жалоба № 41720/13)
Постановление от 25 июня 2019 г.

В декабре 2004 года заявитель, занимая в то время должность судьи, попал в автомобильную аварию. По его утверждениям, другой участник движения врезался в задний бампер его автомобиля, в результате чего его автомобиль врезался в припаркованный впереди грузовик. Заявитель получил серьезные внутренние повреждения и переломы, ему потребовалось несколько операций, неоднократное стационарное лечение. Европейский Суд не нашел нарушений статьи 2 Конвенции в отношении расследования происшествия, поскольку оно было проведено тщательно, было собрано большое количество фактических данных в отношении того, что могло послужить причиной аварии, а заявитель имел доступ к материалам дела и мог воспользоваться всеми доступными средствами правовой защиты в соответствии с законодательством Румынии. Суд также не нашел нарушений права заявителя на доступ к суду. Заявитель мог воспользоваться предоставленными внутригосударственными правовыми средствами для защиты своих гражданских прав, а срок около восьми лет для завершения расследования с учетом его сложности не был излишним.

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Хэмэлайнен (Hämäläinen) против Финляндии»¹

(Жалоба № 37359/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 16 июля 2014 г.

По делу «Хэмэлайнен против Финляндии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Йозепа Касадеваля,

Гвидо Раймонди,

Инеты Зиемеле,

Марка Виллигера,

Изабель Берро,

Ханлара Гаджиева,

Дануте Йочене,

Паиви Хирвеля,

Андраша Шайо,

Линос-Александра Сицилианоса,

Эрика Месе,

Хелен Келлер,

Андре Потоцкого,

Пауля Лемменса,

Валериу Грицко,

Фариса Вехабовича, *судей,*

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 16 октября 2013 г. и 11 июня 2014 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 37359/09), поданной против Финляндской

¹ Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 16 июля 2014 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Финляндии Хели Маарит Ханнеле Хэмэлайнен (*Heli Maarit Hannele Hämäläinen*) (далее – заявительница) 8 июля 2009 г. Изначально именуемая Х., заявительница впоследствии согласилась раскрыть свое имя.

2. Интересы заявительницы представлял адвокат К. Кожокарию (*C. Cojocariu*), практикующий в г. Лондоне. Власти Финляндии были представлены Уполномоченным Финляндии при Европейском Суде А. Косоненом (*A. Kosonen*), сотрудником Министерства иностранных дел.

3. Со ссылкой на статьи 8 и 14 Конвенции заявительница, в частности, жаловалась на то, что ее право на личную и семейную жизнь было нарушено, поскольку окончательное признание ее нового пола было поставлено в зависимость от преобразования ее брака в гражданский союз.

4. Жалоба была распределена в Четвертую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 13 ноября 2012 г. Палата указанной Секции Европейского Суда в следующем составе: Леха Гарлицкого, Председателя, Паиви Хирвеля, Георга Николау, Леди Бианку, Здравки Калайджиевой, Небойши Вучинича и Винсента А. де Гаэтано, судей, а также при участии Лоуренса Эрли, Секретаря Секции Суда, – вынесла Постановление по делу. Палата Европейского Суда единогласно объявила жалобы в соответствии со статьями 8, 12 и 14 Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу, а в оставшейся части – неприемлемыми и постановила, что по делу не были допущены нарушения требований статьи 8 Конвенции, статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции, а также что отсутствовала необходимость рассматривать дело в соответствии со статьей 12 Конвенции.

5. 13 февраля 2013 г. заявительница обратилась с ходатайством о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 29 апреля 2013 г. коллегия Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила данное ходатайство.

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. В окончательном заседании судья Дануте Йочене, срок полномочий которой истек, продолжила участвовать в рассмотрении дела (пункт 3 статьи 23 Конвенции и пункт 4 правила 24 Регламента Европейского Суда).

7. Заявительница и власти Финляндии направили дополнительные замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). Кроме того, были получены комментарии от организаций «Эмнести Интернешнл» (*Amnesty International*) и «Трансгендер Юроп» (*Transgender Europe*), которым Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил представить письменные замечания (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Европейского Суда).

8. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 16 октября 2013 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Финляндии:

А. Косонен, директор Министерства иностранных дел, Уполномоченный Финляндии при Европейском Суде,

С. Силвола (*S. Silvola*), старший консультант Министерства юстиции,

М. Фори (*M. Faurie*), старший сотрудник Министерства социального обеспечения и здравоохранения,

К. Фокин (*K. Fokin*), юрисконсульт Министерства иностранных дел, консультанты;

(b) со стороны заявительницы:

К. Кожокарию, адвокат Центра правовой защиты прав человека «Интерайтс» (*Interights*), консультант,

В. Вандова (*V. Vandova*), директор по правовым вопросам Центра правовой защиты прав человека «Интерайтс», советник.

Заявительница также присутствовала на заседании Большой Палаты Европейского Суда.

Европейский Суд заслушал выступления А. Косонена, К. Кожокария и С. Силволы, а также их ответы на вопросы, заданные судьями Паиви Хирвелем, Андрашем Шайо и Паулем Лемменсом.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявительница родилась в 1963 году и проживает в г. Хельсинки.

10. Заявительница родилась мальчиком. Она всегда чувствовала себя женщиной в мужском теле, но решила справиться с данной ситуацией. В 1996 году она вступила в брак с женщиной. В 2002 году у них родился ребенок.

11. В 2004 году здоровье заявительницы ухудшилось, а в 2005 году она решила обратиться за медицинской помощью. В апреле 2006 года заявительница была признана лицом, страдающим транссексуализмом. С тех пор она вела себя как

женщина. 29 сентября 2009 г. заявительница сделала операцию по смене пола.

12. 7 июня 2006 г. заявительница сменила свои первые имена, поменяла паспорт и водительское удостоверение, но не смогла добиться смены личного идентификационного номера¹. Согласно личному идентификационному номеру она по-прежнему является мужчиной, как и указано в ее паспорте.

A. ПРОИЗВОДСТВО ПО СМЕНЕ ЛИЧНОГО НОМЕРА

13. 12 июня 2007 г. заявительница обратилась в местный магистрат (*maistraatti, magistraten*) с целью подтвердить, что она является женщиной, и сменить личный идентификационный номер, выданный на имя мужчины, на номер, выданный женщине, так как он более не соответствовал действительности.

14. 19 июня 2007 г. местный магистрат отклонил ходатайство заявительницы. Он указал, что согласно статьям 1 и 2 Закона о трансгендерах (о подтверждении пола) (*laki transseksuaalin sukupuolen vahvistamisesta, lagen om fastställande av transsexuella personers könstillhörighet*) для подтверждения такого статуса требовалось, чтобы соответствующее лицо не состояло в браке или чтобы супруг или супруга дали на это свое согласие (см. ниже § 29). Поскольку супруга заявительницы не дала согласия на преобразование их брака в гражданский союз (*rekisteröity parisuhde, registrerat partnerskap*), новый пол заявительницы не мог быть внесен в реестр учета населения.

15. 6 июля 2007 г. заявительница обратилась в Административный суд г. Хельсинки (*hallinto-oikeus, förvaltningsdomstolen*) с жалобой, *inter alia*, на то, что решение ее супруги не давать согласие, в котором она имела полное право отказать, поскольку они обе предпочитали оставаться в браке, означало, что заявительница не может быть зарегистрирована как женщина. Развод противоречил бы их религиозным убеждениям. Гражданский союз не обеспечивает такую же безопасность, как брак, и будет означать, среди прочего, что их ребенок окажется в ином положении по сравнению с детьми, рожденными в браке.

16. 5 мая 2008 г. Административный суд г. Хельсинки отклонил жалобу заявительницы на том же основании, что и местный магистрат. Кроме того, он установил, *inter alia*, что оспариваемое решение от 19 июня 2007 г. не противоречило статье 6 Конституции Финляндии, поскольку парт-

¹ Личный идентификационный номер (код) (*henkilötunnus*) выдается властями каждому жителю Финляндии. Он состоит из 11 знаков и формируется на основе даты рождения и пола лица. В Финляндии его требуется указывать практических во всех случаях: при обращении в социальные службы, налоговую инспекцию, банки, для поступления на учебу, для получения прав и т.д. (примеч. редактора).

неры одного пола имели возможность, регистрируя свои отношения, пользоваться защитой, гарантированной семейным правом, которая была частично сопоставима с браком. Аналогичным образом статьи 1 и 2 Закона о трансгендерах (о подтверждении пола) не нарушают конституционные права ребенка заявительницы.

17. 8 мая 2008 г. заявительница подала апелляционную жалобу в Верховный административный суд Финляндии (*korkein hallinto-oikeus, högsta förvaltnings-domstolen*), повторив доводы, представленные в местный магистрат и в Административный суд г. Хельсинки. Она также просила суд направить запрос в Суд Европейских сообществ о вынесении предварительного постановления, в частности, о толковании статьи 8 Конвенции. Ссылаясь на статьи 8 и 14 Конвенции, заявительница утверждала, что органы государственной власти не вправе говорить ей о том, что для нее наиболее приемлема форма гражданского союза, особенно если это требует, чтобы ее супруга стала лесбиянкой. Их половая идентичность была их личным делом и не могла являться условием для подтверждения пола. Трансгендерность представляла собой расстройство здоровья, относящееся к сфере личной жизни. Государство нарушало ее право на неприкосновенность личной жизни каждый раз, когда личный идентификационный номер, выданный мужчине, показывал, что она является транс-сексуалом. Кроме того, она утверждала, что, если ее брак будет преобразован в гражданский союз, это будет означать, что она больше не сможет быть законным отцом своего ребенка, как не сможет быть и его матерью, поскольку у ребенка не может быть двух матерей.

18. 3 февраля 2009 г. Верховный административный суд Финляндии отклонил и ходатайство заявительницы о направлении запроса в Суд Европейских сообществ, и ее жалобу. Он постановил, что, принимая Закон о трансгендерах (о подтверждении пола), законодательный орган не намеревался изменить тот факт, что только мужчина и женщина могут вступать в брак и что партнеры одного пола могут подтвердить свои отношения в судебном порядке, зарегистрировав их. Европейский Суд при рассмотрении статьи 12 Конвенции отмечал, что отсутствовали какие-либо приемлемые основания для отказа трансгендерам в праве на вступление в брак и что государство обладает широкими пределами усмотрения в этом отношении. Согласно законодательству Финляндии лица одного пола не могут вступать в брак, но они могут заключить гражданский союз. По своим правовым и экономическим последствиям гражданский союз по сути сопоставим с браком. Вопрос о преобразовании института брака в нейтральный с гендерной точки зрения союз затрагивал важные этические и религиозные ценности и требовал принятия парламентского закона. Современное

состояние законодательства находится в пределах усмотрения, предоставленных властям государства Конвенцией.

В. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК СУДОПРОИЗВОДСТВА

19. 29 октября 2009 г. заявительница в порядке исключительного судопроизводства обратилась в Верховный административный суд Финляндии с ходатайством об отмене его предыдущего постановления от 3 февраля 2009 г. Она утверждала, что 29 сентября 2009 г. она сделала операцию по смене пола и более не может доказать, что она была мужчиной, как указано в ее личном идентификационном номере и паспорте. Хотя в целях брака она считается мужчиной, она не должна подвергаться дискриминации по признаку пола.

20. 18 августа 2010 г. Верховный административный суд Финляндии отклонил ее жалобу, поданную в порядке исключительного судопроизводства.

С. ИНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ЖАЛОБАМ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

21. В неустановленную дату заявительница также подала жалобу Уполномоченному по вопросам гендерного равенства (*Tasa-arvovaltuutettu, Jämställdhets-ombudsmannen*), *inter alia*, на неверный личный идентификационный номер.

22. 30 сентября 2008 г. Уполномоченный по вопросам гендерного равенства ответила, что она не может высказать позицию по вопросу личного идентификационного номера, поскольку данный вопрос уже был рассмотрен Административным судом, а она не обладает компетенцией для осуществления надзора за судами. Кроме того, дело заявительницы находилось на рассмотрении Верховного административного суда Финляндии.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФИНЛЯДИИ

А. КОНСТИТУЦИЯ ФИНЛЯДИИ

23. Статья 6 Конституции Финляндии (*Suomen perustuslaki, Finlands grundlag*, Закон № 731/1999) содержит следующие положения.

«Все равны перед законом.

Без уважительной причины никто не должен быть поставлен в неравное положение с другими лицами по признакам пола, возраста, происхождения, языка, религии, убеждений, мнений, состояния здоровья, инвалидности или по иным признакам, связанным с личностью. Детям гарантируется обращение как с равноправными личностями, и им предоставляется возможность влиять на вопросы, касающиеся их самих, сообразно уровню их развития.

Равноправие мужчин и женщин поддерживается как в обществе, так и в трудовой жизни, в частности, при определении размера оплаты труда и других условий занятости, как более подробно установлено [имплементационным] актом».

В. ЗАКОН О БРАКЕ

24. Статья 1 Закона о браке (*avioliittolaki, äktenskapslagen*, Закон № 411/1987) предусматривает, что заключение брака возможно между мужчиной и женщиной.

25. Статья 115 данного закона (в редакции Закона № 226/2001) устанавливает следующее:

«Брак, заключенный между женщиной и мужчиной в иностранном государстве органом власти такого государства, действителен в Финляндии, если он действителен в государстве, в котором он был заключен, или в государстве, гражданином которого является один из супругов или в котором один из супругов обычно проживал на момент заключения брака».

С. ЗАКОН О ГРАЖДАНСКОМ СОЮЗЕ

26. В соответствии со статьей 1 Закона о гражданском союзе (*laki rekisteröidystä parisuhteesta, lagen om registrerat partnerskap*, Закон № 950/2001) союз лиц одного пола старше 18 лет может быть зарегистрирован, как предусмотрено настоящим законом.

27. Пункт 1 статьи 8 указанного закона гласит:

«Регистрация гражданского союза имеет такие же правовые последствия и как заключение брака, если не предусмотрено иное».

Д. ЗАКОН О ТРАНСГЕНДЕРАХ (О ПОДТВЕРЖДЕНИИ ПОЛА)

28. Статья 1 Закона о трансгендерах (о подтверждении пола) (*laki transseksuaalin sukupuolen vahvistamisesta, lagen om fastställande av transsexuella personers könstillhörighet*, Закон № 563/2002) предусматривает, что следует установить половую принадлежность лица, отличную от той, что указана в реестре учета населения, если такое лицо:

«(1) представляет медицинскую справку о том, что оно постоянно чувствует свою принадлежность к противоположному полу и живет согласно соответствующей гендерной роли и что такое лицо было стерилизовано или по иным причинам неспособно к деторождению;

(2) старше 18 лет;

(3) не состоит в браке или гражданском союзе, а также

(4) является гражданином Финляндии или резидентом Финляндии».

29. Статья 2 данного закона предусматривает исключения из требования о семейном поло-

жении. Брак или гражданский союз не препятствует подтверждению пола, если супруг/супруга или партнер лично дали свое согласие на это в местном магистрате. В случае подтверждения принадлежности к противоположному полу брак автоматически, без совершения дополнительных действий, преобразуется в гражданский союз, а гражданский союз – в брак. Данное изменение отмечается в реестре учета населения.

30. В *travaux préparatoires* к Закону о трансгендерах (о подтверждении пола) (законопроект правительства № HE56/2001 vp) указывается, *inter alia*, что установленное отцовство не может быть отменено только на основании того, что мужчина впоследствии стал женщиной. Аналогичным образом женщина, родившая ребенка, юридически остается матерью ребенка, даже если впоследствии она становится мужчиной. Обязанности по опеке над ребенком, уходу за ним и по его содержанию основаны главным образом на родительских правах. Таким образом, изменение пола родителя не влияет на эти права и обязанности.

III. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

31. Из имеющейся у Европейского Суда информации следует, что в 10 государствах – членах Совета Европы разрешены однополые браки (в Бельгии, Дании, во Франции, в Исландии, Нидерландах, Норвегии, Португалии, Испании, Швеции и Соединенном Королевстве (только в Англии и Уэльсе)).

32. Представляется также, что 24 государства – члена Совета Европы (Албания, Андорра, Азербайджан, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Кипр, Эстония, Грузия, Греция, Латвия, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Республика Молдова, Монако, Черногория, Польша, Румыния, Российская Федерация, Сербия, Словакия, Словения и Македония) не имеют четкой нормативной базы для правового признания пола или законодательных положений о статусе состоящих в браке лиц, которые сменили пол. Отсутствие правового регулирования в этих государствах оставляет без ответа ряд вопросов, среди которых судьба брака, заключенного до операции по смене пола. В шести государствах – членах Совета Европы (в Италии, Венгрии, Ирландии, на Мальте, в Турции и на Украине) действует соответствующее законодательство о признании пола. В таких государствах законодательство прямо требует, чтобы лицо не состояло в браке или было разведено, либо имеются общие положения в гражданских кодексах или в актах семейного законодательства, устанавливающие, что после смены пола существующий брак объявляется недействительным или расторгается. Исключения, позволяющие лицу, состоящему в браке, получить правовое признание своего приобретенного пола без необходимости растор-

жения ранее заключенного брака предусмотрены только в трех государствах (в Австрии, Германии и Швейцарии).

33. Следовательно, представляется, что среди государств, в которых однополые браки не разрешены, только три государства допускают исключение, которое позволило бы состоящему в браке лицу получить правовое признание его нового пола без необходимости расторжения ранее заключенного брака. В 24 государствах – членах Совета Европы ситуация достаточно неясная, учитывая отсутствие специального правового регулирования.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

34. Заявительница со ссылкой на статью 8 Конвенции жаловалась на то, что ее право на личную и семейную жизнь было нарушено, поскольку окончательное признание ее нового пола было обусловлено преобразованием ее брака в гражданский союз.

35. Статья 8 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

36. В своем Постановлении от 13 ноября 2012 г. Палата Европейского Суда установила, что обстоятельства дела относятся к сфере действия статьи 8 Конвенции и к понятию «личная жизнь». Имело место вмешательство в право заявительницы на уважение ее личной жизни в том смысле, что ей не был предоставлен новый личный идентификационный номер как женщине. Данное вмешательство было основано на законодательстве Финляндии, а именно на пункте 1 статьи 2 Закона о трансгендерах (о подтверждении пола). Таким образом, вмешательство было «предусмотрено законом» и преследовало правомерную цель защиты «здоровья и нравственности», а также «прав и свобод других лиц».

37. Что касается необходимости оспариваемых мер в демократическом обществе, Палата

Европейского Суда отметила, что заявительница и ее супруга состояли в браке на законных основаниях в соответствии с законодательством Финляндии и хотели остаться в браке. Согласно законодательству Финляндии брак разрешен только между лицами противоположного пола, а заключение однополых браков запрещено. Заявительница могла получить новый личный идентификационный номер женщины только при условии согласия ее супруги на преобразование их брака в гражданский союз. В отсутствие такого согласия заявительница могла оставаться в браке и мириться с неудобствами, связанными с наличием мужского личного идентификационного номера, или развестись со своей супругой.

38. Палата Европейского Суда сочла, что в настоящем деле требовалось согласовать два конкурирующих права, а именно право заявительницы на уважение ее личной жизни путем получения нового личного идентификационного номера, где она будет указана женщиной, и заинтересованность государства в сохранении неизменным традиционного института брака. Получение заявительницей нового личного идентификационного номера при сохранении брака будет равносильно однополому браку между заявительницей и ее супругой, что не допускается действующим законодательством Финляндии. Палата Европейского Суда напомнила, что в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда статья 12 Конвенции не налагает на Договаривающиеся Государства обязательство разрешать однополым парам вступать в брак. Статья 8 Конвенции, имеющая более общую цель и сферу действия, также не может быть истолкована как налагающая подобное обязательство. Кроме того, Европейский Суд постановил, что вопрос о регулировании последствий смены пола в контексте брака относится к свободе усмотрения Договаривающегося Государства.

39. Палата Европейского Суда отметила, что в Европе складывается консенсус в отношении однополых браков и что некоторые государства – члены Совета Европы уже предусмотрели эту возможность в своем законодательстве. Однако в Финляндии такой возможности не было, хотя в настоящий момент данный вопрос находится на рассмотрении парламента. Вместе с тем права однополых пар были защищены благодаря возможности зарегистрировать гражданский союз. Хотя заявительница действительно ежедневно сталкивалась с ситуациями, когда ее неправильный личный идентификационный номер создавал для нее неудобства, Палата Европейского Суда посчитала, что у заявительницы была реальная возможность изменить такое положение дел: ее брак *ex lege* в любой момент мог быть преобразован в гражданский союз с согласия ее супруги. В отсутствие такого согласия у заявительницы есть возможность развестись.

40. Палата Европейского Суда сочла соразмерным требование получить согласие супруги на такое изменение, поскольку ее права также затрагивались. Требование о том, чтобы брак заявительницы был преобразован в гражданский союз, также являлось пропорциональным, поскольку оно представляло собой реальную возможность, которая обеспечивала однополым парам правовую защиту, практически идентичную защите, предоставляемой институтом брака. Кроме того, хотя в браке был рожден ребенок, отсутствовали какие-либо предположения о том, что преобразование брака заявительницы в гражданский союз оказало бы неблагоприятное воздействие на ребенка или на какое-либо иное лицо. Права и обязанности заявительницы, вытекающие из отцовства или родительского статуса, не изменятся, если ее брак будет преобразован в гражданский союз. Исходя из вышеизложенного Палата Европейского Суда решила, что несоразмерное воздействие существующей в Финляндии системы не было доказано и что был установлен справедливый баланс между конкурирующими интересами. Соответственно, по делу не было допущено нарушения требований статьи 8 Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявительница

41. Заявительница утверждала, что в соответствии с законодательством Финляндии она была вынуждена выбирать между двумя основными правами, гарантированными Конвенцией, а именно между правом на половое самоопределение и правом оставаться в браке, в результате чего она была фактически вынуждена отказаться от одного из указанных прав. Действующее законодательство поставило ее в затруднительное положение. В этом отношении она ссылалась на постановление Федерального конституционного суда Германии от 27 мая 2008 г. Цель ее жалобы заключалась не в том, чтобы распространить права на вступление в брак на однополые пары, а в том, чтобы сохранить существующий брак с ее супругой. В ее случае однополый брак был непреднамеренным и случайным результатом правового признания пола. Она стремилась защитить ранее предоставленное право, а не предполагаемое право вступить в брак с женщиной.

42. Заявительница утверждала, что имело место вмешательство в ее личную и семейную жизнь. Если следовать аргументации Европейского Суда в его Решении по делу «Пэрри против Соединенного Королевства» (*Parry v. United Kingdom*) (жалоба № 42971/05, *ECHR* 2006-XV) и в Постановлении по делу «Дадуш против Мальты» (*Dadouch v. Malta*) (от 20 июля 2010 г., жалоба № 38816/07), в насто-

ящем деле нельзя исключать аспект, связанный с семейной жизнью. Пределы усмотрения должны быть более узкими, если затрагивается особенно важная составляющая существования или идентичности человека. По мнению заявительницы, Европейский Суд должен еще больше сузить пределы усмотрения и прийти к отказу от требования о разводе в контексте правового признания пола. Пределы усмотрения не могут быть настолько широкими, чтобы позволять государствам расторгать браки по собственной инициативе.

43. Заявительница утверждала, что требование о разводе, предусмотренное Законом о трансгендерах (о подтверждении пола), представляло собой чрезмерное и непропорциональное вмешательство в ее права, гарантированные статьей 8 Конвенции. Выбор Палатой Европейского Суда сбалансированного решения был в корне ошибочным по нескольким причинам.

44. Во-первых, при выборе рассматриваемого решения Палата Европейского Суда не проанализировала ранее приобретенное заявительницей и ее супругой право состоять в браке. Выбор заявительницы в пользу правового признания пола повлек бы за собой расторжение брака посредством развода или преобразования в гражданский союз. Оба варианта предусматривали прекращение брака. Преобразование в гражданский союз было равносильно разводу, так как последствия преобразования распространялись только на будущий период. Поскольку требовалось согласие супруги, развод при таких обстоятельствах осуществлялся по «принуждению» государства. Принудительное расторжение брака заявительницы нанесло бы существенный ущерб ее конвенционным правам, а также правам ее супруги и дочери. Подобное расторжение действительного брака будет противоречить лежащему в основе стремлению к устойчивости брака, что отличает его от отношений иного рода. Брак по-прежнему пользуется наивысшей защитой в соответствии со статьей 8 Конвенции. Заявительница и ее супруга состояли в браке в течение 17 лет, они по-прежнему проживали совместно и имели общего ребенка. Сохранение их отношений, несмотря на смену пола одним из супругов, демонстрирует высокую степень их взаимной привязанности. Между браком и гражданским союзом имеются важные различия: в случае рождения ребенка в гражданском союзе оба лица автоматически не признаются родителями, как в случае брака. Кроме того, невозможно усыновление, если ни один из родителей не является биологическим родителем ребенка, подлежащего усыновлению. Заявительница и ее семья утратят данные существенные права, если они согласятся вступить в гражданский союз. Кроме того, есть сомнения относительно того, в какой степени сохраняются правовые отношения между заявительницей

и ее дочь, поскольку Закон о трансгендерах (о подтверждении пола) не содержит каких-либо положений в связи с этим. Супруги заключали брак с пониманием, основанным на их сильных религиозных убеждениях, что он будет длиться всю жизнь. Они не хотели отказываться от брака ни при каких обстоятельствах. Смена заявительницей пола необязательно приводила к тому, что пара становилась гомосексуальной. Супруга заявительницы, вступившая в гетеросексуальные отношения 17 лет назад, по-прежнему имеет гетеросексуальную ориентацию. Соответственно, снижение статуса отношений заявительницы до гражданского союза не отражало реального положения супруги заявительницы. Она была вынуждена делать невозможный выбор между поддержкой заявительницы и сохранением брака. Положение их ребенка станет таким же, как положение детей, рожденных вне брака.

45. Во-вторых, заявительница считала, что Палата Европейского Суда не придала достаточного значения ее праву на половое самоопределение. Отсутствие правового признания женского пола заявительницы имело глубокие последствия для ее повседневной жизни. Фактически она была вынуждена раскрывать свой статус трансгендера совершенно незнакомым людям в повседневных ситуациях, которые большинству людей представлялись как сами собой разумеющиеся. Например, заявительница много путешествовала по работе, но в ее паспорте по-прежнему был указан мужской пол. Когда она путешествовала по действующему паспорту, она была вынуждена покупать авиабилеты с указанием обращения «господин». Ее появление в аэропорту как женщины с паспортом, где указан ее мужской пол, неизбежно приводило к навязчивым расспросам, задержкам, смущению и страданиям. Если власти Финляндии позволили заявительнице изменить имя в соответствии с ее женской идентичностью, было нелогично отрицать правовое признание ее пола на данном этапе, оставляя ее в затруднительном положении между двумя полами на потенциально неопределенный срок. Статус заявительницы как трансгендера не явился результатом ее выбора, и она не должна была претерпевать наказание в виде расторжения ее брака. Четкое требование о том, что правовое признание пола обусловлено расторжением брака, не позволило судам Финляндии провести индивидуальную оценку с учетом обстоятельств заявительницы. В Постановлении по делу «Шлупф против Швейцарии» (*Schlumpf v. Switzerland*) (от 8 января 2009 г., жалоба № 29002/06) Европейский Суд установил нарушение при аналогичных обстоятельствах. Суды Финляндии также не рассмотрели другие альтернативы, не требующие расторжения брака.

46. В-третьих, заявительница утверждала, что предположение Палаты Европейского Суда о том,

что заинтересованности государства в защите брака будет неизбежно причинен ущерб, если трансгендерам будет разрешено вступать в брак, было неверным. Палата Европейского Суда ошибочно предположила, что единственным государственным интересом в настоящем деле является защита гетеросексуального характера брака. Заявительница не оспаривала важность сохранения данного брака, но утверждала, что принуждение ее к разводу для правового признания ее пола являлось чрезмерным и непропорциональным средством достижения цели государства. Разрешение трансгендерам вступать в брак окажет лишь незначительное влияние на гетеросексуальные браки, поскольку такие случаи крайне редки. *De facto* или *de jure* однополые браки уже могут быть заключены в Финляндии, поскольку брак лиц, находящихся в той же ситуации, что и заявительница, создает видимость однополых браков. Кроме того, правовое признание пола, полученное в иностранном государстве, также действительно в Финляндии.

47. В дополнение заявительница утверждала, что Палата Европейского Суда не учла последние тенденции на международном уровне по отказу от обязательного требования о разводе по легализации однополых браков и разводу по свободному согласию. Отказ от обязательного требования развода достигался путем прямого разрешения трансгендерам вступать в брак либо путем легализации однополых браков. Заявительница ссылаясь на сравнительно-правовые исследования, касающиеся правового признания пола и требований к семейному положению.

48. В Финляндии также проявлялась тенденция к отмене обязательного требования о разводе. В 2012 году Уполномоченная по вопросам гендерного равенства предположила, что равные права на вступление в брак для всех лиц могли стать решением, которое позволило бы сохранить брак, если один из супругов является трансгендером. Комиссар Совета Европы по правам человека также призвал отменить требование развода после своего визита в Финляндию в 2012 году. В таком контексте власти Финляндии взяли на себя обязательство создать рабочую группу для изучения возможности реформирования оспариваемого законодательства. Тенденция к разрешению однополых браков наблюдалась также на европейском и международном уровнях. В настоящее время однополые браки разрешены в 10 европейских государствах. Ожидалось, что ситуация в Финляндии также изменится в ближайшем будущем. В феврале 2013 года Комитет по правовым вопросам парламента отклонил соответствующий законопроект незначительным большинством в девять против восьми голосов. Кроме того, общественная поддержка однополых браков выросла с 45% в 2006 году до 58% в марте 2013 года.

2. Власти Финляндии

49. Власти Финляндии согласились с доводами и аргументацией Палаты Европейского Суда относительно того, что в настоящем деле не было допущено нарушения требований статьи 8 Конвенции. Они отмечали, что оспариваемое законодательство было принято во избежание неравенства, обусловленного различной административной практикой в стране, а также в целях установления четких предварительных условий для правового признания пола. Первоначально законопроект требовал, чтобы лицо, которое обращается за правовым признанием пола, не состояло в браке или гражданском союзе, и не предусматривал сохранения брака или гражданского союза такого лица в другой законодательно установленной форме. В ходе законодательной процедуры это было признано необоснованным, и в указанное положение был включен механизм преобразования. С момента вступления в силу Закона о трансгендерах (о подтверждении пола) как минимум 15 браков были преобразованы в гражданские союзы, а 16 гражданских союзов – в браки. В девяти случаях супруги имели общих детей, и ни в одном из этих случаев правовые отношения между родителями и детьми не изменились.

50. Власти Финляндии отмечали, что заявительница в своих замечаниях неоднократно ошибочно ссылалась на законодательство об обязательном разводе. Однако при наличии согласия супруга/супруги брак автоматически *ex lege* преобразуется в гражданский союз. В статье 2 Закона о трансгендерах (о подтверждении пола) было прямо использовано выражение «преобразуется» для иллюстрации того, что правовые отношения сохранялись с изменением наименования и незначительными изменениями их содержания. Такая преемственность позволяла сохранить некоторые производные права, например, пенсию в случае смерти другого супруга, и не порождала право или обязанность делить имущество между супругами. Продолжительность союза исчислялась с момента начала отношений, а не с момента изменения их наименования. Кроме того, права и обязанности, связанные с родительским статусом, не зависели от пола родителя. Таким образом, обязательный развод не был предусмотрен в Финляндии. Напротив, возможность развода оставалась на усмотрение заявительницы. Законодательство Финляндии предоставляло возможность согласовать право на половое самоопределение и право вступать в брак в форме гражданского союза.

51. Власти Финляндии указывали, что единственные различия между браком и гражданским союзом проявляются в двух аспектах: установление отцовства на основе брака не распространяется на гражданский союз, равно как и положения

Закона об усыновлении или Закона об именах, касающихся фамилии супруга/супруги. Однако гражданский партнер может усыновить ребенка другого партнера. Данные исключения применялись только к тем случаям, когда родительские права не были установлены заранее. Отцовство, предполагаемое ввиду состояния в браке, или установленное отцовство не могло быть аннулировано на основании того, что мужчина впоследствии сделал операцию по смене пола и стал женщиной. Кроме того, смена пола отцом не имела каких-либо правовых последствий для его обязанностей по опеке над ребенком, уходу за ним и по его содержанию, поскольку такие обязанности были основаны на родительских правах, независимо от пола лица или формы союза. Заявительница даже не утверждала, что содержание ее законных прав и обязанностей будет уменьшено вследствие преобразования ее брака в гражданский союз, а, скорее, ссылалась на общественную и символическую значимость брака. Власти Финляндии подчеркивали, что законные права и обязанности заявительницы *vis-à-vis* ее ребенка, вытекающие из отцовства или родительского статуса, не будут изменены, и что заявительница не представила каких-либо доказательств обратного. Законодательство Финляндии не вынуждает заявительницу принудительно развестись, аннулировать или расторгнуть брак. Кроме того, отсутствовали какие-либо доказательства возможных последствий для личной или семейной жизни заявительницы, поскольку она могла продолжать свою семейную жизнь без какого-либо вмешательства.

52. Власти Финляндии отметили, что, хотя Федеральный конституционный суд Германии в своем Постановлении от 27 мая 2008 г. признал аналогичную ситуацию не соответствующей Основному закону Германии, он оставил на усмотрение законодательного органа решение вопроса о том, каким образом следует исправить ситуацию. По мнению Федерального конституционного суда Германии, брак может быть преобразован в гражданский союз или в охраняемый законом гражданский союз *sui generis*, но права, приобретенные парой, и обязанности, налагаемые на них браком, должны оставаться неизменными. Следовательно, законодательные нормы Финляндии соответствовали указанному постановлению Федерального конституционного суда Германии.

53. Власти Финляндии пришли к выводу, что в Европе до сих пор отсутствует консенсус относительно сохранения брака трансгендеров после правового признания их пола по итогам операции или относительно разрешения однополых браков. Соответственно, пределы усмотрения государств должны быть широкими, и они должны иметь возможность регулировать последствия изменения пола для действующих браков.

3. Доводы третьих сторон

(а) «Эмнести Интернешнл»

54. Организация «Эмнести Интернешнл» отметила, что все договоры о правах человека по возможности следует толковать согласованно, чтобы выработать единый ряд совместимых обязательств. В международном праве прав человека установлено, что общий запрет дискриминации включает в себя запрет дискриминации по признаку сексуальной ориентации. Как гендерная идентичность, так и сексуальная ориентация связаны с весьма субъективными представлениями о себе. Зачастую дискриминация по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности находила свое выражение в сфере семейных отношений. В подавляющем большинстве подобных случаев судебные органы приходили к выводу, что государства не выдвигали разумных, убедительных, объективных или весомых доводов для оправдания дискриминации в отношении лиц по признаку их сексуальной ориентации. Стереотипы представляют собой форму дискриминации, когда они приводят к дифференцированному подходу, который сводит на нет или препятствует осуществлению прав человека или основных свобод. Многие различия в обращении, основанные на сексуальной ориентации, основаны на стереотипах о гендерных ролях.

55. Однополюе отношения во многих юрисдикциях получают правовое признание, эквивалентное признанию отношений разнополых пар, но в законодательстве многих стран по-прежнему существует множество различий. Если два партнера идентифицируют себя как женщины, они считаются лесбиянками. Это смешение затрагивает достоинство и права человека, принуждая к гендерному определению, которое может не совпадать с восприятием человеком самого себя. Такое смешение также не является необходимым, если законодательство предоставляет одинаковые статус и права всем парам. Государства не могут навязывать одно конкретное видение прав тем, кто не разделяет данное видение. Традиции и ценности не могут оправдать ограничение прав, даже если эти традиции и ценности разделяются большинством членом общества.

(б) Организация «Трансгендер Юроп»

56. Организация «Трансгендер Юроп» в своих замечаниях представила сравнительную информацию о ситуации в различных государствах – членах Совета Европы в отношении правового признания нового пола трансгендерных лиц. В некоторых государствах – членах Совета Европы эти лица не могут добиться правового признания своего пола, в то время как в других государствах – членах Совета Европы правовое признание пола осуществляется

различными способами. Некоторые государства разрешают однополым парам вступать в брак или предлагают зарегистрировать гражданский союз. Среди государств, которые предлагают зарегистрировать гражданский союз, в некоторых требуется обязательное расторжение брака, а в других нет. В целом в государствах – членах Совета Европы существует устойчивая тенденция к пересмотру подхода в результате принятия 31 марта 2010 г. Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-членам № Rec(2010)5 «О мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности». Многочисленные новые законы, пересмотр законодательства и текущие политические дискуссии свидетельствуют о том, что государства – члены Совета Европы в большей степени учитывают право на самоопределение трансгендерных лиц при разработке законодательства.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Применимость статьи 8 Конвенции

57. В настоящем деле заявительница сформулировала свою жалобу со ссылкой на статью 8 Конвенции, и власти Финляндии не оспаривали применимость данного положения Конвенции.

58. Европейский Суд отмечает, что заявительница добивалась смены своего личного идентификационного номера с мужского на женский, поскольку после сделанной операции по смене пола с мужского на женский ее прежний мужской личный идентификационный номер более не соответствовал действительности.

59. Европейский Суд неоднократно заключал, что трансгендеры, которые сделали операцию по смене пола, могут утверждать о том, что они стали жертвой нарушения их права на уважение личной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции, ввиду отсутствия правового признания смены ими пола (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Грант против Соединенного Королевства» (Grant v. United Kingdom), жалоба № 32570/03, § 40, ECHR 2006-VII, и Постановление Европейского Суда по делу «L. против Литвы» (L. v. Lithuania), жалоба № 27527/03, § 59, ECHR 2007-IV). В настоящем деле не оспаривалось, что ситуация заявительницы относилась к понятию «личная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции.

60. Европейский Суд отмечает, что настоящее дело также затрагивает вопросы, которые могут иметь последствия для семейной жизни заявительницы. Согласно законодательству Финляндии преобразование существующего брака заявительницы в гражданский союз требует согласия ее супруги. Кроме того, заявительница и ее супруга имеют

общего ребенка. Соответственно, Европейский Суд полагает, что отношения заявительницы с ее супругой и ребенком попадают под понятие «семейная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции.

61. Таким образом, статья 8 Конвенции применяется в настоящем деле в отношении как личной, так и семейной жизни.

2. Был ли затронут в настоящем деле вопрос о позитивном обязательстве или вмешательстве властей

62. Хотя основной целью статьи 8 Конвенции является защита лица от произвольного вмешательства со стороны государственных органов, она может возлагать на государство определенные позитивные обязательства в целях обеспечения фактического уважения прав, гарантированных статьей 8 Конвенции (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «X и Y против Нидерландов» (*X and Y v. Netherlands*) от 26 марта 1985 г., § 23, Series A, № 91, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции» (*Söderman v. Sweden*), жалоба № 5786/08, § 78, *ECHR* 2013).

63. Ранее Европейский Суд устанавливал, что статья 8 Конвенции налагает на государства позитивное обязательство обеспечивать своим гражданам право на фактическое уважение их физической и психологической неприкосновенности (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Нитецкий против Польши» (*Nitecki v. Poland*) от 21 марта 2002 г., жалоба № 65653/01, Решение Европейского Суда по делу «Сентгес против Нидерландов» (*Sentges v. Netherlands*) от 8 июля 2003 г., жалоба № 27677/02, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Одьевр против Франции» (*Odièvre v. France*), жалоба № 42326/98, § 42, *ECHR* 2003-III, Постановление Европейского Суда по делу «Гласс против Соединенного Королевства» (*Glass v. United Kingdom*), жалоба № 61827/00, §§ 74–83, *ECHR* 2004-II, и Решение Европейского Суда по делу «Пентякова и другие против Республики Молдова» (*Pentiacova and Others v. Moldova*), жалоба № 14462/03, *ECHR* 2005-I). Помимо этого, указанное обязательство может предусматривать принятие конкретных мер, в том числе предоставление эффективных и доступных средств правовой защиты права на уважение личной жизни (см. Постановление Европейского Суда по делу «Эйри против Ирландии» (*Airey v. Ireland*) от 9 октября 1979 г., § 33, Series A, № 32, Постановление Европейского Суда по делу «Макгинли и Иган против Соединенного Королевства» (*McGinley and Egan v. United Kingdom*) от 9 июня 1998 г., § 101, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-III, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства» (*Roche v.*

United Kingdom), жалоба № 32555/96, § 162, *ECHR* 2005-X). Такие меры могут включать в себя как создание нормативно-правовой базы для обеспечивающего защиту прав частных лиц механизма вынесения судебных решений и приведения их в исполнение, так и при необходимости внедрение данных мер в различных контекстах (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А, В и С против Ирландии» (*A, B and C v. Ireland*), жалоба № 25579/05, § 245, *ECHR* 2010).

64. Европейский Суд отмечает, что стороны не оспаривали наличие вмешательства в право заявительницы на уважение ее личной жизни в том смысле, что ей не был предоставлен новый, женский, личный идентификационный номер. Палата Европейского Суда также рассматривала дело с этой точки зрения. Однако Большая Палата Европейского Суда полагает, что вопрос, который предстоит ей разрешить, заключается в том, подразумевает ли уважение личной и семейной жизни заявительницы позитивное обязательство государства предусмотреть эффективную и доступную процедуру, которая позволила бы заявительнице добиться правового признания ее нового пола, оставаясь при этом в браке. В связи с этим Большая Палата Европейского Суда считает целесообразным рассмотреть жалобу заявительницы в контексте позитивного обязательства в соответствии со статьей 8 Конвенции.

3. Общие принципы, применимые к оценке позитивных обязательств государства

65. Принципы, применимые к оценке позитивных обязательств государства в соответствии с Конвенцией, аналогичны тем, которые применяются к оценке негативных обязательств. Необходимо учитывать справедливый баланс, который должен быть достигнут между конкурирующими интересами частного лица и общества в целом, при этом цели, изложенные во втором пункте статьи 8 Конвенции, имеют определенное значение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гаскин против Соединенного Королевства» (*Gaskin v. United Kingdom*) от 7 июля 1989 г., § 42, Series A, № 160, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства», § 157).

66. Понятие «уважение» не является четким, особенно в том, что касается позитивных обязательств: с учетом разнообразия применяемой практики и ситуаций, возникающих в Договаривающихся Государствах, требования данного понятия будут существенно отличаться в каждом отдельном случае (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» (*Christine Goodwin v. United Kingdom*), жалоба № 28957/95, § 72, *ECHR* 2002-VI). Тем не менее определенные факторы

были признаны значимыми для оценки содержания таких позитивных обязательств государств. Некоторые из них относятся к заявительнице. Они касаются важности затрагиваемого интереса и вопроса о том, являются ли предметом обсуждения «основные ценности» или «существенные аспекты» частной жизни (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Х и Y против Нидерландов», § 27, и «Гаскин против Соединенного Королевства», § 49) или влияние на заявительницу несоответствия между социальной реальностью и законодательством. При этом согласованность административной и правовой практик в рамках внутригосударственной системы считается важным фактором в оценке, проводимой в соответствии со статьей 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «В. против Франции» (V. v. France) от 25 марта 1992 г., § 63, Series A, № 232 C, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», §§ 77–78). Иные факторы связаны с воздействием рассматриваемого предполагаемого позитивного обязательства на соответствующее государство. Вопрос касается того, является ли предполагаемое обязательство узким и точным либо широким и неопределенным (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ботта против Италии» (Botta v. Italy) от 24 февраля 1998 г., § 35, Reports 1998-I) или объема нагрузки, которую обязательство налагает на государство (см. Постановление Европейского Суда по делу «Риз против Соединенного Королевства» (Rees v. United Kingdom) от 17 октября 1986 г., §§ 43–44, Series A, № 106, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», §§ 86–88).

67. При выполнении своих позитивных обязательств в соответствии со статьей 8 Конвенции государства располагают некоторыми пределами усмотрения. При определении широты таких пределов необходимо учитывать ряд факторов. Если затрагивается особенно важная составляющая существования или личности человека, пределы, предоставленные государству-ответчику, ограничиваются (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Х и Y против Нидерландов», §§ 24 и 27, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», § 90, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. United Kingdom), жалоба № 2346/02, § 71, ECHR 2002-III). Однако в случаях, когда в государствах – членах Совета Европы отсутствует консенсус об относительной важности затрагиваемого интереса или о наилучших средствах его защиты, особенно если

дело касается деликатных моральных или этических вопросов, пределы усмотрения будут шире (см. Постановление Европейского Суда по делу «Х, Y и Z против Соединенного Королевства» (X, Y and Z v. United Kingdom) от 22 апреля 1997 г., § 44, Reports 1997-II, Постановление Европейского Суда по делу «Фретте против Франции» (Fretté v. France), жалоба № 36515/97, § 41, ECHR 2002-I, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», § 85). Кроме того, как правило, пределы усмотрения будут широкими, если от государства требуется установить баланс между конкурирующими частными и публичными интересами или конвенционными правами (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фретте против Франции», § 42, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Одьевр против Франции», §§ 44–49, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эванс против Соединенного Королевства» (Evans v. United Kingdom), жалоба № 6339/05, § 77, ECHR 2007-I, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Диксон против Соединенного Королевства» (Dickson v. United Kingdom), жалоба № 44362/04, § 78, ECHR 2007-V, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.H. и другие против Австрии» (S.H. and Others v. Austria), жалоба № 57813/00, § 94, ECHR 2011).

68. Европейский Суд уже рассматривал дела, касавшиеся отсутствия правового признания операций по смене пола (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», Постановление Европейского Суда по делу «Ван Кюк против Германии» (Van Kück v. Germany), жалоба № 35968/97, ECHR 2003-VII, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делам «Грант против Соединенного Королевства» и «L. против Литвы», § 56). Наделяя власти государства-ответчика определенными пределами усмотрения в данной области, Европейский Суд приходил к выводу, что в соответствии со своими позитивными обязательствами по статье 8 Конвенции государства должны признавать изменение пола трансгендеров, сделавших операцию по смене пола, посредством, *inter alia*, возможности вносить изменения в сведения об их гражданском состоянии с вытекающими из этого последствиями (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», §§ 71–93, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Грант против Соединенного Королевства», § 39–44).

4. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

69. Во-первых, Европейский Суд отмечает, что заявительница и ее супруга заключили брак в соответствии с законодательством Финляндии в 1996 году и что они хотят оставаться в браке. Согласно законодательству Финляндии брак разрешен только между лицами противоположного пола. Однополые браки в настоящее время запрещены в Финляндии, хотя такая возможность рассматривается парламентом. С другой стороны, права однополых пар в настоящий момент защищены возможностью зарегистрировать гражданский союз.

70. Европейский Суд учитывает тот факт, что заявительница не выступает в поддержку однополых браков в целом, а просто хочет сохранить свой собственный брак. Тем не менее он полагает, что требование заявительницы, если оно будет удовлетворено, на практике приведет к возникновению ситуации, когда два лица одного пола смогут состоять в браке. Как отмечалось выше, в настоящее время в Финляндии такое право отсутствует. Следовательно, Европейский Суд должен сначала изучить вопрос о том, требует ли статья 8 Конвенции признания данного права при имеющихся обстоятельствах.

71. Европейский Суд напоминает о своей прецедентной практике, согласно которой статья 8 Конвенции не может быть истолкована как налагающая на Договаривающиеся Государства обязательство предоставить однополым парам право на вступление в брак (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шальк и Копф против Австрии» (*Schalk and Kopf v. Austria*), жалоба № 30141/04¹, § 101, *ECHR* 2010). Европейский Суд также ранее отмечал, что регулирование последствий смены пола в контексте брака в значительной степени, хотя и не полностью находится в пределах усмотрения Договаривающегося Государства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», § 103). Кроме того, Конвенция не требует введения дополнительных специальных механизмов в ситуациях, аналогичных той, что имеет место в настоящем деле. В 2006 году Европейский Суд в вышеупомянутом Решении по делу «Пэрри против Соединенного Королевства» постановил, что, хотя законодательство Соединенного Королевства в соответствующий период не разрешало однополые браки, заявители могли продолжать свои отношения во всех основных аспектах и могли придать им правовой статус, схожий, если не идентичный, браку посредством заключения гражданского союза, который предусматривал практически те же законные пра-

ва и обязанности. Таким образом, Европейский Суд признал гражданский союз надлежащей альтернативой браку.

72. Европейский Суд отмечает, что настоящее дело затрагивает вопросы, которые постоянно пересматриваются в государствах – членах Совета Европы. В связи с этим он изучит ситуацию в других государствах – членах Совета Европы в отношении вопросов, рассматриваемых в настоящем деле.

73. Как следует из информации, имеющейся в распоряжении Европейского Суда (см. выше § 31), в настоящее время однополые браки разрешены в 10 государствах – членах Совета Европы. Кроме того, в большинстве государств – членов Совета Европы, в которых однополые браки не допускаются, отсутствуют четкая нормативная база для правового признания пола или положения законодательства, касающиеся непосредственно статуса лиц, состоящих в браке, которые сделали операцию по смене пола. Только в шести государствах – членах Совета Европы, где однополые браки не разрешены, действует соответствующее законодательство о признании пола. В данных государствах законодательство прямо требует, чтобы лицо не состояло в браке или находилось в разводе, либо содержатся общие положения, согласно которым после смены пола любой существующий брак объявляется недействительным или расторгается. Представляется, что исключения, которые позволили бы лицу, состоящему в браке, добиться правового признания его нового пола без необходимости прекращения ранее заключенного брака, предусмотрены только в трех государствах – членах Совета Европы (см. выше §§ 31–33).

74. Таким образом, нельзя сказать, что по вопросу о разрешении однополых браков на европейском уровне достигнут консенсус. В государствах, в которых однополые браки запрещены, также отсутствует консенсус относительно признания пола при наличии ранее заключенного брака. В большинстве государств – членов Совета Европы отсутствует какое-либо законодательство о признании пола. Помимо Финляндии, такое законодательство, по-видимому, принято только в шести государствах – членах Совета Европы. Исключений для трансгендеров, состоящих в браке, еще меньше. Следовательно, отсутствуют какие-либо признаки существенного изменения ситуации в государствах – членах Совета Европы с момента вынесения Европейским Судом последних постановлений по данному вопросу.

75. В отсутствие консенсуса на европейском уровне и с учетом того, что настоящее дело, несомненно, затрагивает важные моральные или этические вопросы, Европейский Суд полагает, что пределы усмотрения, предоставляемые властям государства-ответчика, должны быть широкими (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «X, Y и Z против

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 11 (примеч. редактора).

Соединенного Королевства», § 44). В целом эти пределы должны охватывать как решение государства о принятии или непринятии законодательства о правовом признании нового пола трансгендеров, сделавших операцию по смене пола, так и в случае вмешательства нормы, установленные государством для достижения баланса между конкурирующими публичными и частными интересами.

76. Обращаясь к правовой системе Финляндии, Европейский Суд полагает, что текущее законодательство Финляндии предоставляет заявительнице несколько вариантов. Прежде всего она может сохранить *status quo* своего правового положения, оставаясь в браке и продолжая испытывать неудобства, связанные с тем, что в личном идентификационном номере она указана как мужчина. Европейский Суд считает установленным, что в Финляндии законный брак между лицами разного пола не аннулируется и не расторгается ввиду того, что один из супругов сделал операцию по смене пола и, следовательно, имеет тот же пол, что и его или ее супруг либо супруга. В отличие от некоторых других стран, в Финляндии ранее заключенный брак не может быть аннулирован или расторгнут в одностороннем порядке органами государственной власти. Таким образом, заявительнице ничто не препятствует оставаться в браке.

77. Во-вторых, если заявительница хочет добиться правового признания своего нового пола и одновременно обеспечить правовую защиту своих отношений с супругой, законодательство Финляндии предусматривает возможность преобразования их брака в гражданский союз с согласия супруги заявительницы. Согласно законодательству Финляндии при наличии согласия супруга или супруги на смену пола брак автоматически *ex lege* преобразуется в гражданский союз, а гражданский союз – в брак в зависимости от обстоятельств.

78. Развод представляет собой третью возможность, предусмотренную законодательством Финляндии. Как и у любой супружеской пары, у заявительницы имеется такая возможность, если она того пожелает. Вопреки утверждениям заявительницы, Европейский Суд считает, что в правовой системе Финляндии отсутствуют какие-либо элементы, которые можно было бы истолковать как означающие, что заявительница должна развестись против своей воли. Напротив, по мнению Европейского Суда, правовая система Финляндии оставляет возможность развода на усмотрение заявительницы.

79. Не рассматривая варианты сохранения *status quo* или развода, заявительница в своей жалобе главным образом ориентировалась на второй вариант: обеспечение правового признания нового пола при одновременной правовой защите существующих отношений. Соответственно, ключевой вопрос в настоящем деле заключается в том, отвечает ли действующая в Финляндии правовая система пози-

тивному обязательству государства в этом отношении или следует разрешить заявительнице оставаться в браке и одновременно признать ее новый пол, даже если это приведет к возникновению однополого брака между заявительницей и ее супругой.

80. Европейский Суд отмечает, что, в отличие от большинства государств – членов Совета Европы, в Финляндии существует нормативная правовая база, призванная обеспечить правовое признание смены пола. Европейский Суд подчеркивает, что цель оспариваемого законодательства, как пояснили власти Финляндии, состояла в том, чтобы объединить различные практики, применяемые в разных частях страны, и установить единые требования к правовому признанию пола. При наличии согласия супруга или супруги система предполагает как правовое признание нового пола, так и правовую защиту отношений. Система работает в обоих направлениях, предусматривая не только преобразование брака в гражданский союз, но и преобразование гражданского союза в брак в зависимости от того, превращает ли операция по смене пола существующие отношения в союз однополых лиц или лиц гетеросексуальной ориентации. По информации, полученной от властей Финляндии, на текущий момент такое преобразование имело место 31 раз в обеих ситуациях, описанных выше, практически в равной степени.

81. При разработке данной нормативной правовой базы законодательный орган Финляндии сохранил возможность брака за гетеросексуальными парами, и указанная норма не предусматривает каких-либо исключений. Таким образом, Европейский Суд должен установить, обеспечивает ли действующая правовая система Финляндии в обстоятельствах настоящего дела справедливый баланс между конкурирующими интересами, и отвечает ли она критерию соразмерности.

82. Одно из опасений заявительницы было связано с требованием согласия супруги, которое она считает «принудительным» разводом. Однако, по мнению Европейского Суда, поскольку правовая система Финляндии предусматривает автоматическое преобразование, согласие супруга или супруги на регистрацию смены пола является элементарным требованием, предназначенным для защиты одного супруга от последствий односторонних решений, принятых другим супругом. Следовательно, требование получения согласия является важной гарантией, обеспечивающей защиту супруга или супруги, которые не обращаются за признанием пола. В данном контексте стоит отметить, что согласие также необходимо и в случае преобразования гражданского союза в брак. Таким образом, данное требование применяется также в интересах института брака.

83. Кроме того, заявительница обеспокоена различиями между браком и гражданским союзом. Как пояснили власти Финляндии, указанные раз-

личия касаются установления отцовства, усыновления за пределами семьи и выбора фамилии. Однако описанные исключения применимы только в том случае, если соответствующие вопросы не были урегулированы заранее. Соответственно, они не применимы к настоящему делу. В связи с этим, по мнению Европейского Суда, различия между браком и гражданским союзом не влекут за собой существенных изменений в правовом положении заявительницы. На практике заявительница сможет по-прежнему пользоваться по существу такой же правовой защитой в рамках гражданского союза, что и в рамках брака (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шальк и Копф против Австрии», § 109).

84. Кроме того, заявительница и ее супруга не утратят иных прав в случае преобразования их брака в гражданский союз. Как убедительно пояснили власти Финляндии, выражение «преобразуется» в статье 2 Закона о трансгендерах (о подтверждении пола) прямо используется для иллюстрации того, что первоначальные правовые отношения сохраняются только с изменением названия лица и незначительными изменениями их содержания. Следовательно, продолжительность союза исчисляется с момента его заключения, а не с момента изменения названия лица. Это может быть важным фактором в ситуациях, когда продолжительность отношений является значимой согласно законодательству Финляндии, например, при расчете пенсии в случае смерти одного из супругов. С учетом изложенного Европейский Суд не может согласиться с утверждением заявительницы о том, что преобразование ее брака в гражданский союз будет равносильно разводу.

85. Кроме того, Европейский Суд полагает, что последствия преобразования брака заявительницы в гражданский союз для семейной жизни заявительницы были бы минимальными либо отсутствовали. Европейский Суд подчеркивает, что статья 8 Конвенции также защищает семейную жизнь однополых партнеров и их детей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шальк и Копф против Австрии», §§ 91 и 94). Таким образом, с точки зрения защиты семейной жизни не имеет значения, были ли основаны отношения заявительницы с ее семьей на браке или гражданском союзе.

86. Аспекты, связанные с семейной жизнью, также характеризуют отношения заявительницы с ее дочерью. Европейский Суд удостоверился в том, что согласно действующему законодательству Финляндии последующее преобразование брака в гражданский союз не окажет какого-либо влияния на отцовство заявительницы, поскольку ее отцовство в отношении ее дочери уже было достоверно установлено в период существования брака. Соответственно, ребенок по-прежнему считается рожденным в браке. Кроме того, как отметили

власти государства-ответчика, в Финляндии отцовство, предполагаемое ввиду состояния в браке, или установленное отцовство не может быть аннулировано на основании того, что мужчина впоследствии сделал операцию по смене пола и стал женщиной. Это подтверждается тем фактом, что, как отметили власти Финляндии, ни в одном из случаев преобразования, которые уже имели место в Финляндии, правовые отношения между родителями и ребенком не изменились. Смена пола отцом также не имеет каких-либо правовых последствий для его обязанностей по опеке над ребенком, уходу за ним и по его содержанию, поскольку в Финляндии данные обязанности основаны на родительских правах независимо от пола лица или формы союза. Таким образом, Европейский Суд считает установленным, что преобразование брака заявительницы в гражданский союз не будет иметь последствий для ее семейной жизни, защита которой предоставляется в соответствии со статьей 8 Конвенции.

87. Хотя тот факт, что заявительница ежедневно сталкивается с ситуациями, когда ее неправильный личный идентификационный номер причиняет ей неудобства, вызывает сожаление, по мнению Европейского Суда, она имеет реальную возможность изменить такое положение дел: ее брак в любой момент *ex lege* может быть преобразован в гражданский союз с согласия ее супруги. При отсутствии подобного согласия у нее имеется возможность развода, как и в любом другом браке. Европейский Суд считает, что не будет несообразным требовать от заявительницы преобразования брака в гражданский союз в качестве предварительного условия правового признания приобретенного пола, поскольку гражданский союз представляет собой реальную возможность, которая обеспечивает однополым парам правовую защиту, практически идентичную защите брака (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Пэрри против Соединенного Королевства»). Незначительные различия между указанными правовыми институтами не делают действующую в Финляндии систему несовершенной с точки зрения позитивного обязательства властей государства-ответчика.

88. В заключение, по мнению Европейского Суда, не было доказано, что существующая в Финляндии правовая система в целом является несообразной по своим последствиям для заявительницы, а также он приходит к выводу, что в настоящем деле был достигнут справедливый баланс между конкурирующими интересами.

89. Следовательно, по делу не было допущено нарушения требований статьи 8 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 12 КОНВЕНЦИИ

90. Заявительница не ссылаясь на статью 12 Конвенции в своей первоначальной жалобе

в Европейский Суд. Однако 23 марта 2010 г. Палата Европейского Суда по собственной инициативе решила коммуницировать властям Финляндии жалобу в соответствии со статьей 12 Конвенции.

91. Статья 12 Конвенции гласит:

«Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

92. В своем Постановлении от 13 ноября 2012 г. Палата Европейского Суда отметила, что вопрос, рассматриваемый в настоящем деле, как таковой не затрагивает какие-либо вопросы в соответствии со статьей 12 Конвенции, которая гарантирует право на вступление в брак. Заявительница состояла в законном браке с 1996 года. Рассматриваемый вопрос касается скорее последствий изменения заявителем пола для существующего брака между нею и ее супругой, который уже рассматривался в свете статьи 8 Конвенции. Ввиду вышесказанного Палата Европейского Суда не сочла необходимым отдельно рассматривать обстоятельства дела в соответствии со статьей 12 Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявительница

93. Заявительница утверждала, что Палата Европейского Суда применила избирательный подход к статье 12 Конвенции. Было важно провести анализ в соответствии со статьей 12 Конвенции, поскольку он отличался от анализа, осуществленного в свете статьи 8 Конвенции. Иными словами, требовалось установить, влияло ли принудительное расторжение брака на «сущность права на вступление в брак» согласно прецедентной практике Европейского Суда. Кроме того, это могло бы скорректировать неспособность учесть семейные права заявительницы в соответствии со статьей 8 Конвенции.

94. Заявительница считала, что статью 12 Конвенции следует толковать либо ограничительно, охватывая только заключение брака, либо более широко, охватывая также продолжающееся существование брака. В первом случае статья 12 Конвенции не имела отношения к ситуации заявительницы, поскольку ее брак с супругой был заключен, когда они были разнополой парой. Однако в последнем случае требовалось установить, наносит ли «принудительный» развод ущерб «самой сущности права на вступление в брак».

Согласно доводам заявительницы следовало применять последнее толкование, поскольку возможность органов государственной власти вмешиваться в брак подобным образом, как это имело место в настоящем деле, делает право на вступление в брак в значительной степени неэффективным. Следовательно, статья 12 Конвенции была применима в настоящем деле, и этот вопрос требовал рассмотрения в соответствии с указанной статьей Конвенцией.

2. Власти Финляндии

95. Власти Финляндии согласились с мнением Палаты Европейского Суда об отсутствии необходимости рассматривать обстоятельства дела отдельно в соответствии со статьей 12 Конвенции. Прецедентная практика Европейского Суда не обеспечивала защиту желанию заявительницы сохранить брак со своей супругой после подтверждения ее нового пола, и вопрос о регулировании последствий изменения пола относился к пределам усмотрения Договаривающегося Государства. Верховный административный суд Финляндии установил в настоящем деле, что законодательный орган Финляндии не намеревался изменить тот факт, что только мужчина и женщина могут вступать в брак. Скорее, он предусматривал возможность продолжения отношений в рамках гражданского союза, который был защищен законом и сопоставим с институтом брака. Преобразование института брака в нейтральный с гендерной точки зрения гражданский союз требует принятия парламентского закона.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

96. Европейский Суд напоминает, что статья 12 Конвенции представляет собой *lex specialis* в отношении права на вступление в брак. Она обеспечивает основное право мужчины и женщины вступать в брак и создавать семью. Статья 12 Конвенции прямо предусматривает регулирование брака законодательством государства – участника Конвенции. Она закрепляет традиционное понятие брака как союза мужчины и женщины (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Риз против Соединенного Королевства», § 49). Хотя некоторые Договаривающиеся Государства действительно распространили институт брака на однополых партнеров, статью 12 Конвенции нельзя толковать как обязательство Договаривающихся Государств предоставлять однополым парам право вступать в брак (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шальк и Копф против Австрии», § 63).

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

97. Спорный вопрос касается последствий изменения заявительницей пола для существующего брака между нею и ее супругой. Большая Палата Европейского Суда, как и Палата Европейского Суда, приходит к выводу, что данный вопрос уже рассматривался в соответствии со статьей 8 Конвенции и привел к установлению отсутствия нарушения требований указанной статьи. При таких обстоятельствах, по мнению Европейского Суда, не возникает отдельного вопроса в соответствии со статьей 12 Конвенции, поэтому он не будет делать вывода в соответствии с данной статьей.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЯМИ 8 И 12 КОНВЕНЦИИ

98. Заявительница жаловалась со ссылкой на статью 14 Конвенции на то, что, отказавшись предоставить ей личный идентификационный номер женщины, соответствующий ее фактическому полу, органы государственной власти допустили дискриминацию по отношению к ней. Отказ в присвоении ей личного идентификационного номера женщины раскрывал конфиденциальную информацию о том, что она являлась трансгендером, поскольку в отличие от других людей ей приходилось объяснять это различие каждый раз, когда требовалось сообщить личный идентификационный номер.

99. Статья 14 Конвенции гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

100. В своем Постановлении от 13 ноября 2012 г. Палата Европейского Суда отметила, что статья 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции подлежала применению в настоящем деле.

101. Палата Европейского Суда отметила, что жалобы заявительницы со ссылкой на статью 14 Конвенции касались невозможности получить личный идентификационный номер, в котором заявительница будет указана как женщина. Заявительница сравнивала свою ситуацию с положением других лиц, включая трансгендерных лиц

и трансгендеров, не состоящих в браке. Однако Палата Европейского Суда не считала подобные ситуации в достаточной степени схожими, чтобы их можно было сравнивать друг с другом. Таким образом, заявительница не может утверждать, что она находилась в том же положении, что и другие категории лиц, на которые она указывала.

102. Кроме того, Палата Европейского Суда отметила, что проблема в настоящем деле по существу была вызвана тем, что законодательство Финляндии не разрешает однополые браки. Согласно прецедентной практике Европейского Суда статьи 8 и 12 Конвенции не возлагают обязательство на Договаривающиеся Государства предоставлять однополым парам право вступать в брак. Аналогичным образом статья 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции не может быть истолкована как обязательство Договаривающихся Государств предоставлять однополым парам право оставаться в браке. Следовательно, нельзя сказать, что заявительница подверглась дискриминации *vis-à-vis* иных лиц в ситуации, когда она не смогла получить женский личный идентификационный номер, даже если предположить, что ее положение может рассматриваться как аналогичное положению иных лиц. Палата Европейского Суда установила, что по делу не было допущено нарушения требований статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявительница

103. Заявительница утверждала со ссылкой на статью 14 Конвенции, что она подвергалась дискриминации в нижеследующих ситуациях.

104. Во-первых, она должна была выполнить дополнительное требование о расторжении брака, чтобы добиться правового признания пола. В связи с этим она подвергалась дискриминации *vis-à-vis* трансгендерных лиц, правовое признание пола которых происходило автоматически при рождении без каких-либо дополнительных требований. Она ежедневно сталкивалась с проблемами ввиду такого различия в обращении.

105. Во-вторых, заявительница, ее супруга и их ребенок получали защиту в меньшем объеме по сравнению с лицами, состоящими в гетеросексуальном браке, из-за стереотипных представлений, связанных с гендерной идентичностью заявительницы. Браки трансгендерных лиц не подвергались риску «принудительного» развода, как брак заявительницы. Тем не менее гендерная идентичность в настоящее время широко признается в качестве основания для защиты в целях запрета дискриминации.

2. Власти Финляндии

106. Власти Финляндии согласились с тем, что статья 14 Конвенции применима в настоящем деле, поскольку оно попадает в сферу действия статьи 8 Конвенции, но утверждали, что по настоящему делу не возникают отдельные вопросы в соответствии со статьей 14 Конвенции. Если у Европейского Суда будет иное мнение, власти Финляндии отметили, что положение трансгендерных лиц не было аналогично положению заявительницы, поскольку они не стремились изменить пол. В любом случае существовало объективное и разумное обоснование для различия в обращении. Правовая система Финляндии запрещала дискриминацию по признаку трансгендерности.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

107. Европейский Суд отмечает, что статья 14 Конвенции дополняет иные материально-правовые положения Конвенции и Протоколов к ней. Она не имеет автономного действия, поскольку применяется только в отношении «осуществления прав и свобод», гарантированных иными положениями Конвенции. Хотя применение статьи 14 Конвенции не предполагает нарушения указанных положений, в этой степени она является автономной, вопрос о ее применении может возникать только в том случае, если рассматриваемые факты относятся к сфере действия одного или нескольких из указанных положений (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Е.В. против Франции» (E.V. v. France) от 22 января 2008 г., жалоба № 43546/02, § 47, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлианатос и другие против Греции» (Vallianatos and Others v. Greece), жалобы №№ 29381/09 и 32684/09, § 72, ECHR 2013).

108. В своей прецедентной практике Европейский Суд устанавливал, что для возникновения вопроса в соответствии со статьей 14 Конвенции должно иметь место различие в обращении между лицами, находящимися в аналогичных ситуациях. Такое различие носит дискриминационный характер в отсутствие объективного и разумного обоснования, иными словами, если оно не преследует правомерную цель или если отсутствует разумное отношение соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью. Договаривающиеся Государства пользуются определенными пределами усмотрения при оценке того, оправдывают ли и в какой степени различия в аналогичных ситуациях разницу в обращении (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Берден против Соединенного Королевства» (Burden v. United Kingdom), жалоба № 13378/05, § 60, ECHR 2008).

109. С одной стороны, Европейский Суд неоднократно указывал на то, что различия, основанные на гендерной или сексуальной ориентации, требуют особенно серьезного обоснования для их оправдания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Смит и Грейди против Соединенного Королевства» (Smith and Grady v. United Kingdom), жалобы №№ 33985/96 и 33986/96, § 90, ECHR 1999-VI, Постановление Европейского Суда по делу «L. и V. против Австрии» (L. and V. v. Austria), жалобы №№ 39392/98 и 39829/98, § 45, ECHR 2003-I, Постановление Европейского Суда по делу «Карнер против Австрии» (Karner v. Austria), жалоба № 40016/98, § 37, ECHR 2003-IX, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (Konstantin Markin v. Russia), жалоба № 30078/06¹, § 127, ECHR 2012, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «X и другие против Австрии» (X and Others v. Austria), жалоба № 19010/07, § 99, ECHR 2013, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлианатос и другие против Греции», § 77). С другой стороны, власти государства-ответчика в соответствии с Конвенцией обычно пользуются широкими пределами усмотрения в отношении мер общего характера, например, в области экономической или социальной стратегии (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (Stec and Others v. United Kingdom), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, § 52, ECHR 2006-VI). Широта пределов усмотрения будет варьироваться в зависимости от обстоятельств, предмета спора и его предпосылок. В связи с этим одним из значимых факторов может стать наличие или отсутствие согласованной позиции в законодательстве Договаривающихся Государств (см. Постановление Европейского Суда по делу «Петрович против Австрии» (Petrovic v. Austria) от 27 марта 1998 г., § 38, Reports 1998-II).

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

110. В настоящем деле не оспаривалось, что положение заявительницы относится к сфере действия понятие «личная жизнь» и «семейная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции, а также к сфере действия статьи 12 Конвенции. Следовательно, статья 14 Конвенция может быть применима в настоящем деле во взаимосвязи со статьями 8 и 12 Конвенции.

111. Европейский Суд отмечает, что жалобы заявительницы в соответствии со статьей 14 Конвенции касаются ее запроса о предоставлении

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

ей личного идентификационного номера женщины и проблем, с которыми она сталкивается в связи с этим. В своих жалобах заявительница сравнила свое положение с ситуацией трансгендерных лиц, правовое признание пола которых происходит автоматически при рождении и брак которых, по утверждению заявительницы, не подвергается риску «принудительного» развода, как ее брак.

112. Большая Палата Европейского Суда согласна с Палатой Европейского Суда в том, что ситуации заявительницы и трансгендерных лиц не достаточно похожи, чтобы их можно было сравнивать друг с другом. Следовательно, заявительница не может утверждать, что она находилась в том же положении, что и трансгендерные лица.

113. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что по делу не было допущено нарушение требований статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 8 и 12 Конвенции.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) постановила 14 голосами «за» при трех – «против», что не было допущено нарушения требований статьи 8 Конвенции;

2) постановила 14 голосами «за» при трех – «против», что отсутствует необходимость рассматривать дело в соответствии со статьей 12 Конвенции;

3) постановила 14 голосами «за» при трех – «против», что не было допущено нарушения требований статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 8 и 12 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 16 июля 2014 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ	Дин ШПИЛЬМАНН
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совпадающее мнение судьи Инеты Зиемеле;

(б) совместное особое мнение судей Андраша Шайо, Хеллен Келлер и Пауля Лемменса.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ИНЕТЫ ЗИЕМЕЛЕ

1. Я голосовала совместно с большинством судей по настоящему делу. Тем не менее я хотела бы добавить несколько комментариев относительно методологии, используемой в настоящем Постановлении. Мне кажется, что в настоящем деле выбор методологии представлял особую

сложность. Дело касалось предполагаемого права оставаться в браке и права на изменение пола. Палата Европейского Суда рассмотрела дело с точки зрения права на неприкосновенность личной жизни и вмешательства в указанное право. При анализе пропорциональности такого вмешательства она ссылаясь на отсутствие в Европе единой позиции по поводу однополых браков. Большая Палата Европейского Суда приняла к сведению подход Палаты Европейского Суда, но решила, что в настоящем деле речь идет о позитивных обязательствах (см. § 64 настоящего Постановления). Действительно, Европейский Суд всегда подчеркивал сложность четкого разграничения негативных и позитивных обязательств. Однако я задаюсь вопросом: так ли это сложно в действительности или это решение Европейского Суда оставить данный вопрос открытым? Настоящее дело демонстрирует достаточную важность указанного различия, поскольку Большая Палата предпочла использовать подход, отличный от подхода Палаты Европейского Суда. Недавно в другом деле Большая Палата решила, что следует заменить подход Палаты Европейского Суда, которая рассматривала дело как дело о вмешательстве, и рассматривать дело как дело о позитивных обязательствах (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании» (*Fernández Martínez v. Spain*), жалоба № 56030/07, *ECHR* 2014).

2. В контексте статьи 8 Конвенции Европейский Суд сослался на свою прецедентную практику, согласно которой отсутствует обязательство предоставлять однополым парам право на вступление в брак (см. § 71 настоящего Постановления). Действительно Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что в отсутствие четкой практики в Европе и с учетом продолжающихся дебатов во многих европейских обществах он не может толковать статью 8 Конвенции как налагающую такое обязательство. В целях настоящего дела Европейский Суд вновь анализирует так называемый консенсус на европейском уровне. Произошли ли какие-либо изменения с момента вынесения им постановления по последнему делу? По сути это означает, что Европейский Суд пытается установить по возможности, каковы законодательство и правоприменительная практика в 47 государствах – членах Совета Европы, и, таким образом, пытается определить, возникла ли последующая практика государств, ведущая к новому толкованию или даже к изменению договора (см. статью 31 Венской конвенции о праве международных договоров) или, возможно, подтверждающая существование *opinio juris*¹.

¹ I. Ziemele. Customary International Law in the Case-Law of the European Court of Human Rights – The Method // The Judge and International Custom (Council of Europe, 2012), pp. 75–83.

3. Тем не менее я задаюсь вопросом о том, в какой степени и каким образом вышеупомянутый анализ был необходим в настоящем деле. Данный анализ, по-видимому, связан с решением Европейского Суда рассматривать дело с точки зрения позитивных обязательств государства. В § 79 настоящего Постановления Европейский Суд напоминает, что «ключевой вопрос в настоящем деле заключается в том, отвечает ли действующая в Финляндии правовая система позитивному обязательству государства в этом отношении или следует разрешить заявительнице оставаться в браке и одновременно признать ее новый пол, даже если это приведет к возникновению однополого брака между заявительницей и ее супругой».

Единственно, когда ссылка на данные сравнительно-правового исследования представляется уместной, это замечание о том, что Финляндия в любом случае уже принадлежит к группе меньшинства государств, которые признают соответствующие правовые последствия изменения пола. По-видимому, это предполагает, что внутренние процессы в Финляндии достаточно прогрессивны по сравнению с другими обществами, и Финляндия, вероятно, выполняет свои позитивные обязательства в том объеме, в котором можно сделать вывод об их наличии.

4. В связи с этим тот факт, что Конвенция не возлагает на власти Финляндии специального обязательства предусматривать однополые браки, не помогает Европейскому Суду в решении проблемы в настоящем деле (см. § 79 настоящего Постановления). Заявительница не может утверждать, что она имеет право оставаться в браке с точки зрения права Конвенции. Она не оспаривает это. Она утверждает, что произошедшие с ней изменения представляют собой вмешательство в ее право на неприкосновенность личной жизни. При этом не доказано, что ее семейная жизнь по смыслу статьи 8 Конвенции будет каким-либо образом затронута изменением ее пола. Подлинная задача Европейского Суда в настоящем деле заключается в оценке вмешательства в право на неприкосновенность личной жизни, поэтому, с точки зрения методологии, я бы также следовала позиции судей, выразивших особое мнение, хотя я и не согласна с их выводом. Как мне представляется, в выводе Европейского Суда о том, что нарушение не имело места ввиду отсутствия специального позитивного обязательства государства вводить законодательство об однополых браках, имеется логическая ошибка. Если бы дело касалось позитивных обязательств, Европейский Суд мог бы остановиться на § 80 настоящего Постановления, где он отмечает прогресс, достигнутый властями Финляндии по сравнению с другими государствами. Я также отмечаю, что в целом аргументация фактически основана на доводах, имеющих отношение к оценке соразмерности вмешательства (см. §§ 81 и 84

et seq. настоящего Постановления). В отличие от меньшинства судей я считаю, что защита нравственности является надлежащим оправданием для вмешательства в право заявительницы на неприкосновенность частной жизни в той степени, в которой такое вмешательство касается статуса ее брака и рассматривается в контексте широких пределов усмотрения, предоставленных властям государств-ответчиков.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО, ХЕЛЛЕН КЕЛЛЕР И ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА

1. К сожалению, мы не можем согласиться с выводом большинства судей об отсутствии нарушения требований статьи 8 Конвенции в настоящем деле. Наша аргументация будет строиться на основе статьи 8 Конвенции. Однако мы полагаем, что настоящее дело следовало рассмотреть иным образом как в отношении статьи 12 Конвенции, так и в отношении статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции.

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

2. Основанием для рассмотрения жалобы заявительницы со ссылкой на статью 8 Конвенции служит тот факт, что гендерная идентичность представляет собой особенно важную составляющую существования человека и что государства должны признавать изменение пола лиц, сделавших операцию по смене пола (см. §§ 67–68 настоящего Постановления). В данном контексте Европейский Суд в 2002 году постановил, что в отсутствие каких-либо «конкретных или существенных трудностей или ущерба публичным интересам», возникающих из правового признания пола лиц, сделавших операцию по смене пола, «можно с полным основанием утверждать, что общество терпимо отнесется к некоторому неудобству, которое позволит отдельным лицам жить с достоинством в соответствии с той половой принадлежностью, которую они выбрали ценой больших личных потерь» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» (*Christine Goodwin v. United Kingdom*), жалоба № 28957/95, § 91, *ECHR* 2002-VI). В этом отношении мы согласны с большинством судей.

3. Однако, по нашему мнению, аргументация большинства судей была основана на трех допущениях, которые мы не разделяем.

4. Во-первых, большинство судей постановили, что жалобу следует анализировать с точки зрения позитивного обязательства государства (см. §§ 62–64 настоящего Постановления). Указанный вывод представляется важным, по-

скольку Европейский Суд наделяет государства более широкими пределами усмотрения в связи с их позитивными обязательствами по сравнению с их негативными обязательствами (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фадеева против Российской Федерации» (Fadeyeva v. Russia), жалоба № 55723/00¹, § 96, ECHR 2005-IV, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А, В и С против Ирландии» (A, B and C v. Ireland), жалоба № 25579/05, §§ 248–249 и 266, ECHR 2010). Однако отказ государственных органов власти выдать заявительнице новое удостоверение личности с указанием ее нового пола, по нашему мнению, должен рассматриваться как потенциальное нарушение негативного обязательства, поскольку оно не требует каких-либо серьезных мер со стороны органов власти и не влечет за собой важных социальных или экономических последствий. Иными словами, большинство судей решили, что вмешательство со стороны органов государственной власти следует понимать просто как отказ государства не связывать вопрос выдачи нового удостоверения личности с гражданским состоянием заявительницы. Мы не согласны с этим мнением в части доктрины.

5. Во-вторых, решающим аргументом в пользу вывода большинства судей служит тот факт, что среди государств – членов Совета Европы отсутствует консенсус по вопросам, касающимся трансгендерных лиц (см. § 74 настоящего Постановления). На наш взгляд, это неверный подход не в последнюю очередь потому, что он противоречит предыдущей прецедентной практике Европейского Суда. Он должен был рассматривать общий консенсус как один из ряда инструментов или критериев для определения широты пределов усмотрения государства в данной области (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х и другие против Австрии» (X and Others v. Austria), жалоба № 19010/07, § 148, ECHR 2013). Иными словами, наличие консенсуса – это не единственный фактор, который влияет на широту пределов усмотрения государства: указанные пределы ограничиваются, если «затрагивается особенно важная составляющая существования или идентичности человека» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.H. и другие против Австрии» (S.H. and Others v. Austria), жалоба № 57813/00, § 94, ECHR 2011)². По общему правилу, если речь идет об особенно важном аспекте конвенционного права, Европейский Суд должен рассматривать отдельные дела с особой тщательностью и выносить соответствующие постановления

при наличии вмешательства, несовместимого со стандартами Конвенции, даже если это потенциально затрагивает многие Договаривающиеся Государства. Данное правило применяется в настоящем деле, поскольку в нем затрагивается особенно важная составляющая личности заявительницы, следовательно, предоставленные государству пределы усмотрения сужаются. Учитывая высказанные ранее критические замечания в отношении подхода на основе консенсуса, который считается потенциальным инструментом регресса и допускает преобладание «наименьшего общего знаменателя» среди государств – членов Совета Европы, мы считаем, что внимание Европейского Суда к данному подходу должно иметь пределы, и считаем, что отсутствие консенсуса не может быть использовано для расширения узких пределов усмотрения государства в настоящем деле³. В данном контексте мы отмечаем, что доказательство наличия консенсуса, если оно приводится, не должно зависеть от наличия общего подхода в подавляющем большинстве государств. Европейский Суд обладает некоторой дискрецией в том, что касается признания тенденций (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлианатос и другие против Греции» (Vallianatos and Others v. Greece), жалобы №№ 29381/09 и 32684/09, § 91, ECHR 2013)⁴. Мы также отмечаем, что в вышеупомянутом знаковом Постановлении по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» относительно отсутствия консенсуса среди государств – членов Совета Европы по вопросу правового признания приобретенного пола Европейский Суд постановил, что:

«отсутствие единого подхода среди 43 Договаривающихся Государств при всем многообразии их правовых систем и традиций вряд ли вызывает удивление... Европейский Суд, соответственно, придает отсутствию признаков какого-либо единого для Европы подхода к урегулированию возникающих правовых и практических проблем меньшее значение, нежели четким и неоспоримым признакам текущей международной тенденции в пользу не только большей социальной терпимости по отношению к трансгендерам, но и правового признания новой половой идентичности лиц, сделавших операцию по смене пола» (см. упомянувшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», § 85).

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 3 (примеч. редактора).

² См.: Wildhaber Luzius, Hjartarson Arnaldur and Donnelly Stephen. No Consensus on Consensus? The Practice of the European Court of Human Rights // Human Rights Law Journal 33 (2013), pp. 248–263, at p. 252.

³ См.: Martens Paul. Perplexity of the National Judge Faced with the Vagaries of European Consensus in: Dialogue between Judges (Council of Europe, 2008), pp. 77–98, at p. 95. См. также: Benvenisti Eyal. Margin of Appreciation, Consensus, and Universal Standards // New York University Journal of International Law and Politics 31(4) (1999), pp. 843–54, at p. 852.

⁴ В связи с этим см. анализ прецедентной практики Европейского Суда, проведенный Лоуренсом Р. Хелфером и Эриком Вотеном: Laurence R. Helfer and Erik Voeten. International Courts as Agents of Legal Change: Evidence from LGBT Rights in Europe // International Organization 68(1) (2014), pp. 77–110, at p. 93.

Европейский Суд далее отметил, что вопрос о правовом признании приобретенного пола более не находится в пределах усмотрения государства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», § 93). Что касается указанной «тенденции», то мы отмечаем, что правовое признание прав трансгендеров и интерсексуальных лиц постепенно усиливается во всем мире¹. Таким образом, по вопросу о значимости отсутствия консенсуса среди государств – членов Совета Европы мы не согласны с большинством судей с методологической точки зрения.

6. В-третьих, большинство судей исходило из предположения о том, что заявительница имела реальный выбор между сохранением своего брака и получением личного идентификационного номера, в котором она будет указана как женщина (см. §§ 76–78 настоящего Постановления). По нашему мнению, крайне сложно противопоставлять друг другу два права человека: в данном случае право на признание гендерной идентичности и право на сохранение своего гражданского состояния. Кроме того, мы полагаем, что большинство судей не учли в достаточной степени тот факт, что заявительница и ее супруга глубоко религиозны (см. § 44 настоящего Постановления). Соответственно, они верят, что их брак будет длиться всю жизнь. Наконец, супруга заявительницы по-прежнему имеет гетеросексуальную ориентацию. Учитывая их религиозное воспитание, заявительница и ее супруга не могут просто изменить свой брак на союз однополых лиц, поскольку это противоречит их религиозным убеждениям. В связи с этим мы считаем, что большинство судей не приняли во внимание важную фактическую информацию в достаточной степени.

7. В данных обстоятельствах мы хотели бы подчеркнуть, что Европейский Суд должен был рассмотреть жалобу со ссылкой на статью 8 Конвенции с учетом особой значимости гендерной идентичности для человека и узких пределов усмотрения

властей государства-ответчика в данной области, а также принимая во внимание сильные религиозные убеждения заявительницы и ее супруги в отношении их брака.

II. СТАТЬЯ 8 КОНВЕНЦИИ

8. Заявительница заинтересована в том, чтобы ей был предоставлен личный идентификационный номер женщины, поскольку в противном случае она должна будет идентифицировать себя как трансгендер и, таким образом, раскрывать аспект своей личности, относящийся к ее самой интимной сфере каждый раз, когда возникнет необходимость пояснить несоответствие между ее гендерной идентичностью и ее удостоверением личности. По нашему мнению, это составляет нечто большее, чем вызывающее сожаление «неудобство» (см. § 87 настоящего Постановления). В связи с этим мы вновь ссылаемся на вышеупомянутое Постановление по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», в котором Большая Палата Европейского Суда постановила, что

«стресс и отчуждение, которые явились результатом несоответствия между положением в обществе после сделанной трансгендером операции и статусом, определенным законодательством, которое не позволяет признать факт изменения пола, не могут, по мнению Европейского Суда, рассматриваться как незначительное неудобство, вызванное соблюдением формальностей. В таком случае возникает конфликт между социальной реальностью и законодательством, что ставит трансгендеров в ненадлежащее положение, в котором они могут испытывать чувства уязвимости, унижения и тревоги» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства», § 77).

Во-вторых, альтернатива, предложенная заявительнице, а именно преобразование ее брака в союз однополых лиц, как указано выше, невозможна, поскольку пара, состоящая в браке с 1996 года, чувствует себя объединенной религиозным убеждением, которое не позволяет преобразовать их отношения в союз однополых лиц. Семнадцатилетний брак супружеской пары, в котором помощь и поддержка со стороны супруги заявительницы являются важной составляющей не только их отношений, но и сложного процесса превращения заявительницы из мужчины в женщину, не дает оснований сомневаться в глубокой приверженности заявительницы и ее супруги, имеющей гетеросексуальную ориентацию, их браку. Как показывает настоящее Постановление, заявительница вынуждена выбирать между сохранением брака, который относится к сфере действия понятия «семейная жизнь» в целях статьи 8 Конвенции, и правовым признанием ее приобретенной гендерной идентичности, которая попадает под понятие «частная жизнь» в целях статьи 8 Конвенции (см.

¹ Мы отмечаем, что в рамках Совета Европы существование «третьего пола» было признано федеральным законодательным органом Германии (пункт 3 статьи 22 Закона о гражданском состоянии (*Personenstandsgesetz*, PStG), вступившего в силу 19 февраля 2007 г. (BGBl. I, с. 122), в редакции статьи 3 Закона от 28 августа 2013 г. (BGBl. I, с. 3458)). За пределами Совета Европы верховные суды некоторых стран пришли к таким же выводам (см. Постановление Верховного суда Непала по делу «Сунил Бабу Пант и другие против Непала» (*Sunil Babu Pant and Others v. Nepal*) от 21 декабря 2007 г., жалоба № 917, Постановление Высокого суда Австралии по делу «Регистратор актов рождения, смерти и семейного состояния штата Новый Южный Уэльс против Норри» (*NSW Registrar of Births, Deaths and Marriages v. Norrie*) от 2 апреля 2014 г. [2014] HCA 11, Постановление Верховного суда Индии по делу «Национальный орган по оказанию услуг юридического характера Индии против организации «Союз Индии» и других» (*National Legal Services Authority v. Union of India and Others*) от 15 апреля 2014 г., (гражданская) жалоба № 400 от 2012 года).

§§ 57–61 настоящего Постановления). Исходя из этого мы не можем согласиться с выводом большинства судей о том, что у заявительницы имелось несколько приемлемых вариантов (см. §§ 76–77 настоящего Постановления), и должны прийти к выводу, что она будет подвергаться вмешательству в свои права, предусмотренные статьей 8 Конвенции, независимо от того, какой из этих «вариантов» она выберет.

9. Классический анализ предполагаемого вмешательства в права заявительницы, предусмотренные статьей 8 Конвенции, позволит оценить, соответствовало ли вмешательство закону и было ли оно необходимо в демократическом обществе для защиты одной или нескольких правомерных целей, перечисленных в пункте 2 статьи 8 Конвенции. Первое из указанных требований, безусловно, выполняется. Что касается достижения правомерной цели, Европейский Суд в контексте своей прецедентной практики по статье 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции признал, что государства имеют законный интерес в защите брака в традиционном смысле, наделяя правом вступать в брак только партнеров гетеросексуальной ориентации, и что данный интерес может оправдывать различия в обращении (см. Постановление Европейского Суда по делу «Карнер против Австрии» (*Karner v. Austria*), жалоба № 40016/98, § 40, *ECHR* 2003-IX, Решение Европейского Суда по делу «Пэрри против Соединенного Королевства» (*Parry v. United Kingdom*), жалоба № 42971/05, *ECHR* 2006-XV, Постановление Европейского Суда по делу «Шальк и Копф против Австрии» (*Schalk and Kopf v. Austria*), жалоба № 30141/04¹, §§ 61–62, *ECHR* 2010, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлианатос и другие против Греции», §§ 83–85). Однако рассматривая статью 8 Конвенции отдельно, Европейский Суд должен оценивать не наличие оправдания для различия в обращении, а допустимость ограничения прав для достижения одной из целей, перечисленных в пункте 2 статьи 8 Конвенции. Поскольку рассматриваемое ограничение явно не является необходимым для защиты национальной безопасности и общественного порядка или экономического благосостояния Финляндии, для предотвращения беспорядков или преступлений, а также для охраны здоровья, единственными возможными основаниями для ограничения прав являются охрана нравственности и защита прав и свобод других лиц.

10. Мы утверждаем, что права и свободы других лиц никоим образом не будут затронуты, если заявительнице и ее супруге будет разрешено остаться в браке, несмотря на правовое изменение пола заявительницы. Их продолжающиеся супружеские

отношения не будут иметь пагубных последствий для права других лиц вступать в брак или для существующих браков.

11. Во-вторых, хотя мы признаем, что защита традиционной семьи может быть оправдана определенными соображениями нравственности, по нашему мнению, охрана нравственности не является достаточным основанием для ограничения прав заявительницы в настоящем деле. Для того, чтобы данная цель оправдывала действующее вмешательство в статью 8 Конвенции по смыслу ее второго пункта, вмешательство должно быть необходимым в демократическом обществе. Соответственно, Европейский Суд должен определить, было ли вмешательство оправдано существованием настоятельной общественной необходимости и было ли оно соразмерно преследуемой правомерной цели. В связи с этим он должен установить, был ли достигнут справедливый баланс между конкурирующими интересами, что предполагает предоставление властям государства-ответчика некоторых пределов усмотрения (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А, В и С против Ирландии», § 229).

12. Власти Финляндии не утверждали, что возникнут значительные практические трудности, если состоящим в браке трансгендерным лицам будет разрешено получать правовое признание их пола, приобретенного после операции. Если говорить прямо, единственный интерес в настоящем деле заключается в заинтересованности общественности в том, чтобы институт брака не распространялся на однополые пары. Хотя мы не намерены отрицать законность интереса государства в защите института брака, мы считаем, что значимость данного довода представляет собой другой вопрос, который следует рассматривать отдельно. По нашему мнению, незначительное количество пар, которые могут пожелать остаться в браке в ситуации, подобной ситуации заявительницы, не представляет угрозу для института брака. С учетом вышесказанного мы не можем прийти к выводу о том, что власти государства-ответчика вправе ссылаться на неотложную общественную необходимость, отказывая заявительнице в праве оставаться в браке после правового признания ее нового пола.

13. Что касается соразмерности вмешательства, мы отмечаем, что государство располагает определенными пределами усмотрения в отношении достижения справедливого баланса между оспариваемыми конкурирующими интересами. С учетом этого мы, тем не менее, полагаем, что власти Финляндии не доказали, что опасность для нравственности достаточно существенна, чтобы оправдать оспариваемое вмешательство. В связи с этим мы отмечаем, что, поскольку заявительница и ее супруг продолжают оставаться в браке на момент вынесения настоящего Постановления, они пред-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 11 (примеч. редактора).

ставляют себя в отношениях с внешним миром как лиц с женским гендерным самовыражением, которые объединены законным браком. Иными словами, они продолжают проживать совместно как супружеская пара в полном соответствии с законодательством Финляндии, несмотря на то, что в глазах многих людей они являются однополрой парой. Учитывая, что смена заявительницей гендерной идентичности представляет собой *fait accompli*¹, сложно понять, почему правовое признание ее приобретенного пола окажет какое-либо существенное (дополнительное) влияние на общественную нравственность. Кроме того, мы ссылаемся на недавнее постановление Верховного суда Индии, в котором отмечалось, что общество жестоко обращается с трансгендерами, «забывая о том, что нравственная несостоятельность заключается в нежелании общества включать в себя или охватывать различные гендерные идентичности и самовыражения, это образ мышления, который необходимо изменить»². По словам одного из авторов, сомнительное «отвращение» общества к трансгендерным лицам не является нормативной идеей, которая должна быть подкреплена законом³.

14. Принимая во внимание вышеизложенные соображения при анализе обоснованности ограничения прав заявительницы, предусмотренных статьей 8 Конвенции, по смыслу пункта 2 указанной статьи Конвенции, мы неизбежно приходим к выводу о том, что вмешательство в такие права не является необходимым в демократическом обществе. Следовательно, по нашему мнению, в настоящем деле было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции.

III. СТАТЬЯ 12 КОНВЕНЦИИ

15. Поскольку мы пришли к выводу о том, что требования статьи 8 Конвенции были нарушены, мы считаем, что не возникает отдельного вопроса в соответствии со статьей 12 Конвенции.

16. Тем не менее мы хотели бы отметить, что возникновение отдельного вопроса в соответствии со статьей 12 Конвенции становится более сложным ввиду вывода об отсутствии нарушения статьи 8 Конвенции, который сделали большинство судей. По нашему мнению, большинство судей должны были рассмотреть вопрос о том, гарантирует ли статья 12 Конвенции в дополнение к праву на вступление в брак также и право оставаться

в браке, если веские основания не оправдывают вмешательство в гражданское состояние супругов. Мы не считаем, что смена пола одним из супругов является веским основанием, оправдывающим расторжение брака, если оба супруга явно желают продолжать свои прежние брачные отношения. Данный довод подтверждается принципом 3 Джокьякартских принципов (*Yogyakarta Principles*)⁴ и недавними постановлениями Конституционных судов Австрии, Германии и Италии, которые отменили решения, требующие расторжения ранее заключенных браков в качестве предварительного условия для правового признания приобретенного пола⁵.

IV. СТАТЬЯ 14 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

17. Безусловно, вопросы, поднятые в настоящем деле, попадают под понятия как частной, так и семейной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции (см. §§ 59–60 настоящего Постановления и § 8 выше). Кроме того, заявительница сталкивалась с различиями в обращении на основании ее пола (а не на основании ее сексуальной ориентации, что представляет собой отдельный вопрос). Большинство судей справедливо указывают на то, что согласно сложившейся прецедентной практике Европейского Суда различия на основе пола требуют особенно серьезного обоснования для их оправдания (см. § 109 настоящего Постановления). По нашему мнению, отсутствует необходимость ссылаться также на прецедентную практику Европейского Суда в отношении сексуальной ориентации.

⁴ Джокьякартские принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности приняты Международной комиссией юристов в марте 2007 года http://www.yogyakartaprinciples.org/principles_en.htm. Принцип 3, который касается права на признание перед законом, устанавливает, среди прочего, следующее: «Никакое состояние, в частности, супружеские или родительские отношения, не должно само по себе препятствовать правовому признанию гендерной идентичности того или иного лица».

⁵ Постановление Конституционного суда Австрии от 8 июня 2006 г., V 4/06–7, IV.2, Постановление Конституционного суда Германии от 27 мая 2008 г., 1 BvL 10/05, § 49, Постановление Конституционного суда Италии от 11 июня 2014 г., № 170/2014 (оно было принято после вынесения Большой Палатой Европейского Суда настоящего Постановления). При этом мы признаем, что Конституционный суд Австрии рассматривал только тот факт, что правовая смена пола была невозможна для лиц, состоящих в браке, и не анализировал последствия такой смены для гражданского состояния лица. Конституционные суды Германии и Италии сочли, что расторжение брака в таких случаях было запрещено, поскольку, в отличие от настоящего дела, регулирование на внутригосударственном уровне не предусматривало возможности продолжения отношений в другой форме (например, в форме гражданского союза), и, следовательно, содержание прав и обязанностей супругов уменьшалось.

¹ *Fait accompli* (фр.) – совершившийся факт (примеч. переводчика).

² См.: Постановление Верховного суда Индии по делу «Национальный орган по оказанию услуг юридического характера Индии против организации «Союз Индии» и других», примечание 22.

³ См.: *Sharpe Alex. Transgender Marriage and the Legal Obligation to Disclose Gender History // The Modern Law Review* 75(1) (2012), pp. 33–53, at p. 3.

18. Сложный вопрос в настоящем деле касается определения группы лиц, с которой можно было бы сравнить заявительницу и ее супруга. Заявительница утверждала, что обращение с ней отличалось от обращения с трансгендерными лицами в части отказа выдать ей новое удостоверение личности, а также от обращения с лицами гетеросексуальной ориентации относительно защиты ее брака с супругой гетеросексуальной ориентации.

19. Вызывает сожаление тот факт, что большинство судей отвергают указанные вопросы просто потому, что ситуация заявительницы недостаточно схожа с ситуацией трансгендерных лиц (см. § 112 настоящего Постановления). Большинство судей не рассматривают вопрос о том, подвергалась ли заявительница дискриминации *vis-à-vis* лиц гетеросексуальной ориентации (см. § 105 настоящего Постановления). Нам не приходит в голову какая-либо иная ситуация, кроме фиктивного или девственного брака, но это отдельный вопрос, в которой законно состоящая в браке трансгендерная гетеросексуальная пара должна была бы выбирать между сохранением своего гражданского состояния и получением удостоверений личности с указанием того пола, с которым они себя идентифицируют. Хотя государства располагают некоторыми пределами усмотрения при определении того, оправдывают ли и в какой степени различия в ином образом аналогичных ситуациях разницу в обращении (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делам «X и другие против Австрии», § 98, «Валлиантос и другие против Греции», § 76, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (Konstantin Markin v. Russia), жалоба № 30078/06¹, § 126, ECHR 2012), в конечном счете, Европейский Суд должен установить, были ли соблюдены требования Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Константин Маркин против Российской Федерации», § 126). Таким образом, по нашему мнению, Европейский Суд должен был рассмотреть данный вопрос.

20. Наконец, что не менее важно, мы утверждаем, что заявительница и ее супруга стали жертвами дискриминации, поскольку органы государственной власти не провели различий между их ситуацией и положением гомосексуальных пар (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тлимменос против Греции» (Thlimmenos v. Greece), жалоба № 34369/97, § 44, ECHR 2000-IV). Фактически

правопорядок Финляндии рассматривает их ситуацию как положение гомосексуалов. Однако как минимум в момент вступления в брак заявительница и ее супруга не являлись гомосексуальными партнерами. Даже после смены заявительницей пола считать ее отношения гомосексуальными означает излишне упрощать ситуацию. По нашему мнению, ключевой вопрос, касающийся проблемы дискриминации, заключается в оценке неспособности властей государства-ответчика провести различие между положением заявительницы и ситуацией гомосексуальной пары, поскольку они не предусмотрели соответствующие исключения из нормы, запрещающей однополым парам вступать в брак (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тлимменос против Греции», § 48). Мы выражаем сожаление в связи с тем, что данный вопрос не был рассмотрен.

V. ВЫВОД

21. Таким образом, мы не согласны с выводами большинства судей по нескольким пунктам. Во-первых, мы не согласны с ними в части характера рассматриваемого обязательства, методологии, касающейся уровня проверки, и вывода о том, что заявительница имела реальный выбор между сохранением своего брака и получением правового признания ее вновь приобретенного пола. Во-вторых, что касается оправдания вмешательства в права заявительницы, предусмотренные статьей 8 Конвенции, мы утверждаем, что правомерной цели защиты традиционной семьи не будет нанесен ущерб, если лицам, находящимся в ситуации, аналогичной ситуации заявительницы и ее супруги, будет разрешено оставаться в браке после признания приобретенного пола одной из сторон брака. Ввиду отсутствия острой общественной необходимости для оспариваемого вмешательства, которое, таким образом, не было необходимо в демократическом обществе, мы считаем, что права заявительницы, гарантированные статьей 8 Конвенции, были нарушены. В-третьих, мы утверждаем, что с учетом вывода большинства судей в соответствии со статьей 8 Конвенции следовало рассмотреть вопросы, поднятые в рамках статьи 12 Конвенции. Наконец, мы не убеждены в том, что заявительница не подвергалась дискриминации в нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции, и считаем, что анализ Европейского Суда в этом отношении должен был быть более глубоким.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

Дело «Николае Вирджилиу Тэнасе (Nicolae Virgiliu Tănase) против Румынии»¹

(Жалоба № 41720/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 25 июня 2019 г.

По делу «Николае Вирджилиу Тэнасе против Румынии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Ангелики Нуссбергер,
Линос-Александра Сицилианоса,
Роберта Спано,
Ишиль Каракаш,
Анны Юджовской,
Небойши Вучинича,
Кристины Пардалос,
Винсента А. де Гаэтано,
Пауля Лемменса, *судей,*
Кшиштофа Войтычека, *судьи ad hoc,*

Эгидиуса Куриса,
Йонко Грозева,
Армена Арутюняна,
Габриэле Кучко-Штадлмейер,
Марка Бошняка,
Тима Айке, *судей,*

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 15 ноября 2017 г., 12 июля 2018 г. и 27 марта 2019 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 41720/13, поданной против властей Румынии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34

Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Румынии Николае Вирджилиу Тэнасе (далее – заявитель) 21 июня 2013 г.

2. Интересы заявителя представлял адвокат Д.И. Тэнасе (*D.I. Tănase*), практикующий в г. Плоешти (*Ploiești*). Власти Румынии были представлены своим Уполномоченным при Европейском Суде С. Брумар (*S. Brumar*), сотрудником Министерства иностранных дел.

3. Ссылаясь на статью 3, пункт 1 статьи 6 и на статью 13 Конвенции, заявитель утверждал, что расследование, проведенное властями Румынии в отношении обстоятельств дорожно-транспортного происшествия с его участием, было ненадлежащим и чрезмерно длительным. Он также считал, что власти Румынии не смогли должным образом защитить его право на доступ к суду и на эффективные средства правовой защиты в отношении его требований. Кроме того, они не смогли надлежащим образом защитить его право на рассмотрение его требований в течение разумного срока. Наконец, заявитель утверждал, что подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению ввиду способа проведения вышеупомянутого расследования властями Румынии.

4. Жалоба первоначально была распределена в Третью Секцию Европейского Суда, а затем в Четвертую Секцию (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда).

5. 17 апреля 2014 г. жалоба была коммуницирована властям Румынии. 2 июня 2015 г. властям Румынии было предложено представить дополнительные письменные замечания.

6. Судья Юлия Антоанелла Моток, избранная от Румынии, заявила самоотвод (пункт 3 правила 28 Регламента Европейского Суда). Председатель Европейского Суда назначил Кшиштофа Войтычека в качестве судьи *ad hoc* (пункт 1 правила 29 Регламента Европейского Суда).

7. 4 апреля 2017 г. Палата Четвертой Секции Европейского Суда приняла решение уведомить стороны о своем намерении уступить юрисдикцию по делу в пользу Большой Палаты Европейского Суда. 18 мая 2017 г. указанная Палата подтвердила свое намерение уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты Европейского Суда с учетом того, что ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30 Конвенции и пункты 1 и 4 правила 72 Регламента Европейского Суда).

8. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. В окончательном заседании запасной судья Армен Арутюнян заменил Хелену Ядерблом, которая не могла принимать участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Европейского Суда).

¹ Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 25 июня 2019 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

9. Заявитель и власти Румынии представили дополнительные письменные замечания.

10. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 15 ноября 2017 г.

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Румынии:

С. Брумар, сотрудник Министерства иностранных дел, Уполномоченный Румынии при Европейском Суде,

М. Лудушан (*M. Ludușan*), магистрат, прикомандированный к аппарату Уполномоченного Румынии при Европейском Суде, советник,

Л. Блеока (*L. Bleoca*), министр-советник, заместитель постоянного представителя постоянной делегации Румынии при Совете Европы, советник;

(б) со стороны заявителя:

Д.И. Тэнасе, адвокат.

Европейский Суд заслушал выступления С. Брумар, М. Лудушан и Д.И. Тэнасе. Затем С. Брумар и Д.И. Тэнасе ответили на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

11. Заявитель родился в 1943 году и проживает в г. Плоешти.

A. СОБЫТИЯ ДО ПОДАЧИ ЖАЛОБЫ ПО НАСТОЯЩЕМУ ДЕЛУ

12. 3 декабря 2004 г., около 20.40, заявитель, который в это время являлся судьей Дымбовицкого жудецкого суда¹ (*Dâmbovița County Court*), попал в дорожно-транспортное происшествие. В ходе судебных разбирательств в Румынии и в своей жалобе в Европейский Суд заявитель утверждал, *inter alia*, что третий водитель, D.I., въехал на своей машине в заднюю часть автомобиля заявителя. От удара автомобиль заявителя столкнулся с неподвижно стоявшим военным грузовиком, водителем которого был J.C.P.

13. После столкновения с автомобилем заявителя автомобиль D.I. отлетел от автомобиля заявителя и столкнулся с другим автомобилем, который ехал по полосе встречного движения (далее – четвертый автомобиль). В отношении водителя четвертого автомобиля расследование не проводилось.

¹ Жудец (рум. *județ* – уезд, от лат. *iudicium* – судебное заседание) – административно-территориальная единица Румынии первого уровня. Жудецы делятся на города и коммуны (примеч. редактора).

В. УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ ПРОИСШЕСТВИИ

1. Первый этап расследования

(а) Проведение расследования

14. В тот же день, 3 декабря 2004 г., Управление полиции г. Плоешти (далее – Управление полиции) по собственной инициативе возбудило уголовное расследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. Расследование Управления полиции осуществлялось под надзором прокуратуры при районном суде г. Плоешти (*Ploiești District Court*, далее – прокуратура при районном суде).

15. Управление полиции провело расследование на месте дорожно-транспортного происшествия. Согласно протоколу, составленному в ходе расследования на месте, были сделаны замеры и фотографии, зафиксировано подробное описание места происшествия, и установлены личности водителей, причастных к дорожно-транспортному происшествию. Медицинские работники взяли образцы крови у всех трех водителей, чтобы определить уровень содержания алкоголя в крови. Кроме того, Управление полиции обратилось в Судебно-медицинскую службу г. Плоешти (далее – Судебно-медицинская служба) с запросом о подготовке токсикологических заключений об уровне содержания алкоголя в крови всех водителей. Кроме того, сотрудники полиции взяли показания у некоторых пассажиров транспортных средств, затронутых дорожно-транспортным происшествием.

16. С 4 декабря 2004 г. по 6 сентября 2005 г. сотрудники Управления полиции взяли показания у остальных пассажиров транспортных средств, затронутых дорожно-транспортным происшествием, а также у заявителя, D.I. и J.C.P. и обратились в Судебно-медицинскую службу с запросом о подготовке судебно-медицинского экспертного заключения относительно лечения, необходимого заявителю в результате дорожно-транспортного происшествия.

17. В токсикологических заключениях, подготовленных 6 декабря 2004 г., содержался вывод о том, что содержание алкоголя было обнаружено только в крови заявителя.

18. В заключении судебно-медицинского эксперта относительно лечения, в котором нуждался заявитель после дорожно-транспортного происшествия, составленном 27 июня 2005 г., отмечалось, что к 6 мая 2005 г. заявителя трижды доставляли в больницу. У него были диагностированы, *inter alia*, множественные травмы, посттравматический разрыв брыжейки, а также переломы и/или смещения костей и частей тела. Ему сделали три хирургические операции, в том числе операцию по удалению части кишечника, и ему требовалась

нижняя трахеотомия вследствие осложнений со стороны дыхательного аппарата. В заключении также отмечалось, что обследование заявителя судебно-медицинским экспертом выявило снижение силы сжатия правой руки и снижение амплитуды при отведении правой руки. В заключении указывалось, что заявитель получил травмы, которые могли быть вызваны столкновением или сжатием твердыми предметами или поверхностями вследствие дорожно-транспортного происшествия 3 декабря 2004 г. Для лечения травм требовалось от 200 до 250 дней, а степень их тяжести поставила под угрозу жизнь заявителя. Наличие какой-либо степени инвалидности необходимо было оценить по завершении процесса восстановления.

19. 22 июня 2005 г. заявитель вступил в производство в качестве гражданского истца, требуя возмещения материального ущерба и морального вреда.

20. 2 августа 2005 г. прокуратура при районном суде отказалась от своей юрисдикции в пользу прокуратуры при Апелляционном суде г. Плоешти (далее – прокуратура при апелляции) ввиду наличия у заявителя статуса судьи. Последняя прокуратура возбудила уголовное производство *in rem* 6 сентября 2005 г., поскольку в результате дорожно-транспортного происшествия заявитель получил серьезные травмы, что повлекло за собой совершение преступления в виде непреднамеренного причинения тяжких телесных повреждений.

21. С 7 по 24 октября 2005 г. прокуратура при апелляции получила показания нескольких свидетелей дорожно-транспортного происшествия, в том числе четвертого водителя, и заслушала показания заявителя. Кроме того, она распорядилась, чтобы заявитель до 31 октября 2005 г. представил свои комментарии по поводу заключения технического эксперта, которое он запрашивал, а также имена других свидетелей, которых он просил допросить.

22. 28 октября 2005 г. адвокат заявителя обратился в прокуратуру при апелляции с ходатайством о продлении срока, установленного для заявителя, *inter alia*, по причине того, что он не смог проконсультировать заявителя или представить доказательства в связи с тяжелым состоянием здоровья последнего.

(b) Постановления прокуратуры при апелляции о прекращении производства по делу

23. 5 декабря 2005 г. прокуратура при апелляции прекратила производство по уголовному делу против D.I. и J.C.P. и уголовное расследование в отношении заявителя. Она постановила, что J.C.P. правильно припарковал грузовик. Кроме того, заявитель нес ответственность за дорожно-транспортное происшествие, поскольку он управ-

лял автомобилем, находясь в состоянии алкогольного опьянения, и не смог вести автомобиль на скорости, отвечающей условиям дорожного движения. Тем не менее в деле отсутствовали элементы состава преступления, поскольку уровень содержания алкоголя в его крови был ниже установленного законом порогового значения в 0,8 промилле.

24. Заявитель обратился к генеральному прокурору при прокуратуре при апелляции (далее – генеральный прокурор) с жалобой на указанное постановление. Он утверждал, *inter alia*, что органы прокуратуры не представили заключение технического эксперта и умышленно или нет, но проигнорировали или неверно истолковали имевшиеся в деле доказательства.

25. 3 января 2006 г. генеральный прокурор отклонил жалобу заявителя. Он повторил выводы прокуратуры при апелляции. Кроме того, он установил, что заявитель не начал торможение перед столкновением с грузовиком. Он добавил, что отсутствует необходимость в заключении технического эксперта с учетом того факта, что уже полученные доказательства являются убедительными.

2. Первый этап судебных разбирательств

26. Заявитель обжаловал постановления от 5 декабря 2005 г. и 3 января 2006 г. в Апелляционном суде г. Плоешти. Он повторил доводы, содержащиеся в его обращении к генеральному прокурору. Кроме того, он утверждал, что следователи проигнорировали его ходатайство о приобщении к материалам дела доказательств, которые позволили бы ему доказать, что образцы крови у него были взяты незаконно или при подозрительных обстоятельствах.

27. 17 апреля 2006 г. Апелляционный суд г. Плоешти объявил об отсутствии у него юрисдикции и передал дело в районный суд г. Плоешти (далее – районный суд) на основании того, что заявитель ушел в отставку с должности судьи. После того, как районный суд принял дело к своему рассмотрению, в период с 13 июня по 6 октября 2006 г. он пять раз откладывал слушания по делу по процессуальным основаниям, а также для того, чтобы иметь время для изучения дела.

28. 13 октября 2006 г. районный суд отклонил жалобу заявителя на решения органов прокуратуры. Районный суд постановил, что заявитель нес ответственность за дорожно-транспортное происшествие. Он не смог отрегулировать скорость своего автомобиля в соответствии с условиями дорожного движения, чтобы избежать риска потенциальной опасности на дороге.

29. По итогам рассмотрения (повторной) апелляционной жалобы заявителя по вопросам факта и права 18 декабря 2006 г. Праховский жудецкий суд (*Prahova County Court*) отменил указанное

постановление и потребовал от прокуратуры при районном суде возобновить уголовное разбирательство в отношении D.I. и J.C.P. Праховский жудецкий суд также потребовал от органов прокуратуры представить заключение технического эксперта, в котором бы разъяснялись обстоятельства дорожно-транспортного происшествия. Имеющиеся в деле доказательства свидетельствовали об обнаружении следов торможения автомобиля заявителя, а показания свидетелей относительно того, правильно ли был припаркован грузовик, были противоречивы. Кроме того, было необходимо представить заключение судебно-медицинского эксперта, касающееся уровня содержания алкоголя в крови заявителя.

3. Второй этап расследования

(а) Проведение расследования

30. 3 апреля 2007 г. Судебно-медицинская служба представила заключение психиатрической судебно-медицинской экспертизы в отношении заявителя. В заключении указывалось, что заявитель находился в состоянии посттравматического стрессового расстройства, которое могло ухудшаться в случае какого-либо конфликта. Психологические страдания заявителя также могли усугубляться неоднократными хирургическими вмешательствами, но не могли быть количественно определены с медицинской точки зрения. До дорожно-транспортного происшествия заявитель не был зарегистрирован в качестве пациента, имеющего психологические проблемы. Существовала очевидная причинно-следственная связь между хроническим посттравматическим стрессом и конфликтными ситуациями, в которых он оказывался.

31. 10 апреля 2007 г. Судебно-медицинская служба представила заключение судебно-медицинского эксперта, касающееся анализов крови заявителя. Эксперты пришли к выводу о наличии некоторых нарушений в отборе образцов его крови. Среди прочего оказалось, что второй образец крови был взят в то время, когда заявитель фактически уже не находился в стабилизационной палате больницы. В заключении также отмечался довод заявителя о том, что в момент взятия образцов имело место чрезмерное использование дезинфицирующих средств, что могло изменить показатели уровня содержания алкоголя, обнаруженного у него в крови. Эксперты считали, что несоблюдение методологии отбора образцов крови могло повлиять на результаты проверки содержания алкоголя в крови заявителя.

32. 16 мая 2007 г. прокуратура при районном суде возобновила уголовное производство в отношении D.I. и J.C.P. и вернула дело в Управление полиции для проведения следственных действий по распоряжению суда. Впоследствии, с 7 июня

по 22 ноября 2007 г., заявитель обращался в Управление полиции и прокуратуру с ходатайством о приобщении к материалам дела дополнительных доказательств, включая заключение технического эксперта об обстоятельствах дорожно-транспортного происшествия, а также новых заключений судебно-медицинских экспертов об уровне содержания алкоголя у него крови и о том, как происходило дорожно-транспортное происшествие. Кроме того, заявитель неоднократно жаловался на задержки в проведении расследования.

33. 3 октября 2007 г. по запросу Управления полиции от 14 августа 2007 г. о вынесении заключения судебно-медицинского эксперта относительно уровня содержания алкоголя в крови заявителя Институт судебной медицины имени Мины Миновичи (*Mina Minovici Forensic Institute*) (далее – Институт судебной медицины) проинформировал Управление полиции о том, что вещества, использованные в момент отбора биологических образцов у заявителя, не могли объяснить наличие алкоголя у него крови.

34. 20 декабря 2007 г. эксперт, назначенный Управлением полиции 9 сентября 2007 г., представил техническое заключение о причинах дорожно-транспортного происшествия. Изучив имеющиеся доказательства, эксперт пришел к выводу, что J.C.P. мог бы предотвратить дорожно-транспортное происшествие, если бы он соблюдал правила дорожного движения, касающиеся остановки транспортных средств на дорогах общего пользования в ночное время. Кроме того, первое столкновение произошло между автомобилем заявителя и грузовиком, после чего D.I. въехал в автомобиль заявителя. Кроме того, D.I. соблюдал правила дорожного движения и ограничения скорости и держался на безопасном расстоянии от впереди двигавшегося автомобиля. Эксперт заключил, что ни заявитель, ни D.I. не могли избежать дорожно-транспортного происшествия.

35. Независимые эксперты, выбранные заявителем и D.I. для оценки действий эксперта, назначенного Управлением полиции, в результате которых было составлено заключение от 20 декабря 2007 г., представили свои комментарии к его заключению. Эксперт, выбранный заявителем, пришел к выводу, что автомобиль заявителя столкнулся с грузовиком после того, как в него въехал автомобиль D.I., и что последний мог бы избежать дорожно-транспортного происшествия, если бы он сохранял надлежащий обзор и достаточное расстояние от впереди двигавшегося автомобиля.

36. С 22 по 25 января 2008 г. Управление полиции получило показания J.C.P. и двух свидетелей дорожно-транспортного происшествия. Управление полиции отклонило ходатайство заявителя о реконструкции обстоятельств дорожно-транспортного происшествия на основании того, что такая реконструкция возможна только

теоретически путем представления заключения технического эксперта, устанавливающего обстоятельства, при которых произошло дорожно-транспортное происшествие. Кроме того, Управление полиции отклонило ходатайства заявителя о получении нового заключения судебно-медицинского эксперта об уровне содержания алкоголя у него в крови и нового заключения технического эксперта на основании того, что Институт судебной медицины и эксперт достигли поставленных целей. 4 февраля 2008 г. Управление полиции рекомендовало прекратить производство по уголовному делу.

37. 18 августа 2008 г. прокуратура при районном суде отклонила рекомендацию Управления полиции. Она постановила, что имеющиеся доказательства противоречивы и недостаточны для выяснения всех обстоятельств дела. В этой связи прокуратура при районном суде потребовала, чтобы Управление полиции поручило Институту судебной медицины подготовить заключение судебно-медицинского эксперта об уровне содержания алкоголя в крови заявителя. Прокуратура при районном суде также потребовала, чтобы Управление полиции поручило Межрайонной лаборатории криминалистических заключений г. Бухареста (*Bucharest Inter-County Laboratory for Criminological Reports*) (далее – лаборатория криминалистических заключений) подготовить заключение технического эксперта об обстоятельствах дорожно-транспортного происшествия. Кроме того, Управление полиции также получило указания подготовить, в зависимости от результатов заключения судебно-медицинского эксперта, второй вариант заключения технического эксперта с оценкой возможности избежать дорожно-транспортного происшествия, учитывая уровень содержания алкоголя в крови заявителя на момент дорожно-транспортного происшествия.

38. 19 февраля 2009 г. в ответ на запрос Управления полиции от 21 октября 2008 г. о вынесении заключения судебно-медицинского эксперта Институт судебной медицины проинформировал Управление полиции о том, что ввиду противоречивых и неполных доказательств возникли серьезные сомнения относительно того, принадлежит ли отобранная и исследованная кровь заявителю.

39. 30 марта 2009 г. Управление полиции отклонило ходатайство заявителя о представлении нового заключения судебно-медицинского эксперта относительно уровня содержания алкоголя у него в крови на основании, *inter alia*, того, что новое заключение не будет необходимым или решающим для настоящего дела. В тот же день Управление полиции обратилось в лабораторию криминалистических заключений с запросом о предоставлении заключения технического эксперта по распоряжению прокуратуры при районном суде.

40. После того, как заявитель оспорил постановление Управления полиции от 30 марта 2009 г., прокуратура при районном суде 30 апреля 2009 г.

уведомила заявителя о том, что материалы уголовного расследования были направлены в лабораторию криминалистических заключений и что в отсутствие материалов дела его жалоба не может быть рассмотрена в установленные законом сроки. Последующая жалоба заявителя от 8 мая 2009 г. на уведомление от 30 апреля 2009 г. была отклонена прокуратурой при районном суде 16 июня 2009 г. как неприемлемая для рассмотрения по существу.

41. 21 апреля 2009 г. лаборатория криминалистических заключений проинформировала Управление полиции о том, что ввиду ее чрезмерной загруженности и недостаточного количества экспертов техническое криминалистическое заключение по делу заявителя не может быть подготовлено ранее 2011 года.

42. Тем не менее 29 сентября 2010 г. лаборатория криминалистических заключений представила вышеупомянутое заключение. Она, *inter alia*, пришла к выводу, что, учитывая скорость, необходимую для предотвращения столкновения с грузовиком, заявитель не мог избежать столкновения. Не было возможности установить, мог ли D.I. избежать столкновения с автомобилем заявителя и могли J.C.P. предотвратить дорожно-транспортное происшествие. Кроме того, не удалось установить способ и очередность столкновения автомобиля заявителя с автомобилем D.I. По оценкам лаборатории криминалистических заключений, автомобили заявителя и D.I., вероятно, столкнулись после того, как автомобиль заявителя въехал в грузовик.

43. 6 января 2011 г., отметив, что материалы дела были возвращены лабораторией криминалистических заключений, заявитель напомнил прокуратуре при районном суде о своей жалобе на решение Управления полиции от 30 марта 2009 г.

44. 28 января 2011 г. Управление полиции отклонило ходатайство заявителя о представлении нового заключения технического эксперта, назначенного судом, на основании того, что в заключении от 29 сентября 2010 г. были, насколько это возможно, разъяснены обстоятельства дорожно-транспортного происшествия. 3 марта 2011 г. прокуратура при районном суде отклонила жалобу заявителя на решение Управления полиции.

(b) *Постановления прокуратуры при районном суде о прекращении производства по делу*

45. 21 февраля 2011 г. прокуратура при районном суде прекратила производство по уголовному делу против D.I. и J.C.P. на основании того, что не все элементы состава преступления были установлены. Прокуратура при районном суде постановила, что J.C.P. правильно припарковал свой грузовик. Ни заявитель, ни D.I. не отрегулировали скорости своих автомобилей применительно к условиям дорожного движения. Однако технический эксперт в заключении от 29 сентября 2010 г. не смог с уве-

ренностью установить, мог ли D.I. избежать аварии. Кроме того, согласно заключению судебно-медицинского эксперта от 27 июня 2005 г. травмы заявителя возникли главным образом в результате лобового столкновения его автомобиля с грузовиком.

46. 23 марта 2011 г. вышестоящий прокурор прокуратуры при районном суде отклонил жалобу заявителя на постановление от 21 февраля 2011 г. Он решил, что с учетом имеющихся доказательств указанное постановление было законным. Единственным виновником дорожно-транспортного происшествия, который мог быть определенно установлен, являлся сам заявитель, поскольку он слишком быстро ехал на своем автомобиле в ночное время.

4. Второй этап судебных разбирательств

47. 30 марта 2011 г. заявитель обратился в районный суд с жалобой на постановление прокуратуры при районном суде от 21 февраля 2011 г. Он утверждал, *inter alia*, что это постановление было основано только на части имеющихся в деле доказательств. Заявитель также подверг критике экспертное заключение от 29 сентября 2010 г.

48. Вскоре после этого заявитель обратился в Высший кассационный суд с ходатайством о передаче дела в другой суд на основании законных подозрений в отношении судей районного суда. Высший кассационный суд удовлетворил ходатайство заявителя 21 июня 2011 г., отметив позиции сторон и тот факт, что заявитель подал заявления о возбуждении уголовных дел против судей и прокуроров г. Плоешти (см. ниже § 62). Дело было передано в районный суд г. Бухареста.

49. 30 сентября 2011 г. районный суд г. Бухареста отклонил возражения заявителя против заключения эксперта от 29 сентября 2010 г. и подтвердил постановление прокуратуры при районном суде в части прекращения производства по уголовному делу против J.C.P. Согласно имеющимся доказательствам J.C.P. правильно припарковал грузовик, а заявитель сначала въехал в грузовик, а затем в его автомобиль въехал D.I.

50. Что касается уголовного дела против D.I., районный суд г. Бухареста счел, что D.I. не исполнил свою установленную законом обязанность по превентивному управлению транспортным средством. Решение о прекращении производства по уголовному делу против D.I. было противоречивым, учитывая, что в том же постановлении признавалось, что D.I. нарушил свою установленную законом обязанность. Кроме того, заключение эксперта от 20 декабря 2007 г. о том, что D.I. не мог избежать дорожно-транспортного происшествия, противоречило положениям соответствующего законодательства Румынии о превентивном управлении транспортным средством.

51. Однако из-за отсутствия в материалах дела доказательств, поясняющих наличие или отсутствие причинно-следственной связи между действиями D.I. и травмами заявителя, районный суд г. Бухареста не смог продолжать рассмотрение дела. Таким образом, он отменил решение в части, касающейся прекращения производства по уголовному делу против D.I., и потребовал, чтобы прокуратура при районном суде представила новое заключение судебно-медицинского эксперта, устанавливающее возможное наличие прямой причинно-следственной связи между действиями D.I. и травмами заявителя. По мнению районного суда г. Бухареста, в новом заключении судебно-медицинского эксперта должно было быть установлено, были ли травмы заявителя получены в результате столкновения его автомобиля с грузовиком или в результате столкновения автомобилей D.I. и заявителя, или вследствие обоих событий.

52. Районный суд г. Бухареста отметил, что вскоре начнет применяться срок давности привлечения к уголовной ответственности. Однако районный суд г. Бухареста решил, что он не может продолжать рассмотрение дела и предъявить обвинение D.I., поскольку в отсутствие запрошенных доказательств наличие всех элементов состава преступления не может быть со всей убедительностью установлено.

53. 16 января 2012 г. Апелляционный суд г. Бухареста отклонил апелляционную жалобу D.I. по вопросам факта и права на указанное решение как неприемлемую для рассмотрения по существу.

5. Третий этап расследования

(а) Проведение расследования

54. 5 апреля 2012 г. прокуратура при районном суде возобновила производство по уголовному делу против D.I. 6 апреля 2012 г. она обратилась в Судебно-медицинскую службу с запросом о представлении заключения судебно-медицинского эксперта по распоряжению суда. Судебно-медицинская служба подготовила это заключение 11 апреля 2012 г. и пришла к выводу, *inter alia*, о том, что два столкновения произошли через очень короткий промежуток времени. На основании травм заявителя нельзя было установить, какое из двух событий послужило причиной столкновения. Сочетание двух событий было возможным.

55. 25 апреля 2012 г. заявитель обратился в прокуратуру при апелляционном суде с ходатайством о принятии дела к рассмотрению на основании того, что оно было сложным, а производство по нему длительным. 26 апреля 2012 г. генеральный прокурор удовлетворил его ходатайство ввиду риска истечения установленного законом срока давности.

56. 28 мая 2012 г. прокуратура при апелляционном суде отклонила соответствующие ходатайства заявителя от 12 апреля и 18 мая 2012 г. о моделировании дорожно-транспортного происшествия и о представлении нового заключения судебно-медицинского эксперта Институтом судебной медицины. Она постановила, что с учетом выводов имеющихся заключений доказательства, запрашиваемые заявителем, не будут значимы или необходимы для дела.

*(b) Постановления прокуратуры
о прекращении производства по делу*

57. 30 мая 2012 г. прокуратура при апелляционном суде прекратила производство по уголовному делу против D.I. на основании того, что не все элементы состава преступления были установлены. Заключение судебно-медицинского эксперта от 11 апреля 2012 г. не смогло установить, сколько дней необходимой заявителю медицинской помощи потребовалось для лечения травм, нанесенных им самим, а сколько – для лечения травм, причиненных D.I., и вызвали ли действия последнего какую-либо необходимость в медицинской помощи. Следовательно, имелись сомнения относительно причинно-следственной связи между действиями D.I. и травмами заявителя, и указанные сомнения были в пользу D.I.

58. 18 июня 2012 г. генеральный прокурор отклонил жалобу заявителя на данное постановление. Он указал, что срок исковой давности начал применяться с 3 июня 2012 г., и в этой связи расследование по делу не может быть продолжено.

6. Третий этап судебных разбирательств

59. 18 июля 2012 г. заявитель обратился в районный суд с ходатайством об отмене постановления генерального прокурора от 18 июня 2012 г. и о продолжении рассмотрения дела. Он утверждал, *inter alia*, что срок давности не начал применяться. Кроме того, органы прокуратуры нарушили его право на защиту, отклонив его ходатайство о пересмотре экспертного заключения от 11 апреля 2012 г. Институтом судебной медицины.

60. Окончательным решением от 21 декабря 2012 г. районный суд отклонил жалобу заявителя и оставил в силе постановление генерального прокурора. Районный суд отметил, что согласно соответствующим положениям уголовного законодательства Румынии, включая положения более мягкого уголовного законодательства, срок давности в отношении преступления D.I. применяется с 3 июня 2012 г.

61. 7 марта 2013 г. Апелляционный суд отклонил апелляционную жалобу заявителя по вопросам факта и права на указанное решение как неприемлемую для рассмотрения по существу на осно-

вании того, что решение районного суда не подлежало обжалованию. Тем не менее Апелляционный суд передал на рассмотрение Конституционного суда Румынии конституционную жалобу заявителя в отношении соответствующих законодательных положений, касающихся обжалования решений органов прокуратуры. 24 сентября 2013 г. Конституционный суд Румынии отклонил конституционную жалобу как необоснованную.

С. ИСКИ ЗАЯВИТЕЛЯ В ОТНОШЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И СУДЕЙ, РАССМАТРИВАВШИХ ЕГО ДЕЛО

62. В период с 19 ноября 2008 г. по 30 сентября 2011 г. заявитель подал несколько жалоб, а также несколько заявлений о возбуждении уголовного и дисциплинарного производств в соответствующие вышестоящие или надзорные органы, включая Верховный совет магистратов, в отношении многих следственных и судебных органов, участвовавших в расследовании и рассмотрении касающихся его дел. Его жалобы содержали обвинения в предвзятости, в рассмотрении его дел оскорбительным и незаконным способом, а также в благосклонном отношении к D.I. и J.C.P.

63. За одним исключением (см. выше § 48), жалобы заявителя были отклонены компетентными органами ввиду отсутствия совершения незаконных действий либо, как представляется, в некоторых случаях они всё еще находились на рассмотрении. В некоторых решениях по жалобам заявителя, в частности, в постановлении прокуратуры при Высшем кассационном суде юстиции от 10 сентября 2009 г. и в постановлении генерального прокурора от 25 октября 2011 г., компетентные органы указали, что мотивы заявителя были вызваны субъективной неудовлетворенностью результатами расследования или даже желанием отомстить следователям.

Д. ПРОИЗВОДСТВО ПО ГРАЖДАНСКОМУ ИСКУ, ВОЗБУЖДЕННОЕ ЗАЯВИТЕЛЕМ

64. 28 ноября 2006 г. заявитель обратился в Дымбовицкий жудецкий суд с иском против страховой компании, требуя вынести постановление, предписывающее страховой компании исполнить свое договорное обязательство в отношении возмещения ему убытков в результате полной утраты застрахованного транспортного средства и компенсации ему морального вреда за нравственные страдания, причиненные вследствие предположительно необоснованного отказа страховой компании исполнить договорное обязательство. Заявитель также подал иск против компании, у которой он арендовал автомобиль, чтобы судебное постановление стало обязательным для

этой компании. 16 сентября 2010 г. Дымбовицкий жудецкий суд вынес решение о привлечении D.I. и J.C.P. к участию в деле в качестве третьих сторон.

65. В итоге 27 ноября 2013 г. Дымбовицкий жудецкий суд прекратил производство по иску заявителя против страховой и лизинговой компаний, поскольку заявитель не оплатил требуемую судебную пошлину.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РУМЫНИИ

66. Уголовно-процессуальный кодекс Румынии (далее – УПК Румынии), действовавший в период, относившийся к обстоятельствам дела (до 31 января 2014 г.), предусматривал, что целью гражданского иска являлось привлечение ответчика к гражданской ответственности за ущерб, причиненный деянием, которое являлось предметом производства по уголовному делу. Рассмотрение гражданского иска могло быть объединено с рассмотрением уголовного дела на основании предъявления требования гражданского истца (статья 14 УПК Румынии). Пострадавшая сторона могла подать такое требование в ходе производства по уголовному делу или в суде первой инстанции, вплоть до момента оглашения обвинительного заключения в суде (статья 15 УПК Румынии). Если потерпевшая сторона не вступила в производство по уголовному делу в качестве гражданского истца, она могла возбудить отдельное производство в гражданских судах с иском о возмещении ущерба, причиненного в результате правонарушения. Производство по гражданскому делу приостанавливалось до вынесения окончательного постановления уголовными судами. Потерпевшая сторона, которая вступила в производство по уголовному делу в качестве гражданского истца, могла возбудить отдельное гражданское производство, если уголовное производство было приостановлено. При возобновлении производства по уголовному делу производство по гражданскому делу, возбужденное в гражданских судах, приостанавливалось. Потерпевшая сторона, инициировавшая производство по гражданскому делу, могла отказаться от данного производства и подать запрос (о рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе) следственным органам или суду первой инстанции в случае предъявления обвинения или возобновления судебного разбирательства после его приостановления. Производство по гражданскому делу не могло быть прекращено после вынесения гражданским судом постановления, даже если оно еще не вступило в силу (статья 19 УПК Румынии). Потерпевшая сторона, которая вступила в производство по уголовному делу в качестве гражданского истца, могла возбудить производство по гражданскому делу, если уголовный суд вступившим в силу постановлением оставил гражданский иск без рассмотрения (статья 20

УПК Румынии). Вступившее в силу постановление уголовного суда представляло собой *res judicata* для гражданского суда, который был призван рассмотреть гражданский иск в части, касающейся вопроса наличия деяния, совершившего его лица и вины такого лица. Напротив, вступившее в силу постановление гражданского суда не являлось *res judicata* для следственных органов и уголовного суда в части, касающейся вопроса наличия уголовно наказуемого деяния, совершившего его лица и вины такого лица (статья 21 УПК Румынии).

67. Гражданский процессуальный кодекс Румынии (далее – ГПК Румынии), действовавший до 14 февраля 2013 г., предусматривал, что гражданский суд может приостановить производство по делу, если уголовное дело было возбуждено в связи с совершением преступления, которое может оказать решающее влияние на подлежащее вынесению постановление, и что соответствующее производство должно быть приостановлено до принятия окончательного постановления по делу, которое послужило основанием для приостановления (статья 244 ГПК Румынии). Суд приостанавливал производство по гражданскому делу на основании промежуточного определения, которое могло быть обжаловано в течение срока приостановления соответствующего производства (статья 244¹ ГПК Румынии).

68. Гражданский кодекс Румынии (далее – ГК Румынии), действовавший до 1 октября 2011 г., устанавливал, что любое лицо, ответственное за причинение ущерба другому лицу, должно возместить указанный ущерб независимо от того, был ли ущерб причинен его действиями, его бездействием или его халатностью (статьи 998 и 999 ГК Румынии).

69. Законодательный декрет № 167/1958 об исковой давности, действовавший до 1 октября 2011 г., предусматривал, что право на подачу иска, имеющего стоимостное выражение, прекращалось в связи с истечением срока давности, если оно не было реализовано в течение трех лет (статьи 1 и 3 данного законодательного декрета). Течение срока давности для подачи иска о возмещении ущерба, причиненного в результате противоправного деяния, начиналось с момента, когда лицо узнало или должно было узнать об ущербе и о том, кто его причинил (статья 8 данного законодательного декрета). При этом течение срока исковой давности прерывалось подачей судебного иска (статья 16 указанного законодательного декрета). Течение нового срока исковой давности начиналось после его перерыва (статья 17 данного законодательного декрета).

70. Новый Гражданский кодекс Румынии, вступивший в силу с 1 октября 2011 г., предусматривает, что лицо, способное к осознанным действиям, несет ответственность за ущерб, причиненный его действиями или бездействием, и обязано произ-

вести возмещение в полном объеме (статья 1349 ГК Румынии). Что касается наличия ущерба или вины лица, совершившего противоправное деяние, гражданский суд не связан положениями уголовного законодательства или вступившим в законную силу оправдательным приговором или постановлением о прекращении разбирательства по уголовному делу (статья 1365 ГК Румынии). Если иное не предусмотрено законом, право на подачу иска, в том числе имеющего стоимостное выражение, прекращается в связи с истечением срока давности, если оно не было реализовано в течение трех лет (статьи 2500, 2501 и 2517 ГК Румынии). Течение срока давности для подачи иска о возмещении ущерба, причиненного в результате противоправного деяния, начинается с момента, когда лицо узнало или должно было узнать об ущербе и о том, кто его причинил (статья 2628 ГК Румынии). Течение срока исковой давности прерывается подачей судебного иска или требования гражданского истца в ходе возбужденного уголовного производства или в суде до начала производства по делу (статья 2537 ГК Румынии). Если течение срока исковой давности прерывается предъявлением требования гражданского истца, перерыв действует до уведомления о распоряжении прекратить или приостановить производство по уголовному делу или о решении суда приостановить производство либо до тех пор, пока суд по уголовным делам не вынесет окончательное постановление (статья 2541 ГК Румынии).

ПРАВО

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА И ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАЛОБ

A. ДОВОДЫ СТОРОН

71. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель утверждал, что в результате дорожно-транспортного происшествия он получил серьезные телесные повреждения, представлявшие опасность для его жизни. Он также считал, что расследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия было необоснованно длительным. Кроме того, суды Румынии рассматривали только его жалобы на постановления прокуратуры, и ни один суд не рассмотрел его дело по существу. Главная задача органов государственной власти состояла в том, чтобы скрыть и исказить факты, а не выяснить обстоятельства дорожно-транспортного происшествия. Ему не разрешили приобщить к материалам дела значимые доказательства, органы государственной власти допустили некоторые злоупотребления и оказывали содействие правонарушителям. По мнению заявителя, все вышеперечисленные факты были равносильны оскорблению, а также бесчело-

вечному и унижающему достоинство обращению. Он чувствовал себя подавленным с учетом также того, что в результате дорожно-транспортного происшествия ему была присвоена тяжелая степень инвалидности. Наконец, в ходе расследования уголовного дела к уголовной ответственности стал применяться установленный законом срок исковой давности, в чем и состояло намерение органов Румынии.

72. В своих последующих письменных замечаниях, представленных Европейскому Суду, заявитель ссылаясь, *inter alia*, на то, что J.C.P. являлся государственным служащим, а именно гражданским служащим воинской части, и в момент дорожно-транспортного происшествия он исполнял свои официальные полномочия, которыми был наделен воинской частью от имени государства Румыния.

73. Власти Румынии утверждали, что в своей первоначальной жалобе в Европейский Суд и в последующих письменных замечаниях, представленных Палате Европейского Суда, заявитель не утверждал, что государство не приняло достаточных правовых норм и мер по регулированию движения автотранспорта на дорогах общего пользования. Он также не ссылаясь на какой-либо аспект, попадающий под сферу действия статьи 8 Конвенции.

74. Власти Румынии указали, что в своей первоначальной жалобе заявитель жаловался на то, что способ проведения властями Румынии расследования дорожно-транспортного происшествия, в результате которого он был признан потерпевшим, представлял собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Однако при обстоятельствах, подобных тем, что имели место в настоящем деле, статья 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте не может быть применима, поскольку способ проведения расследования органами государственной власти в достаточной мере попадал под действие процессуальных обязательств, закрепленных, *inter alia*, в указанной статье Конвенции.

75. В своих последующих письменных замечаниях, представленных Палате Европейского Суда, заявитель прямо указал на то, что его жалоба в Европейский Суд касалась злоупотреблений, допущенных должностными лицами при расследовании обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, и его невозможности привлечь таких лиц к ответственности, а не травм, которые он получил в результате действий D.I. Заявитель также указал, что он не жаловался на нарушение статьи 2 Конвенции. Помимо этого, письма, представленные заявителем, ясно свидетельствовали о том, что он не имел намерения жаловаться на предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте.

76. Власти Румынии полагали, что Европейский Суд должен принять во внимание свободу воли зая-

вителя и ограничить пределы рассмотрения настоящего дела жалобами, изложенными в формуляре его жалобы в Европейский Суд и в его последующих замечаниях, без изменения указанных пределов.

77. Власти Румынии также отмечали, что заявитель не жаловался в Европейский Суд на то, что они несут ответственность за действия J.C.P. на основании его статуса государственного служащего. Кроме того, производство по уголовному делу в отношении J.C.P. завершилось 30 сентября 2011 г., то есть более чем за шесть месяцев до того, как заявитель подал жалобу в Европейский Суд и суды Румынии окончательно установили, что J.C.P. не несет ответственности за дорожно-транспортное происшествие (см. выше § 49). Более того, в материалах дела отсутствовали доказательства ответственности властей государства-ответчика за дорожно-транспортное происшествие. Европейский Суд не может дублировать усилия компетентных органов власти и самостоятельно устанавливать обстоятельства дорожно-транспортного происшествия или определять ответственных за него лиц.

78. Власти Румынии признали, что J.C.P. являлся служащим воинской части и в момент дорожно-транспортного происшествия исполнял свои служебные обязанности. Однако J.C.P. был гражданским служащим воинской части, и согласно законодательству Румынии воинская часть могла быть привлечена к гражданской ответственности, только если соответствующие органы государственной власти установят ответственность J.C.P. за дорожно-транспортное происшествие. Поскольку ответственность J.C.P. за дорожно-транспортное происшествие не была установлена, статьи 2 и 3 Конвенции в их материально-правовых аспектах не могут быть применимы в настоящем деле.

79. По мнению властей Румынии, статус J.C.P. в качестве государственного служащего не имел значения для исхода настоящего дела, поскольку заявитель не утверждал, что статус J.C.P. влиял на проведение расследования на внутригосударственном уровне. Более того, расследование на внутригосударственном уровне проводилось гражданскими прокурорами, не имеющими каких-либо связей с J.C.P. или с воинской частью, в которой он служил.

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

80. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что жалобы заявителя (см. выше § 71) затрагивают два аспекта. С одной стороны, они касаются предполагаемой продолжительности и неэффективности уголовного расследования и предполагаемой невозможности получить решение по существу

гражданского иска заявителя, поданного в результате дорожно-транспортного происшествия с его участием. С другой стороны, они связаны с обращением, которому подвергся заявитель ввиду того, каким способом органы государственной власти проводили расследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия.

81. Таким образом, жалобы заявителя могут быть сгруппированы в две отдельные категории: во-первых, жалобы на проведение уголовного расследования и, во-вторых, жалобы на обращение с ним со стороны органов государственной власти, принимавших участие в расследовании. В отношении обеих категорий жалоб в своем первоначальном формуляре жалобы заявитель прямо и обширно ссылаясь на статьи 3, 6 и 13 Конвенции.

82. Европейский Суд отмечает, что в отношении обеих категорий жалоб власти Румынии утверждали, что они частично выходят за пределы дела, которое должно быть рассмотрено Европейским Судом (см. выше §§ 73–76 и 78–79). Следовательно, Европейский Суд должен установить пределы рассмотрения дела и характеристику, которая в соответствии с правовыми нормами должна быть дана каждой категории жалоб заявителя.

83. В этой связи Европейский Суд напоминает, что жалоба состоит из двух элементов: утверждений о фактах и правовых доводов. В силу принципа *jura novit curia*¹ Европейский Суд не связан правовыми основаниями, указанными заявителем в соответствии с Конвенцией и Протоколами к ней, и вправе принимать решение о правовой квалификации фактов жалобы, рассматривая ее в соответствии со статьями или положениями Конвенции, отличными от тех, на которые ссылался заявитель (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (*Radomilja and Others v. Croatia*) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12², § 126).

84. В отношении первой категории жалоб заявителя, связанных с проведением уголовного расследования, Европейский Суд отмечает, что в них отсутствуют утверждения о преднамеренных действиях или подозрительных обстоятельствах. Заявитель также не объяснил данную ситуацию неспособностью органов государственной власти принять достаточные правовые нормы и меры по регулированию движения автотранспорта на дорогах общего пользования для обеспечения безопасности участников дорожного движения. Заявитель также не утверждал, что власти государства-ответчика несли ответственность за действия

¹ *Jura novit curia* (лат.) – суду известны законы. Суть данного принципа состоит в том, что суд и судьи самостоятельно определяют, какие законы следует применить для решения рассматриваемого спора (*примеч. переводчика*).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (*примеч. редактора*).

Ж.С.Р., поскольку он являлся служащим воинской части и, следовательно, государственным служащим.

85. Что касается данной категории жалоб, заявитель ссылался на серьезные последствия дорожно-транспортного происшествия для его физического состояния. Он представил доказательства, подтверждающие, что вышеупомянутые последствия считались опасными для жизни и явились результатом халатности. В своей первоначальной жалобе он не ссылался на статью 2 Конвенции. Его последующие письменные замечания, представленные Палате Европейского Суда, по-прежнему содержали некоторые утверждения, на основании которых можно было полагать, что он не подавал жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции. Иные замечания могли быть истолкованы как признание того, что он также не подавал жалобу в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте. Однако представляя свои замечания Палате Европейского Суда во второй раз, он сделал несколько дополнительных заявлений и комментариев, которые указывают на иное.

86. Ввиду вышеизложенного Европейский Суд полагает, что первая категория жалоб заявителя касается его процессуальных прав и/или процессуальных обязательств, возложенных на органы государственной власти в контексте халатности, которая привела к тяжким физическим или опасным для жизни последствиям. Кроме того, учитывая особый контекст настоящего дела, Европейский Суд считает, что такие процессуальные права и обязательства государства при определенных обстоятельствах могут быть закреплены не только в статье 3, в пункте 1 статьи 6 и в статье 13 Конвенции, на которые ссылался заявитель, но и в статьях 2 и 8 Конвенции. Хотя заявитель прямо не ссылался на последние два положения, Европейский Суд, учитывая фактическую основу его жалоб (см. выше § 71), считает целесообразным рассмотреть настоящее дело также с точки зрения статей 2 и 8 Конвенции.

87. Следовательно, Европейский Суд полагает, что ему следует рассмотреть жалобы заявителя на проведение уголовного расследования с точки зрения процессуальных прав и обязательств, гарантированных каждым из упомянутых выше положений Конвенции. Европейский Суд также считает, что ему следует воспользоваться возможностью, которую предоставляет настоящее дело, чтобы разъяснить объем процессуальных гарантий, закрепленных в каждом из указанных положений Конвенции, в рассматриваемой сфере.

88. Что касается второй категории жалоб заявителя, Европейский Суд отмечает, что эта категория касается его утверждений о том, что он подвергся унижению и жестокому обращению со стороны органов государственной власти, принимавших участие в расследовании.

89. Учитывая особый характер утверждений заявителя в этом отношении, Европейский Суд не может принять довод властей Румынии о том, что данная жалоба будет изучена в достаточном объеме при ее рассмотрении в вышеупомянутом контексте процессуальных обязательств государства-ответчика (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции» (*Kurt v. Turkey*) от 25 мая 1998 г., §§ 130–134, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-III, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакиджи против Турции» (*Çakıcı v. Turkey*), жалоба № 23657/94, § 98, *ECHR* 1999-IV, и Постановление Европейского Суда по делу «Таш против Турции» (*Taş v. Turkey*) от 14 ноября 2000 г., жалоба № 24396/94, §§ 77–80). Следовательно, Европейский Суд полагает, что жалоба на обращение с заявителем со стороны органов государственной власти, принимавших участие в расследовании, требует отдельного рассмотрения, которое должно быть проведено в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

90. С учетом вышеизложенного Европейский Суд сначала приступит к рассмотрению жалоб заявителя на проведение уголовного расследования, а затем жалобы на обращение со стороны органов государственной власти, принимавших участие в расследовании.

II. ЖАЛОБЫ НА ПРОВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

91. Заявитель жаловался на длительность и неэффективность уголовного расследования, а также на предполагаемую невозможность получить решение по существу его гражданского иска, поданного в связи с дорожно-транспортным происшествием с его участием. Как уже ранее отмечалось (см. выше §§ 86–87), Европейский Суд рассмотрит данные жалобы в соответствии со статьями 2 и 3, пунктом 1 статьи 6, статьями 8 и 13 Конвенции, которые в соответствующих частях гласят следующее:

«Статья 2 Конвенции

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом...

Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию...

Статья 6 Конвенции

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...

Статья 8 Конвенции

1. Каждый имеет право на уважение его личной жизни...

Статья 13 Конвенции

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2, 3 И 8 КОНВЕНЦИИ

92. Заявитель жаловался на чрезмерную длительность и неэффективность уголовного расследования.

1. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

(а) *Исчерпание внутригосударственных средств правовой защиты*

(i) Доводы сторон

(а) *Власти Румынии*

93. Власти Румынии утверждали, что заявитель не исчерпал доступные ему внутригосударственные средства правовой защиты, как того требуют пункты 1 и 4 статьи 35 Конвенции, не только в отношении его жалоб по статье 2 Конвенции, но и жалоб в соответствии со статьями 3 и 8 Конвенции. В частности, они считали, что заявитель должен был подать иск в гражданские суды против водителя, которого он считал ответственным за дорожно-транспортное происшествие.

94. Ссылаясь на соответствующее законодательство Румынии и примеры из внутригосударственной судебной практики, власти Румынии пояснили, что потерпевшие в результате преступления могут вступить в производство по уголовному делу в качестве гражданских истцов. Потерпевшие, которые не вступили в производство по уголовному делу в качестве гражданских истцов, также могут возбудить отдельное гражданское производство в целях получения компенсации причиненного ущерба. В подобных ситуациях производство по гражданскому делу должно быть или могло быть приостановлено до вынесения окончательного постановления уголовными судами. Хотя приостановление гражданского производства было необязательным для гражданского суда до вынесения обвинительного приговора, оно становилось обязательным после вынесения обвинительного приговора.

95. Лишь в некоторых исключительных обстоятельствах, когда было предъявлено обвинительное заключение, уголовные суды обязаны рассматривать гражданские иски, поданные в рамках уголовного производства, независимо от того, был ли обвиняемый осужден или оправдан. При указан-

ных исключительных обстоятельствах потерпевший может в любой момент возбудить отдельное гражданское производство. Кроме того, по аналогии потерпевший может возбудить отдельное гражданское производство против предполагаемого преступника, даже если прокуратура решила не предъявлять обвинение ввиду истечения срока давности.

96. Соответствующая судебная практика обычно считала уголовное производство, в рамках которого потерпевший в результате преступления предъявил гражданский иск, равносильным судебному иску, который прерывает течение установленного законом трехлетнего срока исковой давности для гражданского производства. Следовательно, течение указанного законодательного срока исковой давности начиналось с момента прекращения уголовного производства. Вышеупомянутое толкование было прямо отражено в поправках, внесенных в нормы гражданского законодательства, действующие в Румынии с 1 октября 2011 г.

97. Как при предъявлении гражданского иска в уголовном производстве, так и при возбуждении отдельного гражданского производства ответственность за представление доказательств была возложена на потерпевшего. Доказательства, приобретенные к материалам дела в ходе уголовного производства, могли быть использованы в ходе отдельных гражданских производств, возбужденных в гражданском суде, но это не ограничивало возможность потерпевшего и гражданских судов Румынии приобщать к материалам дела иные доказательства.

98. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда гражданское производство, возбужденное заявителем в отношении D.I. в целях получения компенсации за предполагаемый ущерб после завершения уголовного производства, являлось бы эффективным способом возмещения ущерба, даже если бы оно использовалось спустя несколько лет после дорожно-транспортного происшествия. По мнению властей Румынии, требование об исчерпании заявителем указанного гражданско-правового средства защиты через восемь лет после дорожно-транспортного происшествия не являлось чрезмерным с учетом сложности уголовного производства в Румынии, отсутствия длительных периодов бездействия со стороны соответствующих органов власти и того факта, что заявитель мог использовать в гражданских судах доказательства, приобщенные к материалам уголовного дела, а также вывод районного суда г. Бухареста в постановлении от 30 сентября 2011 г. относительно ответственности D.I. за дорожно-транспортное происшествие.

99. Наконец, власти Румынии отмечали, что гражданское производство, возбужденное заявителем 28 ноября 2006 г., было основано на договоре страхования и не касалось травм, которые он полу-

чил в результате дорожно-транспортного происшествия.

(β) Заявитель

100. Заявитель настаивал на том, что, вступив в уголовное производство, возбужденное в связи с дорожно-транспортным происшествием, в качестве гражданского истца, он исчерпал доступные внутригосударственные средства правовой защиты и, таким образом, не был обязан возбуждать отдельное гражданское производство о компенсации в отношении лица, ответственного за дорожно-транспортное происшествие. Вместе с тем, поскольку в рамках уголовного расследования не был разъяснен вопрос об ответственности, возможность возбуждения им гражданского иска была сомнительной, не говоря уже о получении компенсации за причиненный ущерб. Поскольку личность виновного не была установлена, отсутствовали правовые основания для возбуждения гражданского иска о компенсации. Кроме того, возбуждение отдельного гражданского производства против государства не является средством обеспечения эффективности расследования. Подав жалобы на следователей и их постановления, он использовал все доступные ему процессуальные средства для предотвращения нарушения его конвенционных прав, но без каких-либо практических результатов. Более того, отсутствовали какие-либо средства правовой защиты, которое он мог бы использовать в отношении продолжительности производства.

101. Заявитель утверждал, что прецедентная практика судов Румынии, на которую ссылались власти Румынии, не имеет отношения к его делу. Во всех перечисленных ими делах этап уголовного расследования и предъявления обвинения был завершен до начала применения установленного законом срока давности для привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, что касается взаимосвязи между виной в совершении преступления и гражданским иском, заявитель сослался на решение суда Румынии, который постановил, что в обстоятельствах дорожно-транспортного происшествия, повлекшего за собой причинение телесных повреждений, вина должна устанавливаться следственными органами, а не потерпевшим.

102. Заявитель считал, что он исчерпал доступные ему гражданско-правовые средства защиты, возбудив гражданское производство против страховой и лизинговой компаний в связи с полным уничтожением его автомобиля. Первоначально суды Румынии приняли решение в его пользу, но в ходе апелляционного производства они пришли к выводу, что предъявленный им гражданский иск был основан не на уголовном преступлении, а на коммерческом договоре. Следовательно, суды обязали заявителя оплатить судебную пошлину в большом размере в качестве предварительного условия

для рассмотрения его гражданского дела. Его ходатайства о пересмотре распоряжения об оплате судебной пошлины были отклонены. Требования заявителя были отклонены, поскольку он не смог оплатить пошлину. Заявитель признал, что гражданское производство, которое он возбудил против страховой компании в отношении своего автомобиля, основывалось на коммерческом договоре, заключенном с такой компанией, а не из уголовного дела, поскольку ни страховая, ни лизинговая компании не являлись сторонами уголовного производства. Однако D.I. и J.C.P. вступили в гражданское производство в качестве третьих сторон.

(ii) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

103. Европейский Суд отмечает, что возражение властей Румынии относительно неисчерпания заявителем доступных внутригосударственных средств правовой защиты тесно связано с существом его жалоб на проведение уголовного расследования, независимо от того, следует ли рассматривать их в соответствии со статьями 2, 3 или 8 Конвенции по результатам изложенного ниже анализа. Возражение касается возможностей, доступных заявителю, с точки зрения внутригосударственных средств, способных прояснить обстоятельства дела, привлечь виновных к ответственности и возместить ущерб, который был причинен заявителю в результате дорожно-транспортного происшествия. Кроме того, анализ возражения зависит от определения объема процессуальных обязательств властей Румынии в настоящем деле.

104. Таким образом, Европейский Суд принял решение объединить рассмотрение вопроса о возражениях с анализом указанных жалоб по существу при условии, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям.

(b) Применимость статей 2, 3 и 8 Конвенции

(i) Доводы сторон

105. Ссылаясь на анализ прецедентной практики Европейского Суда, власти Румынии утверждали, что статья 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте неприменима в настоящем деле, учитывая, что заявитель жив, отсутствие у него достаточно серьезных телесных повреждений, а также обстоятельств и последствий, которые можно было бы отнести к явной угрозе для жизни, исключительных обстоятельств, связанных с действиями представителей государства, постоянной угрозы для жизни заявителя или намерения убить его. Кроме того, они утверждали, что статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте также неприменима с учетом отсутствия жестокого обращения и намерения причинить вред зая-

вителю. Власти Румынии отрицали, что жалоба заявителя касалась любого аспекта, попадающего под сферу действия защиты, предоставляемой статьей 8 Конвенции.

106. Власти Румынии отмечали, что после завершения восстановительного лечения после дорожно-транспортного происшествия заявитель не запрашивал новое заключение судебно-медицинского эксперта для оценки возможной степени инвалидности, как было указано в заключении судебно-медицинского эксперта от 27 июня 2005 г. Кроме того, он не представил какие-либо недавние медицинские документы, которые могли бы удостоверить последствия дорожно-транспортного происшествия, испытываемые им в соответствующий период.

107. Власти Румынии признали, что по информации, предоставленной Службой защиты детей и социального обеспечения (*Child Protection and Social Assistance Agency*) при Совете жудеца Прахова (*Prahova County Council*), заявитель был зарегистрирован как лицо с тяжелой степенью инвалидности, которому требовался личный помощник, на основании справки, выданной Комиссией по оценке взрослых лиц с ограниченными возможностями жудеца Прахова (*Prahova Commission for the Assessment of Adult Persons with Disabilities*) 26 января 2006 г. Власти Румынии также признали, что в медицинской справке, выданной врачом-терапевтом 19 января 2006 г., которая являлась одним из документов в составе материалов, послуживших основанием для признания заявителя лицом с тяжелой степенью инвалидности, указывалось, что заявитель имел постоянную трахеальную канюлю и страдал от снижения подвижности сустава правого плеча (серьезные последствия перелома плеча), от снижения силы сжатия правой руки и от нарушения походки (серьезные последствия перелома левого бедра).

108. Однако в вышеупомянутой справке, выданной Комиссией по оценке взрослых лиц с ограниченными возможностями жудеца Прахова 26 января 2006 г., были указаны некоторые коды заболеваний заявителя, которые означали соответственно астму, астматическое состояние и злокачественную опухоль гортани. Кроме того, серьезные последствия, связанные с переломами конечностей заявителя, не были учтены в данной справке, и в имеющихся медицинских документах не была установлена причинно-следственная связь между дорожно-транспортным происшествием и трахеотомией заявителя.

109. Заявитель, ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда, на имеющиеся доказательства, характер своих травм и на свое текущее состояние, утверждал, что статьи 2 и 3 Конвенции применимы к его делу. Он также настаивал на том, что были нарушены гарантии, предусмотренные статьей 8 Конвенции.

110. Он утверждал, что до дорожно-транспортного происшествия у него было хорошее состояние здоровья и он вел нормальную жизнь без каких-либо ограничений по медицинским показаниям. Однако дорожно-транспортное происшествие серьезно повлияло на его здоровье, и ему пришлось перенести несколько операций. Он также получил психологическую травму. Переломы конечностей со смещением по-прежнему доставляли заявителю проблемы, а части его кишечника и трахеи были удалены.

(ii) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Аспекты ситуации заявителя, которые должны быть учтены при оценке дела

111. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявитель стал участником дорожно-транспортного происшествия, которое, согласно заключению эксперта от 27 июня 2005 г. (см. выше § 18), поставило под угрозу его жизнь. Его автомобиль был зажат между двумя другими транспортными средствами, одно из которых находилось в движении, а другое было припарковано. В результате заявитель получил серьезные травмы внутренних органов, переломы конечностей и костей, а также серьезные осложнения при лечении, которые требовали от 200 до 250 дней оказания медицинской помощи. Впоследствии, по-видимому, у него сохранились серьезные физические и психологические последствия, включая инвалидность.

112. В этой связи Европейский Суд не может согласиться с доводами властей Румынии о том, что физические последствия, которые испытывал заявитель, включая его ограниченную мобильность, не являлись результатом дорожно-транспортного происшествия. Европейский Суд отмечает, что имеющиеся медицинские документы фактически свидетельствуют о том, что в результате дорожно-транспортного происшествия заявитель получил множественные травмы, посттравматический разрыв брыжейки, а также переломы и/или смещения костей и частей тела. В результате он перенес несколько операций, в том числе по удалению части кишечника, и ему требовалась нижняя трахеотомия вследствие осложнений со стороны дыхательного аппарата, которые, по-видимому, возникли в период его госпитализации, хотя у заявителя, возможно, уже были злокачественная опухоль гортани и астма до дорожно-транспортного происшествия. Сила сжатия правой руки заявителя, а также амплитуда при отведении правой руки были снижены. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что заявитель страдал от посттравматического стрессового расстройства. Таким образом, дорожно-транспортное происшествие дало толчок к развитию, по крайней мере, некоторых длитель-

ных проблем со здоровьем, с которыми заявитель столкнулся после 3 декабря 2004 г., и, следовательно, они были прямо или как минимум косвенно связаны с дорожно-транспортным происшествием.

113. Европейский Суд отмечает, что дорожно-транспортное происшествие произошло в ночное время на дороге общего пользования с участием заявителя и двух других водителей. С самого начала было очевидно, что совокупность фактических элементов, которые, в конечном счете, привели к описанным выше неблагоприятным последствиям, была чистой случайностью или следствием халатности. Заявитель не утверждал в ходе расследования на внутригосударственном уровне или в своей первоначальной жалобе в Европейский Суд, что два других водителя действовали преднамеренно или что их действия были специально направлены против него (см. выше § 84). Хотя в своих последующих письменных пояснениях, представленных Европейскому Суду, заявитель, по-видимому, предполагал, что дорожно-транспортное происшествие в действительности было спровоцировано преднамеренно или что оно произошло при подозрительных обстоятельствах (см. ниже § 155), в материалах дела отсутствуют доказательства, которые могли бы подтвердить его утверждение. Напротив, инициированное органами государственной власти расследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия касалось непреднамеренного преступления.

114. Европейский Суд отмечает, что органы государственной власти, как представляется, рассматривали вероятность того, что заявитель сам несет частичную ответственность за дорожно-транспортное происшествие, поскольку он не исполнил свою обязанность по превентивному управлению транспортным средством. Однако расследование не дало ответов на вопросы о полной или как минимум частичной ответственности заявителя за тяжелые травмы, которые он получил, а также о том, управлял ли он транспортным средством, находясь в состоянии алкогольного опьянения.

(β) Статья 3 Конвенции

– Общие принципы

115. Европейский Суд отмечает, что статья 3 Конвенции во взаимосвязи с общей обязанностью государств согласно статье 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», требует от государства принятия мер, гарантирующих, что лица, находящиеся под его юрисдикцией, не будут подвергаться жестокому обращению, в том числе жестокому обращению со стороны частных лиц (см. Постановление Европейского Суда по делу «А. против Соединенного Королевства» (A. v. United Kingdom) от 23 сентября 1998 г.,

§ 22, *Reports* 1998-VI, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Z. и другие против Соединенного Королевства» (Z. and Others v. United Kingdom), жалоба № 29392/95, §§ 73–75, *ECHR* 2001-V). Данное общее требование подразумевает процессуальные обязательства. В случае обвинений в медицинской халатности обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции, возложенные на органы государственной власти, были истолкованы как не требующие, по общему правилу, предоставления уголовного средства правовой защиты (см. Постановление Европейского Суда по делу «V.C. против Словакии» (V.C. v. Slovakia), жалоба № 18968/07, §§ 125–126, *ECHR* 2011 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «N.V. против Словакии» (N.V. v. Slovakia) от 12 июня 2012 г., жалоба № 29518/10, § 84, Постановление Европейского Суда по делу «I.G. и другие против Словакии» (I.G. and Others v. Slovakia) от 13 ноября 2012 г., жалоба № 15966/04, § 129, и Постановление Европейского Суда по делу «Дворжачек против Чешской Республики» (Dvořáček v. Czech Republic) от 6 ноября 2014 г., жалоба № 12927/13, § 111). Для сравнения, если лицо представляет «обоснованную жалобу» или делает «правдоподобное заявление» о том, что оно подверглось обращению, нарушающему положение статьи 3 Конвенции, со стороны, *inter alia*, органов полиции или аналогичных органов, то вышеуказанные положения предполагают обязанность проведения эффективного официального уголовного расследования. В противном случае общий правый запрет, касающийся применения пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на свое основополагающее значение, был бы неэффективным на практике (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (Assenov and Others v. Bulgaria) от 28 октября 1998 г., жалоба № 24760/94, § 102, *Reports* 1998-VIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (Labita v. Italy), жалоба № 26772/95, § 131, *ECHR* 2000-IV, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии» (El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia), жалоба № 39630/09, § 186, *ECHR* 2012, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мокану и другие против Румынии» (Mocanu and Others v. Romania), жалоба № 10865/09 и две другие жалобы, § 317, *ECHR* 2014 (извлечения), Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), жалоба № 23380/09¹, § 116, *ECHR* 2015). Даже в отсутствие официальной жалобы, как только соответствующая информация

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 2 (примеч. редактора).

доведена до сведения органов государственной власти, это *ipso facto* влечет за собой обязательство властей государства-ответчика в соответствии с указанной статьей Конвенции проводить эффективное расследование (см. Постановление Европейского Суда по делу «Горгиев против Македонии» (*Gorgiev v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 19 апреля 2012 г., жалоба № 26984/05, § 64, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 186).

116. При анализе того, «подвергалось ли лицо... обращению», которое является «бесчеловечным или унижающим достоинство» по смыслу статьи 3 Конвенции, общий подход Европейского Суда состоит в том, что обращение должно достигать минимального уровня жестокости для того, чтобы на него распространялось действие данного положения Конвенции. Оценка этого минимального уровня относительна и зависит от всех обстоятельств дела, а именно от продолжительности такого обращения, влияния, которое оно оказало на физическое и психическое состояние потерпевшего, а в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v Croatia*) от 20 октября 2016 г., жалоба № 7334/13¹, § 97, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paopshvili v. Belgium*) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 41738/10², § 174, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлайфия и другие против Италии» (*Khlaifia and Others v. Italy*) от 15 декабря 2016 г., жалоба № 16483/12, § 159).

117. Чтобы определить, был ли достигнут необходимый уровень жестокости, Европейский Суд может также принимать во внимание иные факторы, в частности, цель, для которой было применено жестокое обращение, в совокупности с намерением или стоящим за ней мотивом, хотя отсутствие намерения унижить или оскорбить потерпевшего не исключает окончательно возможность установить нарушение статьи 3 Конвенции, а также контекст, в котором было применено жестокое обращение, например, атмосфера повышенной напряженности и эмоциональности, находился ли потерпевший в уязвимом положении (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлайфия и другие против Италии», § 160, с дополнительными ссылками).

118. Жестокое обращение, которое достигает такого минимального уровня жестокости, обычно включает в себя реальные телесные повреждения либо интенсивные физические или нравственные

страдания. Тем не менее даже в отсутствие указанных характеристик, если обращение унижает или оскорбляет лицо, свидетельствуя о неуважении или умалении его человеческого достоинства, либо вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные ослабить моральное или физическое сопротивление лица, оно может характеризоваться как унижающее человеческое достоинство и подпадать под действие запрета, установленного статьей 3 Конвенции. Может быть достаточно унижения потерпевшего в его собственных глазах, а не по мнению других лиц (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии», § 87, с дополнительными ссылками).

119. Что касается обращения со стороны частных лиц, Европейский Суд неоднократно устанавливал, что статья 3 Конвенции применима в делах, связанных с преднамеренным жестоким обращением, таким как изнасилование, сексуальные домогательства или насилие, включая насилие в семье, или травмы, полученные в ходе драки, которое предполагает совершение действий, способных вызвать у потерпевшего чувства унижения и позора (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «М.С. против Болгарии» (*M.C. v. Bulgaria*), жалоба № 39272/98, *ECHR* 2003-XII, Постановление Европейского Суда по делу «Беганович против Хорватии» (*Beganović v. Croatia*) от 25 июня 2009 г., жалоба № 46423/06, Постановление Европейского Суда по делу «Бисер Костов против Болгарии» (*Biser Kostov v. Bulgaria*) от 10 января 2012 г., жалоба № 32662/06, Постановление Европейского Суда по делу «Мута против Украины» (*Muta v. Ukraine*) от 31 июля 2012 г., жалоба № 37246/06, § 58, Постановление Европейского Суда по делу «Димитар Шопов против Болгарии» (*Dimitar Shopov v. Bulgaria*) от 16 апреля 2013 г., жалоба № 17253/07, Постановление Европейского Суда по делу «Z. против Болгарии» (*Z. v. Bulgaria*) от 3 марта 2015 г., жалоба № 29263/12, Постановление Европейского Суда по делу «Y. против Словении» (*Y. v. Slovenia*), жалоба № 41107/10, *ECHR* 2015 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «М. и М. против Хорватии» (*M. and M. v. Croatia*), жалоба № 10161/13, *ECHR* 2015 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Сакир против Греции» (*Sakir v. Greece*) от 24 марта 2016 г., жалоба № 48475/09).

120. Иной подход был принят в деле «Краулайдис против Литвы» (*Kraulaidis v. Lithuania*) (Постановление Европейского Суда от 8 ноября 2016 г., жалоба № 76805/11, § 57), которое, как и настоящее дело, касалось дорожно-транспортного происшествия. Европейский Суд «прежде всего отметил, что в результате дорожно-транспортного происшествия заявитель был тяжело ранен и утратил способность ходить. Таким образом, [он

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 5 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 11 (примеч. редактора).

приходит к выводу], что ситуация достигла требуемого уровня жестокости для того, чтобы на нее распространялось действие статьи 3 Конвенции». Аналогичным образом в деле «Мажукна против Литвы» (*Mažukna v. Lithuania*) (Постановление Европейского Суда от 11 апреля 2017 г., жалоба № 72092/12, § 81) Европейский Суд указал, что в результате несчастного случая на производстве заявитель получил травмы лица и груди, что стало причиной его обезображивания и нарушило его способность к мимическим реакциям, а с медицинской точки зрения травма была признана не поддающейся излечению и тяжким ухудшением состояния здоровья. «Соответственно... данная ситуация достигла уровня жестокости, необходимого для того, чтобы на нее распространялось действие статьи 3 Конвенции». Мотивы обоих вышеупомянутых постановлений характеризуются тем, что они уделяют внимание исключительно характеру и степени тяжести полученных травм. Таким образом, статья 3 Конвенции может быть применима в ситуациях, в которых отсутствуют какие-либо преднамеренные действия против потерпевших.

121. Тем не менее Европейский Суд считает, что подход к оценке того, подвергалось ли лицо обращению, достигающему минимального уровня жестокости, как описано выше, в §§ 116–118, выработанный в ряде последовательных постановлений Большой Палаты Европейского Суда, остается правильным также и в отношении обращения со стороны частных лиц. Как следует из указанных параграфов, подобный подход учитывает множество факторов, каждый из которых может иметь существенное значение. Все эти факторы предполагают, что обращение, которому «подверглась» потерпевший, являлось следствием преднамеренного действия.

– Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

122. Как отмечает Европейский Суд, не подлежит сомнению тот факт, что тяжесть физических или нравственных страданий, связанных с конкретной мерой или событием, являлась важным критерием во многих делах, по которым он устанавливал применимость статьи 3 Конвенции, и что отсутствие какого-либо намерения причинить вред, унижить или оскорбить соответствующее лицо не может окончательно исключить факт нарушения статьи 3 Конвенции.

123. Однако, по мнению Европейского Суда, согласно подтвержденному выше подходу (см. выше § 121), телесные повреждения, а также физические и нравственные страдания, причиненные лицу вследствие происшествия, которое явилось результатом случайности или халатности, не могут рассматриваться как следствие «обращения», которому такое лицо «подверглось» по смыслу

статьи 3 Конвенции. Действительно, как указано выше в §§ 116–118, данное обращение по сути, хотя и не исключительно, характеризуется намерением причинить вред, унижить или оскорбить соответствующее лицо путем проявления неуважения или умаления его человеческого достоинства либо с помощью провоцирования возникновения чувства страха, тоски или ощущения неполноценности, способных ослабить его моральное или физическое сопротивление. В деле заявителя подобные элементы отсутствуют.

124. Таким образом, жалобы заявителя на проведение расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции в указанной части несовместимы *ratione materiae* с положениями Конвенции по смыслу подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

(γ) Статья 8 Конвенции

– Общие принципы

125. Европейский Суд напоминает, что целью статьи 8 Конвенции является по сути защита лица от произвольного вмешательства со стороны государственных органов. Однако это положение не просто обязывает государство воздерживаться от такого вмешательства: в дополнение к данному преимущественно негативному обязательству существуют позитивные обязательства, присущие эффективному уважению частной жизни. Такие обязательства могут включать в себя принятие мер, направленных на обеспечение уважения частной жизни даже в сфере отношений частных лиц между собой (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Х и Y против Нидерландов» (*X and Y v. Netherlands*) от 26 марта 1985 г., § 23, Series A, № 91, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции» (*Söderman v. Sweden*), жалоба № 5786/08, § 78, *ECHR* 2013).

126. Понятие «частная жизнь» является широким и не подлежит исчерпывающему определению (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бенсайд против Соединенного Королевства» (*Bensaid v. United Kingdom*), жалоба № 44599/98, § 47, *ECHR* 2001-I, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бэрбулеску против Румынии» (*Bărbulescu v. Romania*) от 5 сентября 2017 г., жалоба № 61496/08¹, § 70 (извлечения), и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Денисов против Украины» (*Denisov v. Ukraine*) от 25 сентября 2018 г., жалоба № 76639/11², § 95). Оно охватывает также физи-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 10 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

ческую и психологическую неприкосновенность лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Х и Y против Нидерландов», § 22, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Отделение исламской общины в Брчко и другие против Боснии и Герцеговины» (*Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others v. Bosnia and Herzegovina*) от 27 июня 2017 г., жалоба № 17224/11¹, § 76). Кроме того, физическое тело лица представляет собой интимный аспект частной жизни (см. Постановление Европейского Суда по делу «Y.F. против Турции» (*Y.F. v. Turkey*), жалоба № 24209/94, § 33, *ECNR* 2003-IX).

127. Что касается защиты физической и психологической неприкосновенности лица от других лиц, Европейский Суд приходил к выводу, что позитивные обязательства органов власти, в некоторых случаях согласно статье 8 Конвенции, взятые в отдельности или во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции, могут предусматривать обязанность поддерживать в действии и применять на практике надлежащую нормативную правовую базу, гарантирующую защиту от актов насилия со стороны частных лиц (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции», § 80, с дальнейшими ссылками). В некоторых случаях, например, при изнасилованиях и сексуальных домогательствах в отношении детей, когда речь идет об основополагающих ценностях и существенных аспектах частной жизни, было установлено, что позитивное обязательство властей государства-ответчика предполагает обеспечение наличия адекватных положений уголовного законодательства и распространяется на эффективность уголовного расследования. В некоторых менее серьезных ситуациях наличия гражданско-правового средства правовой защиты было признано достаточным (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции», §§ 81–85). В отношении оказания медицинской помощи Европейский Суд указывал, что, хотя право на здоровье как таковое не относится к числу прав, гарантированных Конвенцией или Протоколами к ней, позитивное обязательство в соответствии со статьей 8 Конвенции (одновременно с обязательством по статье 2 Конвенции) заключается в том, чтобы, во-первых, установить правила, обязывающие государственные и частные больницы принимать надлежащие меры для защиты физической неприкосновенности своих пациентов, и, во-вторых, предоставить потерпевшим в результате медицинской халатности доступ к процессуальным действиям, в рамках которых они могут при необходимости получить компенсацию ущерба (см. Постановление Европейского Суда

по делу «Василева против Болгарии» (*Vasileva v. Bulgaria*) от 17 марта 2016 г., жалоба № 23796/10, § 63, и Постановление Европейского Суда по делу «Юрица против Хорватии» (*Jurica v. Croatia*) от 2 мая 2017 г., жалоба № 30376/13, § 84).

128. При этом Европейский Суд подчеркивал, что не каждое действие или мера частного лица, которые негативно сказываются на физической и психологической неприкосновенности иного лица, будут нарушать право на уважение частной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Костелло-Робертс против Соединенного Королевства» (*Costello-Roberts v. United Kingdom*) от 25 марта 1993 г., Series A, № 247-C, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бенсайд против Соединенного Королевства», § 46, и Постановление Европейского Суда по делу «Тончев против Болгарии» (*Tonchev v. Bulgaria*) от 19 ноября 2009 г., жалоба № 18527/02). Европейский Суд напоминает, что необходимо достижение определенного уровня жестокости для применения статьи 8 Конвенции в подобных ситуациях (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Денисов против Украины», § 114). Кроме того, ничто в устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда не предполагает, что сфера частной жизни распространяется на действия, которые по существу носят публичный характер (см. Решение Европейского Суда по делу «Френд и другие против Соединенного Королевства» (*Friend and Others v. United Kingdom*) от 24 ноября 2009 г., жалоба № 16072/06, § 42).

– Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

129. Европейский Суд отмечает, что заявитель вне всяких сомнений получил тяжелые травмы в результате дорожно-транспортного происшествия. Возникает вопрос: поднимают ли эти личные травмы проблему, касающуюся частной жизни заявителя по смыслу статьи 8 Конвенции?

130. В этой связи Европейский Суд подчеркивает, во-первых, что травмы заявителя были вызваны тем, что он добровольно принимал участие в определенной деятельности, а именно в управлении транспортным средством на дороге общего пользования, которая по существу осуществлялась публично (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Френд и другие против Соединенного Королевства», § 43, см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства» (*Peck v. United Kingdom*), жалоба № 44647/98, § 62, *ECNR* 2003-I). Действительно, по своей природе данная деятельность сопряжена с риском того, что в случае дорожно-транспортного происшествия лицу может быть причинен тяжкий вред (см.,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 6 (примеч. редактора).

mutatis mutandis, Постановление Европейского Суда по делу «Вильнес и другие против Норвегии» (*Vilnes and Others v. Norway*) от 5 декабря 2013 г., жалобы №№ 52806/09 и 22703/10, §§ 222 и 239). Однако указанный риск был сведен к минимуму благодаря правилам дорожного движения, направленным на обеспечение безопасности дорожного движения для всех его участников, в том числе путем надлежащего разделения транспортных средств на дороге. Во-вторых, дорожно-транспортное происшествие не являлось результатом акта насилия, направленного на причинение ущерба физической и психологической неприкосновенности заявителя. Это дорожно-транспортное происшествие также нельзя сопоставить с какими-либо иными видами ситуаций, в которых Европейский Суд ранее устанавливал позитивное обязательство государства защищать физическую и психологическую неприкосновенность лица (см. выше § 127).

131. При таких обстоятельствах Европейский Суд не усматривает какого-либо конкретного аспекта взаимодействия или контакта между людьми, который мог бы повлечь за собой применение статьи 8 Конвенции в настоящем деле.

132. Следовательно, жалоба заявителя на проведение расследования в соответствии со статьей 8 Конвенции несовместима *ratione materiae* с положениями Конвенции по смыслу подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

(δ) Статья 2 Конвенции

– Введение

133. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что настоящее дело касается предполагаемого акта халатности в контексте дорожно-транспортного происшествия, в результате которого заявитель получил травмы. С учетом доводов заявителя Европейский Суд призван определить, относятся ли факты настоящего дела к сфере действия статьи 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте. Сначала Европейский Суд изложит общие принципы, регулирующие применимость статьи 2 Конвенции, в частности, к дорожно-транспортным происшествиям и халатности, а затем оценит применение этих принципов в настоящем деле.

– Общие принципы

134. Европейский Суд напоминает, что первое предложение статьи 2 Конвенции, которое считается одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, а также закрепляет одну из основополагающих ценностей демократических обществ, составляющих Совет Европы, требует от властей государства не только воздерживаться от «преднамеренного» лишения жизни, но и принимать соответствующие меры для защиты жиз-

ни тех, кто находится под его юрисдикцией (см. Постановление Европейского Суда по делу «L.C.B. против Соединенного Королевства» (*L.C.B. v. United Kingdom*) от 9 июня 1998 г., § 36, *Reports* 1998-III, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чильо против Италии» (*Calvelli and Ciglio v. Italy*) жалоба № 32967/96, § 48, *ECHR* 2002-I, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандеш де Оливейра против Португалии» (*Fernandes de Oliveira v. Portugal*) от 31 января 2019 г., жалоба № 78103/14¹, § 104).

135. Указанное материальное позитивное обязательство предполагает основную обязанность государства устанавливать законодательные и административные механизмы, предназначенные для эффективного предотвращения возникновения для угрозы праву на жизнь (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз против Турции» (*Öneriyıldız v. Turkey*), жалоба № 48939/99, § 89, *ECHR* 2004-XII, Постановление Европейского Суда по делу «Будаева и другие против Российской Федерации» (*Budayeva and Others v. Russia*), жалоба № 15339/02 и четыре другие жалобы, § 129, *ECHR* 2008 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Коляденко и другие против Российской Федерации» (*Kolyadenko and Others v. Russia*) от 28 февраля 2012 г., жалоба № 17423/05 и пять других жалоб², § 157, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандеш де Оливейра против Португалии», §§ 103 и 105–107). Данное обязательство применяется в контексте любой деятельности, как публичной, так и непубличной, при которой право на жизнь может находиться под угрозой (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина КэмпEANУ против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania*), жалоба № 47848/08³, § 130, *ECHR* 2014, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии» (*Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal*) от 19 декабря 2017 г., жалоба № 56080/13⁴, § 165). Оно также требует, чтобы власти государства-ответчика устанавливали нормы, обязывающие частные и публичные институты принимать надлежащие меры для защиты жизни людей (см. в контексте применения силы представителями

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 2 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 3 (примеч. редактора).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (примеч. редактора).

⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 6 (примеч. редактора).

государства Постановление Европейского Суда по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann and Others v. United Kingdom*) от 27 сентября 1995 г., § 151, Series A, № 324, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макарацис против Греции» (*Makaratzis v. Greece*), жалоба № 50385/99, §§ 58, 59 и 62, *ECHR* 2004-XI, Постановление Европейского Суда по делу «Перишан и другие против Турции» (*Perişan and Others v. Turkey*) от 20 мая 2010 г., жалоба № 12336/03, § 85; см. также в отношении оказания медицинской помощи упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина Кэмпану против Румынии», § 130, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ламбер и другие против Франции» (*Lambert and Others v. France*), жалоба № 46043/14¹, § 140, *ECHR* 2015 (извлечения), упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 166, и «Фернандеш де Оливейра против Португалии», § 105; см. в контексте промышленной деятельности упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз против Турции», §§ 71 и 90, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Коляденко и другие против Российской Федерации», § 158). В указанном контексте отсутствие какой-либо прямой ответственности властей государства-ответчика за смерть человека или за создание опасности для его жизни не исключает применимости статьи 2 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джавит Тинарлыоглу против Турции» (*Cavit Tınarlıoğlu v. Turkey*) от 2 февраля 2016 г., жалоба № 3648/04, § 61). Европейский Суд подчеркивает, что в контексте дорожного движения данные обязанности органов власти государства-ответчика влекут за собой обязательство предусмотреть ряд надлежащих превентивных мер, направленных на обеспечение общественной безопасности и минимизацию количества дорожно-транспортных происшествий.

136. Во-вторых, существует еще одно материальное позитивное обязательство принимать превентивные оперативные меры для защиты установленного лица от другого лица (см. Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) от 28 октября 1998 г., § 115, *Reports* 1998-VIII) или в исключительных обстоятельствах от самого себя (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции» (*Renolde v. France*), жалоба № 5608/05, § 81, *ECHR* 2008

(извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Хаас против Швейцарии» (*Haas v. Switzerland*), жалоба № 31322/07², § 54, *ECHR* 2011, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандеш де Оливейра против Португалии», §§ 103 и 108–115). Европейский Суд указывал, что данное обязательство должно толковаться таким образом, чтобы не налагать на органы государственной власти невозможное или непропорциональное бремя. Не каждый предполагаемый риск для жизни влечет за собой конвенционное требование для органов власти государства-ответчика принимать оперативные меры для предотвращения реального воплощения такого риска. В целях исполнения указанного позитивного обязательства необходимо установить, что органы государственной власти в соответствующий период знали или должны были знать о существовании реального и непосредственного риска для жизни определенного лица или лиц в результате преступных действий третьих сторон и что они не приняли мер в рамках своих полномочий, выполнения которых можно было бы обоснованно ожидать во избежание возникновения такого риска (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства», §§ 115–116, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз против Турции», §§ 74 и 101, Решение Европейского Суда по делу «Бон против Франции» (*Bone v. France*) от 1 марта 2005 г., жалоба № 69869/01, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джавит Тинарлыоглу против Турции», §§ 91–92, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандеш де Оливейра против Португалии», § 109). Европейский Суд считает, что данное обязательство при определенных обстоятельствах может предусматривать оказание неотложной медицинской помощи при наступлении опасного для жизни несчастного случая.

137. В-третьих, Европейский Суд напоминает, что обязанность властей государства-ответчика защищать право на жизнь должна включать в себя не только указанные материальные позитивные обязательства, но и в случае смерти процессуальное позитивное обязательство предусмотреть эффективную независимую судебную систему. Подобная система может варьироваться в зависимости от обстоятельств дела (см. ниже § 158). Однако она должна быть способна оперативно устанавливать факты, привлекать виновных к ответственности и обеспечивать надлежащее возмещение потерпевшему (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 9 (примеч. редактора).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 4 (примеч. редактора).

Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чильо против Италии», § 49, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Во против Франции» (*Vo v. France*), жалоба № 53924/00, § 89, ECHR 2004-VIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» (*Šilih v. Slovenia*) от 9 апреля 2009 г., жалоба № 71463/01, §§ 155 и 192, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 214).

138. Данное процессуальное обязательство не зависит от того, будет ли, в конечном счете, установлено, что власти государства-ответчика несут ответственность за смерть лица в соответствии с материально-правовым аспектом, оно составляет отдельное и автономное обязательство (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», §§ 156 и 159). Это предполагает обязательство проводить эффективное официальное расследование убийств конкретных лиц в результате применения силы, но может распространяться и на несчастные случаи, которые заканчиваются смертью человека. В таком контексте Европейский Суд устанавливал, что статья 2 Конвенции в равной степени применима в отношении несчастных случаев, в частности, дорожно-транспортных происшествий, в которых потерпевший погибает (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Анна Тодорова против Болгарии» (*Anna Todorova v. Bulgaria*) от 24 мая 2011 г., жалоба № 23302/03, Постановление Европейского Суда по делу «Прында против Украины» (*Prynda v. Ukraine*) от 31 июля 2012 г., жалоба № 10904/05, и Постановление Европейского Суда по делу «Фатих Чакур и Мерве Ниса Чакур против Турции» (*Fatih Çakır and Merve Nisa Çakır v. Turkey*) от 5 июня 2018 г., жалоба № 54558/11, § 41).

139. При определенных обстоятельствах Европейский Суд также устанавливал, что данное процессуальное обязательство в соответствии со статьей 2 Конвенции касается случаев, когда лицо, чье право на жизнь предположительно было нарушено, не погибло. В подобных случаях Европейский Суд считал существенным тот факт, что потерпевший получил опасные для жизни травмы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Игорь Шевченко против Украины» (*Igor Shevchenko v. Ukraine*) от 12 января 2012 г., жалоба № 22737/04, и Постановление Европейского Суда по делу «Котельников против Российской Федерации» (*Kotelnikov v. Russia*) от 12 июля 2016 г., жалоба № 45104/05¹, оба Постановления касались дорожно-транспортных происшествий).

140. Из прецедентной практики Европейского Суда также очевидно, что в тех случаях, когда потерпевшие выжили и когда они не утверждали о наличии намерения убить их, критериями для рассмотрения жалобы в соответствии с указанным аспектом статьи 2 Конвенции являются, во-первых, стало ли лицо потерпевшим в результате какой-либо публичной или частной деятельности, которая в силу своего характера создала реальную и неизбежную угрозу для его жизни, и, во-вторых, получило ли это лицо травмы, которые являлись опасными для жизни по мере их возникновения. Иные факторы, например, удалось ли избежать смерти в силу чистой случайности (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макарацис против Греции», §§ 54–55, в контексте выстрелов со стороны сотрудников полиции без летального исхода в ситуации преследования по горячим следам, и Постановление Европейского Суда по делу «Кривова против Украины» (*Krivova v. Ukraine*) от 9 ноября 2010 г., жалоба № 25732/05, § 45) или был ли потерпевший заражен потенциально смертельным заболеванием (см. Постановление Европейского Суда по делу «G.N. и другие против Италии» (*G.N. and Others v. Italy*) от 1 декабря 2009 г., жалоба № 43134/05, в отношении заражения гепатитом С в результате переливания крови) также могут оказать влияние. Оценка Европейского Суда зависит от обстоятельств конкретного дела. Хотя отсутствует какое-либо общее правило, представляется, что, если рассматриваемая деятельность в силу ее характера является опасной и создает реальную и неизбежную угрозу для жизни лица, например, применение опасного для жизни насилия, степень тяжести полученных травм может не иметь решающего значения, и даже в отсутствие травм жалоба в подобных случаях может рассматриваться в соответствии со статьей 2 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «R.R. и другие против Венгрии» (*R.R. and Others v. Hungary*) от 4 декабря 2012 г., жалоба № 19400/11, § 32, в котором исключение из программы по защите свидетелей влекло за собой риск опасной для жизни мести со стороны мафии, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Коляденко и другие против Российской Федерации», § 155, касающееся стихийных бедствий).

141. Европейский Суд отмечал, что данное позитивное процессуальное обязательство возникает в соответствии со статьей 2 Конвенции в отношении ряда различных видов деятельности, а именно действия и бездействия медицинских работников в сфере государственного или частного медицинского обслуживания (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делам «Кальвелли и Чильо против Италии», «Во против Франции» и «Лопеш

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 3 (примеч. редактора).

де Союза Фернандеш против Португалии»), управления опасными видами деятельности, которые приводят к техногенным или экологическим катастрофам (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз против Турции» и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Будаева и другие против Российской Федерации»), обеспечения безопасности на борту судна (см. Решение Европейского Суда по делу «Лере и другие против Франции» (*Leray and Others v. France*) от 16 января 2001 г., жалоба № 44617/98), в поездах (см. Постановление Европейского Суда по делу «Календер против Турции» (*Kalender v. Turkey*) от 15 декабря 2009 г., жалоба № 4314/02), на строительных площадках (см. Постановление Европейского Суда по делу «Переира Энрикес против Люксембурга» (*Pereira Henriques v. Luxembourg*) от 9 мая 2006 г., жалоба № 60255/00, Постановление Европейского Суда по делу «Джевриоглу против Турции» (*Sevrioglu v. Turkey*) от 4 октября 2016 г., жалоба № 69546/12), при осуществлении водолазных спусков в открытом море (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вильнес и другие против Норвегии»), на игровой площадке (см. Решение Европейского Суда по делу «Косецкий против Македонии» (*Koceski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 22 октября 2013 г., жалоба № 41107/07) или в школе (см. Постановление Европейского Суда по делу «Илбей Кемалоглу и Мерие Кемалоглу против Турции» (*Ilbeyi Kemaloglu and Meriye Kemaloglu v. Turkey*) от 10 апреля 2012 г., жалоба № 19986/06). Приведенный выше перечень не является исчерпывающим (см. Постановление Европейского Суда по делу «Цехоньска против Польши» (*Ciechońska v. Poland*) от 14 июня 2011 г., жалоба № 19776/04, § 63, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Илбей Кемалоглу и Мерие Кемалоглу против Турции», § 35, Постановление Европейского Суда по делу «Банель против Литвы» (*Banel v. Lithuania*) от 18 июня 2013 г., жалоба № 14326/11, § 65, и Постановление Европейского Суда по делу «R.Š. против Латвии» (*R.Š. v. Latvia*) от 8 марта 2018 г., жалоба № 44154/14, § 79).

142. Если реальная и неизбежная угроза причинения смерти, обусловленная характером деятельности, не очевидна, степень тяжести травм, полученных заявителем, приобретает еще большее значение. В подобных случаях жалоба подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 2 Конвенции, только если степень тяжести полученных травм была такова, что жизни потерпевшего угрожала серьезная опасность (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Кривова против Украины», § 45, «Игорь Шевченко против Украины», § 42, «Джавит Тинарлыоглу

против Турции», § 68, и «Котельников против Российской Федерации», § 97).

143. В указанном контексте, определяя, имели ли рассматриваемые травмы опасный для жизни характер, Европейский Суд неоднократно ссылался на степень их тяжести и на их последствия (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Кривова против Украины», § 45, «Игорь Шевченко против Украины», § 43, «Джавит Тинарлыоглу против Турции», § 68, и «Котельников против Российской Федерации», § 98). При этом Европейский Суд признавал следующие травмы достаточно серьезными, чтобы привести в действие защиту в соответствии со статьей 2 Конвенции: серьезные повреждения центральной нервной системы, тяжелые травмы головы и позвоночника, серьезные повреждения нижней и верхней частей тела, требующие неотложной и/или длительной медицинской помощи, а также последствия, включая кому, длительную тяжелую инвалидность и/или утрату трудоспособности, полную потерю личной автономии (см. для сравнения упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Кривова против Украины», «Игорь Шевченко против Украины», «Джавит Тинарлыоглу против Турции» и «Котельников против Российской Федерации»). Хотя этот список не является исчерпывающим и оценка травм может зависеть от обстоятельств конкретного дела, необходимо доказать наличие причинно-следственной связи между рассматриваемым инцидентом или событием и полученными травмами.

144. Исходя из этого Европейский Суд полагает, что в контексте несчастных случаев и предполагаемой халатности статья 2 Конвенции может быть применима, если соответствующая деятельность опасна в силу своего характера и создает реальную и неизбежную угрозу для жизни заявителя (см. выше §§ 140–141) или если травмы заявителя были в значительной степени опасными для жизни (см. выше §§ 142–143). В подобных ситуациях применяется процессуальное обязательство по проведению эффективного официального расследования. Чем менее очевидны неизбежность и реальность угрозы, обусловленной характером деятельности, тем значительнее становится требование, касающееся оценки степени тяжести травм, понесенных заявителем. Это особенно актуально в случаях, когда частная деятельность, связанная с высоким риском, регулируется подробной нормативной и административной базой, адекватность и достаточность которой для снижения угроз для жизни не вызывает сомнений или не оспаривается.

145. По общему признанию, могут иметь место ситуации, когда в момент события или инцидента неясно, подвергается ли жизнь потерпевшего реальной и неизбежной угрозе или являются ли полученные травмы в значительной степени опасными для жизни. В этой связи Европейский Суд полагает

ет, что для применения статьи 2 Конвенции будет достаточно, чтобы угроза представлялась реальной и неизбежной или чтобы травмы казались опасными для жизни при их причинении. Аналогичным образом в отношении статьи 3 Конвенции, на что указано выше в § 115, как только соответствующий вопрос доводится до сведения властей государства-ответчика, это *ipso facto* влечет за собой обязательство согласно статье 2 Конвенции провести эффективное расследование (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Эрги против Турции» (*Ergi v. Turkey*) от 28 июля 1998 г., § 82, *Reports* 1998-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Маккёрр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. United Kingdom*), жалоба № 28883/95, § 111, *ECHR* 2001-III). Данное обязательство продолжает применяться до тех пор, пока не будет установлено, что угроза для жизни не является реальной и неизбежной или что травмы явно не были в значительной степени опасными для жизни. Вопрос о том, какое расследование могло бы достичь указанной цели, касается существа дела и будет подробно рассмотрен ниже (см. ниже § 164).

– Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

146. Европейский Суд отмечает, что в момент инцидента заявитель осуществлял деятельность, которая потенциально могла привести к созданию серьезных угроз для жизни человека. Он также подчеркивает, что с течением времени управление транспортным средством стало строго регламентированным видом деятельности, и были предприняты значительные усилия для повышения безопасности дорожного движения. Кроме того, безопасность дорожного движения зависит от многих факторов, в том числе, от качества дорог и подготовки потенциальных водителей.

147. Учитывая масштабы действующих нормативных актов и распространенность данного вида деятельности в повседневной жизни, Европейский Суд признает, что в настоящее время многие считают управление транспортным средством деятельностью, которая обычно не представляет особой опасности. Тем не менее он не упускает из виду тот факт, что это может зависеть, в частности, от качества правоприменения в указанной области. Действительно, несмотря на предпринятые усилия, в реальности дорожно-транспортные происшествия, в том числе автомобильные аварии, имеют место и могут привести к серьезным травмам и даже гибели людей.

148. Независимо от того, может ли управление транспортным средством рассматриваться как особенно опасный вид деятельности или нет, Европейский Суд отмечает, что в случаях, когда угроза, связанная с характером вида деятельности,

менее очевидна, степень тяжести травм, полученных заявителем, приобретает всё большее значение (см. выше § 142).

149. В деле заявителя его участие в вышеупомянутой деятельности привело к получению им серьезных травм. Хотя его травмы не были смертельны, судебно-медицинский эксперт счел их достаточно серьезными, чтобы поставить под угрозу его жизнь. Травмы заявителя потребовали оказания неотложной и длительной медицинской помощи, а также неоднократной госпитализации, и у него возникли серьезные физические и психологические последствия. Принимая во внимание доказательства по настоящему делу, Европейский Суд не находит оснований сомневаться в том, что при обстоятельствах настоящего дела на момент дорожно-транспортного происшествия заявителем была представлена обоснованная жалоба на то, что его травмы были достаточно тяжелыми, чтобы создать серьезную угрозу для его жизни.

150. Исходя из вышеизложенного, в частности, с учетом опасных для жизни травм, полученных заявителем, Европейский Суд приходит к выводу о применимости в настоящем деле статьи 2 Конвенции.

(ε) Заключение

151. Принимая во внимание изложенные выше доводы и в той степени, в которой жалоба заявителя содержит ссылки на статьи 3 и 8 Конвенции, Европейский Суд считает жалобы заявителя в части, касающейся проведения расследования, несовместимыми *ratione materiae* с положениями Конвенции по смыслу подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции (см. выше §§ 124 и 132).

152. Тем не менее Европейский Суд считает, что возражение властей Румынии относительно применимости статьи 2 Конвенции к жалобам заявителя в указанной части должно быть отклонено.

153. Таким образом, Европейский Суд продолжит рассмотрение жалоб в указанной части исключительно в соответствии со статьей 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте.

154. Европейский Суд считает, что жалоба в этой части не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

2. Существо жалобы

(а) Доводы сторон

155. Заявитель, ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда и имеющиеся доказа-

тельства, утверждал, что органы государственной власти Румынии не исполнили свое обязательство по проведению эффективного и своевременного расследования, как того требует статья 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте. Они проигнорировали значимые доказательства или рассмотрели не относящиеся к делу доказательства и неоднократно пытались прекратить производство по уголовному делу путем вынесения решений, которые впоследствии были отменены. Необходимость эффективного и своевременного расследования была особенно важна при конкретных обстоятельствах дела заявителя в связи с участием в дорожно-транспортном происшествии государственного служащего и поскольку на момент дорожно-транспортного происшествия заявитель являлся судьей, который активно рассматривал уголовные дела, и существовал риск совершения преднамеренных действий, направленных против него.

156. Власти Румынии утверждали, что уголовное расследование, проведенное органами государственной власти по настоящему делу, было эффективным. Органы государственной власти оперативно начали уголовное расследование обстоятельств происшествия, действовали активно и прилагали усилия для выяснения, насколько это возможно, обстоятельств дела. Продолжительность судебного разбирательства и тот факт, что уголовная ответственность D.I. была прекращена в связи с истечением сроков давности, явились следствием сложности дела и большого количества доказательств, которые органы государственной власти должны были принять во внимание, а не бездействие органов государственной власти и не мошенническое молчаливое согласие между следователями и подозреваемыми.

(b) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(i) Общие принципы

157. Европейский Суд напоминает, что в случае смерти или опасных для жизни телесных повреждений обязанность властей государства-ответчика по защите права на жизнь должна также предусматривать существование эффективной независимой судебной системы, способной своевременно установить факты, привлечь к ответственности виновных и обеспечить надлежащее возмещение потерпевшему (см. выше §§ 137 и 139).

158. Форма расследования, обусловленная указанным обязательством, варьируется в зависимости от характера вмешательства в право на жизнь. Статья 2 Конвенции может и при определенных обстоятельствах должна предусматривать обращение к уголовному законодательству (см. среди прочих примеров упоминавшиеся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делам

«Кальвелли и Чильо против Италии», § 51, «Во против Франции», § 90, «Шилих против Словении», § 194). Например, если смерть была причинена преднамеренно, по общему правилу необходимо проведение уголовного расследования (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции» (Mustafa Tunç and Fecire Tunç v Turkey) от 14 апреля 2015 г., жалоба № 24014/05¹, § 170). Аналогичным образом то же правило применяется при преднамеренном создании угрозы для жизни.

159. Европейский Суд напоминает, что в случае непреднамеренного причинения смерти и/или создания непреднамеренной угрозы для жизни требование о наличии эффективной судебной системы будет выполнено, если правовая система предоставляет потерпевшим (или их близким родственникам) средство правовой защиты в гражданских судах в отдельности либо в совокупности со средством правовой защиты в уголовных судах, которое позволяет установить ответственность виновных лиц и получить любое надлежащее гражданское возмещение. При участии представителей государства или лиц определенных профессий также могут быть приняты дисциплинарные меры (см. среди прочих примеров упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Кальвелли и Чильо против Италии», § 51, «Во против Франции», § 90, «Шилих против Словении», § 194, «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина Кэмпану против Румынии», § 132, и «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 137).

160. Европейский Суд также напоминает, что, хотя Конвенция не гарантирует право на возбуждение уголовного дела в отношении третьих лиц как таковое, даже при непреднамеренном вмешательстве в право на жизнь или на физическую неприкосновенность могут существовать исключительные обстоятельства, когда эффективное уголовное расследование будет необходимо для исполнения процессуального обязательства, предусмотренного статьей 2 Конвенции. Такие обстоятельства могут иметь место, например, в случае лишения жизни или создания угрозы для жизни вследствие действий государственного органа, которые выходят за рамки ошибочного суждения или небрежности, или в случае лишения жизни при подозрительных обстоятельствах либо по причине предполагаемого сознательного халатного отношения со стороны частного лица к его правовым обязанностям, предусмотренным соответствующим законодательством (см. среди прочих примеров в контексте опасных видов промышленной деятельности упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 8 (примеч. редактора).

против Турции», § 71, в отношении дорожно-транспортных происшествий, при которых смерть произошла при подозрительных обстоятельствах, см. Решение Европейского Суда по делу «Аль-Файед против Франции» (*Al-Fayed v. France*) от 27 сентября 2007 г., жалоба № 38501/02, § 73, в контексте отказа в медицинской помощи см. Постановление Европейского Суда по делу «Азийе Генч против Турции» (*Asiye Genc v. Turkey*) от 27 января 2015 г., жалоба № 24109/07, § 73, относительно военных действий см. Постановление Европейского Суда по делу «Орук против Турции» (*Oruk v. Turkey*) от 4 февраля 2014 г., жалоба № 33647/04, §§ 56–65, и Постановление Европейского Суда по делу «Райлян против Республики Молдова» (*Railean v. Moldova*) от 5 января 2010 г., жалоба № 23401/04, § 28, в отношении дорожно-транспортных происшествий, произошедших по причине сознательно-го халатного отношения со стороны частного лица к его правовым обязанностям в связи с перевозкой опасных грузов см. Постановление Европейского Суда по делу «Синим против Турции» (*Sinim v. Turkey*) от 6 июня 2017 г., жалоба № 9441/10, § 63).

161. В случае гибели лица Европейский Суд приходил к выводу, что, если с самого начала не было ясно установлено, что смерть наступила в результате несчастного случая или иного непреднамеренного действия, и если версия о противоправном убийстве как минимум является доказуемой на основе фактов, Конвенция требует проведения расследования, достигающего минимального уровня эффективности, чтобы прояснить обстоятельства смерти. Тот факт, что по итогам расследования принимается версия о несчастном случае, не имеет значения для данного вопроса, поскольку обязательство проводить расследование специально предназначено для опровержения или подтверждения той или иной версии событий (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции», § 133). При таких обстоятельствах обязательство проводить эффективное официальное расследование существует даже в тех случаях, когда предполагаемый правонарушитель не является представителем государства (см. *ibid.*, § 171). По мнению Европейского Суда, вышеизложенное должно применяться также в случаях, связанных с опасными для жизни травмами.

162. Что касается смерти или опасных для жизни травм, наступивших в результате дорожно-транспортных происшествий, Европейский Суд считает, что, как только органам власти становится известно о происшествии, они должны приложить все разумные усилия с учетом практических реалий следственной работы, в том числе путем предоставления необходимых ресурсов, для обеспечения своевременного и достаточно тщательного сбора доказательств на месте и выполнения иных значи-

мых для дела доказательств, для фиксации доказательств, а также для устранения или сведения к минимуму любого риска недостатков, которые впоследствии могут негативно сказаться на возможности установления ответственности и привлечения такого(-их) лица (лиц) к ответственности. Данная обязанность возложена на органы государственной власти и, как указано выше, не может быть оставлена на усмотрение потерпевшего или его близких родственников (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Маккерр против Соединенного Королевства», § 111). Обязательство по сбору доказательств должно применяться как минимум до тех пор, пока не будет выяснен характер любой ответственности и пока органы государственной власти не убедятся в отсутствии оснований для проведения или дальнейшего продолжения уголовного расследования.

163. Европейский Суд считает, что после установления в ходе первоначального расследования того факта, что смерть или опасная для жизни травма не были причинены преднамеренно, из двух форм процессуальных подходов, описанных выше в §§ 159 и 160–161, логически следует, что гражданско-правового средства защиты достаточно независимо от того, является ли лицо, предположительно ответственное за происшествие, частным лицом или представителем государства.

164. В ситуации, когда требуется проведение уголовного расследования (см. выше §§ 158 и 160–161), его форма, которая будет достигать целей обеспечения эффективной реализации законов властей государства-ответчика, защищающих право на жизнь, и привлечения виновных лиц к ответственности, может варьироваться в зависимости от обстоятельств. Тем не менее какой бы способ расследования ни использовался, органы государственной власти должны действовать по своей инициативе, как только информация о деле доведена до их сведения. Они не могут оставлять на усмотрение непосредственного потерпевшего или его близких родственников подачу официальной жалобы или принятие ответственности за проведение каких-либо следственных действий (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Маккерр против Соединенного Королевства», § 111).

165. Чтобы быть «эффективным», как это выражение следует понимать в контексте статьи 2 Конвенции, расследование должно быть в первую очередь надлежащим (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахай и другие против Нидерландов» (*Ramsahai and Others v. Netherlands*), жалоба № 52391/99, § 324, *ECtHR* 2007-II). Иными словами, оно должно быть способно привести к установлению фактов и при необходимости к установлению и наказанию виновных лиц (см. упоминавшееся выше

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции», § 172, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Армани да Сильва против Соединенного Королевства» (*Armani Da Silva v United Kingdom*) от 30 марта 2016 г., жалоба № 5878/08¹, § 233).

166. Расследование также должно быть тщательным. Это означает, что органы государственной власти должны принять все доступные им разумные меры для фиксации доказательств, касающихся происшествия, в любом случае они обязаны предпринимать серьезные усилия для выяснения обстоятельств происшествия и не полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования или использования этих выводов в качестве основания для своих решений (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мокану и другие против Румынии», § 325, а также в соответствии со статьей 3 Конвенции упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Эль-Масри против Македонии», § 183, и «Буид против Бельгии», § 123).

167. Следует также подчеркнуть, что даже при наличии препятствий или преград, затрудняющих ход расследования, своевременная реакция органов власти государства-ответчика является жизненно важной для общественной безопасности и поддержания общественного доверия к приверженности таких органов принципу верховенства права и к предотвращению любой видимости сговора или терпимости по отношению к противоправным действиям. Производство по делу также должно быть завершено в разумные сроки (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Шилих против Словении», § 195, и «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 218).

168. Кроме того, как правило, необходимо, чтобы внутригосударственная система, созданная для определения причин смерти или серьезных телесных повреждений, была независимой. Это означает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но и фактическую независимость, подразумевающую, что все лица, которым поручено проводить оценку в ходе производства по делу для определения причины смерти или телесных повреждений, пользуются формальной и *de facto* независимостью от лиц, участвовавших в событиях (см. Постановление Европейского Суда по делу «Баич против Хорватии» (*Vajić v Croatia*) от 13 ноября 2012 г., жалоба № 41108/10, § 90, и упоминавшееся выше Постановление Большой

Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 217).

169. В таком деле, как настоящее, когда имеются различные гражданские и уголовные средства правовой защиты, Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, можно ли считать все предусмотренные законом и применяемые на практике средства правовой защиты в совокупности способными установить факты, привлечь виновных к ответственности и обеспечить надлежащее возмещение потерпевшему. Выбор средств обеспечения позитивных обязательств, предусмотренных статьей 2 Конвенции, в принципе относится к пределам усмотрения Договаривающихся Государств. Существуют различные способы обеспечения конвенционных прав, и даже если власти государства-ответчика не применили конкретную меру, предусмотренную своим внутригосударственным законодательством, они всё же могли исполнить свое позитивное обязательство с помощью иных средств (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Цехоньска против Польши», § 65, «Илбей Кемалоглу и Мерие Кемалоглу против Турции», § 37, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 216).

170. Однако указанные обязательства не будут выполнены, если защита, предоставляемая внутригосударственным законодательством, существует только в теории: прежде всего она должна также эффективно применяться на практике (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Кальвелли и Чильо против Италии», § 53, «Шилих против Словении», § 195, «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина Кэмпану против Румынии», § 132). Это не обязательство достижения результата, а обязательство применения средств (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Шилих против Словении», § 193, и «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 221). Таким образом, сам по себе факт того, что производство по делу закончилось неблагоприятным образом для потерпевшего (или для его близких родственников), не означает, что власти государства-ответчика не исполнили свои позитивные обязательства в соответствии со статьей 2 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Бесен против Турции» (*Besen v Turkey*) от 19 июня 2012 г., жалоба № 48915/09, § 38, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 221).

171. Наконец, Европейский Суд напоминает, что неисполнение процессуального требования в соответствии со статьей 2 Конвенции оценивается на основе нескольких существенных критериев,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 3 (примеч. редактора).

в том числе тех, что были упомянуты выше (см. выше §§ 166–168). Эти критерии взаимосвязаны, и каждый из них, взятый в отдельности, не является самоцелью, что характерно для требований к справедливому судебному разбирательству, предусмотренных статьей 6 Конвенции. Они представляют собой элементы, которые в совокупности позволяют оценить степень эффективности расследования. Именно в соотношении с данной целью проведения эффективного расследования необходимо оценивать любые вопросы, включая его оперативность и разумную целесообразность (см., в частности, в отношении независимости расследования упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции», § 225).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

172. Европейский Суд уже привел конкретные обстоятельства дела заявителя, которые следует принимать во внимание при проведении оценки (см. выше § 113). В ситуациях непреднамеренного причинения опасных для жизни травм процессуальное обязательство, налагаемое статьей 2 Конвенции, требует только, чтобы правовая система предоставляла заявителю средство правовой защиты в гражданских судах, а не возбуждения уголовного расследования обстоятельств происшествия (см. выше § 163). Однако это не препятствует властям государства-ответчика предусмотреть на законодательном уровне возможность уголовного расследования подобных обстоятельств (см. выше § 169).

173. Таким образом, Европейский Суд должен проанализировать процедуры, которые были доступны заявителю в целях установления личной ответственности D.I. и J.C.P. за полученные им травмы в настоящем деле.

174. Прежде всего Европейский Суд считает не относящимся к настоящему делу гражданское производство, возбужденное заявителем 28 ноября 2006 г. в отношении сначала страховой, а затем лизинговой компаний (см. выше §§ 64–65), поскольку данные производства касаются предполагаемой ответственности указанных компаний за неисполнение своих обязательств по заключенным с заявителем договорам, а не гражданско-правовой ответственности D.I. и J.C.P. за действия или бездействие последних.

175. Европейский Суд также отмечает, что, по мнению властей Румынии, заявитель имел доступ к нескольким внутригосударственным средствам правовой защиты для того, чтобы требовать в суде возмещения ущерба, причиненного ему в результате дорожно-транспортного происшествия. Власти Румынии утверждали, что заявитель вполне мог бы стать стороной гражданского или уголовного

производства, любое из которых, по крайней мере, теоретически послужило бы для него надлежащим способом возмещения компенсации причиненного ущерба. Он решил предъявить гражданский иск в рамках уголовного производства, возбужденного властями Румынии по обстоятельствам дорожно-транспортного происшествия.

176. Что касается необходимости исчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты перед тем, как возбудить отдельное гражданское производство, а не вступить в уголовное производство, Европейский Суд, во-первых, отмечает, что решение о вступлении в уголовное производство, возбужденное властями Румынии, в качестве гражданской стороны не представляется необоснованным. Это решение не рассматривалось как таковое органами власти Румынии, которые в течение значительного периода времени считали, что по данному делу есть основания для уголовного расследования. Во-вторых, средство правовой защиты, использованное заявителем, позволяло совместно рассматривать уголовную и гражданскую ответственность, вытекающую из одного и того же виновного деяния, что облегчало общую процессуальную защиту прав, о которых идет речь в настоящем деле. Подача гражданского иска в рамках уголовного производства могла быть предпочтительнее для заявителя, поскольку, даже несмотря на то, что он нес бремя доказывания обоснованности своего требования, следственные органы также были обязаны собрать доказательства, включая доказательства, обнаруженные на месте дорожно-транспортного происшествия. Заключение экспертов, запрошенные следственными органами, и другие доказательства, собранные ими в ходе уголовного производства, могли быть использованы заявителем в любом гражданском производстве и, вероятно, имели бы важное значение для разрешения его гражданского иска. Соответственно, Европейский Суд не усматривает каких-либо оснований полагать, что заявитель действовал ненадлежащим образом, когда принял решение о том, чтобы рассмотрение его дела продолжалось в соответствии с УПК Румынии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Елена Кожокару против Румынии» (Elena Cojocaru v. Romania) от 22 марта 2016 г., жалоба № 74114/12, § 122).

177. Принимая во внимание неоднократные попытки органов государственной власти Румынии прояснить обстоятельства дорожно-транспортного происшествия, Европейский Суд полагает, что заявитель мог разумно ожидать того, что в рамках вышеупомянутого уголовного производства его жалобы будут рассмотрены. При таких обстоятельствах тот факт, что заявитель не подал отдельный гражданский иск против D.I. и J.C.P., не может быть использован против него при оценке исчерпания им внутригосударственных средств правовой

защиты. В этой связи Европейский Суд напоминает, что при наличии ряда внутригосударственных средств правовой защиты, которые лицо может использовать, это лицо вправе выбрать для целей исполнения требования исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты то средство правовой защиты, которое удовлетворяет его существенные жалобы. Иными словами, при использовании одного средства правовой защиты не требуется использование другого средства правовой защиты, имеющего по существу ту же цель (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аквилина против Мальты» (*Aquilina v. Malta*), жалоба № 25642/94, § 39, *ECHR* 1999-III, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Козаджиоглу против Турции» (*Kozacıoğlu v. Turkey*) от 19 февраля 2009 г., жалоба № 2334/03, § 40, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты» (*Micallef v. Malta*), жалоба № 17056/06, § 58, *ECHR* 2009, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шерифе Йигит против Турции» (*Şerife Yiğit v. Turkey*) от 2 ноября 2010 г., жалоба № 3976/05, § 50).

178. С учетом вышеизложенного Европейский Суд считает, что возражение властей Румынии о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты должно быть отклонено.

179. Что касается вопроса о том, отвечало ли уголовное производство при конкретных обстоятельствах настоящего дела обязательству государства, предусмотренному статьей 2 Конвенции, по обеспечению эффективной судебной системы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Быжиковский против Польши» (*Byrzykowski v. Poland*) от 27 июня 2006 г., жалоба № 11562/05, §§ 106–107), Европейский Суд отмечает, что, если оно будет признано эффективным, то такое производство само по себе может свидетельствовать об исполнении данного обязательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», § 202, Постановление Европейского Суда по делу «Заволока против Латвии» (*Zavoloka v. Latvia*) от 7 июля 2009 г., жалоба № 58447/00, §§ 36 и 39, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Анна Тодорова против Болгарии», § 75, Постановление Европейского Суда по делу «Сидика Имрен против Турции» (*Sidika İmren v. Turkey*) от 13 сентября 2016 г., жалоба № 47384/11, § 58, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 232).

180. В этой связи Европейский Суд подчеркивает, что сразу после дорожно-транспортного происшествия Управление полиции г. Плоешти по собственной инициативе возбудило уголовное расследование обстоятельств происшествия и собрало

доказательства, включая измерения, образцы крови, а также фотографии и медицинские документы, которые могли прояснить обстоятельства дорожно-транспортного происшествия.

181. Кроме того, следственные органы установили личности всех водителей, причастных к дорожно-транспортному происшествию, включая заявителя, и взяли устные показания у них и у свидетелей, которым было известно о данном событии. Насколько позволяло состояние его здоровья, заявитель принимал активное участие в производстве. Как на стадии расследования, так и на стадии судебной проверки он имел доступ к материалам дела, мог оспорить независимость и беспристрастность соответствующих органов, а также совершенные ими действия и принятые меры и потребовать приобщения к материалам дела дополнительных доказательств. Он мог обжаловать решения органов прокуратуры. Тот факт, что некоторые из его ходатайств о приобщении дополнительных доказательств и некоторые жалобы были отклонены или что Высший кассационный суд, в конечном счете, удовлетворил одно из его ходатайств о передаче его дела ввиду наличия правомерных подозрений, не означает, что следственные органы и суды Румынии не хотели устанавливать обстоятельства дорожно-транспортного происшествия и ответственность причастных к нему лиц или что они фактически не были независимы.

182. Кроме того, с учетом имеющихся доказательств, несмотря на выводы Судебно-медицинской службы от 10 апреля 2007 г. относительно нарушений в отборе образцов крови заявителя (см. выше § 31), Европейский Суд не находит достаточных оснований, чтобы прийти к выводу, что расследование или сбор доказательств в итоге были недостаточно тщательными. Решение органов государственной власти Румынии прекратить производство по делу не было принято поспешно или произвольно. Ему предшествовали годы следственной работы, в результате которой была собрана обширная доказательственная база, включая судебно-медицинские и технические экспертизы. Указанные доказательства были направлены на разрешение вопросов, возникших в рамках производства по уголовному делу, в том числе касающихся действий водителей, причастных к дорожно-транспортному происшествию, и его причин.

183. Европейский Суд отмечает, что органы государственной власти Румынии отклонили некоторые ходатайства заявителя о сборе доказательств, хотя заявитель считал их имеющими значение для дела. Однако органам власти государства-ответчика следует предоставить некоторые пределы усмотрения при принятии решения о том, какие доказательства имеют значение для проводимого расследования.

184. Производство по обстоятельствам дорожно-транспортного происшествия продолжалось

более восьми лет. В ходе производства по делу действительно имели место некоторые задержки. Однако с учетом причин отдельных задержек (которые должны быть проанализированы в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, см. ниже §§ 210–214) нельзя сказать, что они повлияли на эффективность расследования.

185. Европейский Суд напоминает, что статья 2 Конвенции не гарантирует право на то, чтобы добиваться осуждения третьего лица (см. выше § 160). Таким образом, Европейский Суд полагает, что в отсутствие явного недостатка тщательности при рассмотрении органами власти государства-ответчика обстоятельств дорожно-транспортного происшествия с участием заявителя их решение не осуществлять уголовное преследование не являлось достаточным для установления ответственности властей государства-ответчика в соответствии с их процессуальным обязательством, возникающим на основании статьи 2 Конвенции.

186. С учетом общей оценки уголовного расследования Европейский Суд приходит к выводу, что нельзя сказать, что в рамках правовой системы, применяемой в настоящем деле, дело заявителя не было рассмотрено надлежащим образом. Следовательно, Европейский Суд не находит нарушения статьи 2 Конвенции в настоящем деле.

В. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЯ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

1. Право на доступ к суду

187. Заявитель жаловался на невозможность получить решение по существу его гражданского иска, поданного в результате дорожно-транспортного происшествия с его участием.

(а) Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

188. Европейский Суд отмечает, что ни одна из сторон не оспаривала применимость пункта 1 статьи 6 Конвенции в ее гражданско-правовом аспекте, и он не находит оснований принимать иное решение. Иск заявителя о возмещении ущерба, основанный на правонарушении, которое было предположительно совершено одним из водителей, представлял собой требование на основе его гражданских прав. Следовательно, пункт 1 статьи 6 Конвенции применим к спору, связанному с такими правами (см. среди прочих примеров упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ассенов и другие против Болгарии», § 110, Постановление Европейского Суда по делу «Балог против Венгрии» (Balogh v. Hungary) от 20 июля 2004 г., жалоба № 47940/99, § 72, и Постановление Европейского Суда по делу «Каменова против

Болгарии» (Kamenova v. Bulgaria) от 12 июля 2018 г., жалоба № 62784/09, § 41). Европейский Суд добавляет, что вопрос о том, был ли применим пункт 1 статьи 6 Конвенции в его гражданско-правовом аспекте в ходе уголовного производства, в которое заявитель специально вступил в качестве гражданского лица, является отдельным вопросом, который будет рассмотрен ниже (см. ниже § 207).

189. Европейский Суд считает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

(b) Существо жалобы

(i) Доводы сторон

190. Заявитель утверждал, что органы власти Румынии не рассмотрели по существу уголовную ответственность водителей, причастных к дорожно-транспортному происшествию, и что ввиду окончательных результатов производства по уголовному делу его гражданский иск, поданный в рамках уголовного производства, не был рассмотрен. Поскольку органы государственной власти несли ответственность за неспособность рассмотреть его гражданский иск, данный факт представлял собой нарушение его права на доступ к правосудию. Кроме того, согласно прецедентной практике Европейского Суда органы власти Румынии были обязаны обеспечить, чтобы ему были предоставлены основные гарантии, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции, и создать условия для рассмотрения поданного им гражданского иска.

191. Власти Румынии утверждали, что внутригосударственные суды не могут в ходе апелляционного производства рассматривать гражданские требования, предъявленные потерпевшими в отношении постановления прокуратуры о прекращении производства по уголовному делу. Однако это не ограничивает возможность потерпевшего осуществить свое право на доступ к суду путем возбуждения отдельного гражданского производства, которое надлежащим образом защищает его права в соответствии со статьей 6 Конвенции.

(ii) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Общие принципы

192. Европейский Суд напоминает, что право на справедливое разбирательство должно толковаться с учетом принципа верховенства права, который требует, чтобы все стороны спора имели

эффективное средство судебной защиты, позволяющее им отстаивать свои права. Каждый имеет право на обращение в суд или трибунал с любым требованием, относящимся к его гражданским правам и обязательствам. Таким образом, пункт 1 статьи 6 Конвенции закрепляет «право на суд», особым аспектом которого является право на доступ к суду, то есть право на возбуждение производства в судах по гражданским делам (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства» (Golder v. United Kingdom) от 21 февраля 1975 г., § 36, Series A, № 18, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Дулими и компания “Монтана Менеджмент Инк.” против Швейцарии» (Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland) от 21 июня 2016 г., жалоба № 5809/08¹, § 126, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Найт-Лиман против Швейцарии» (Naït-Liman v. Switzerland) от 15 марта 2018 г., жалоба № 51357/07², § 113).

193. По мнению Европейского Суда, существует различие между правом на эффективное расследование в соответствии со статьей 2 Конвенции и правом на доступ к суду на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции. Первое возникает из позитивного обязательства, которое основано на материальном обязательстве предотвращать вмешательство в право на жизнь или на физическую неприкосновенность лица, а второе предусматривает доступ к механизму разрешения спора, возникающего, например, из происшествия, повлекшего за собой вмешательство в право на жизнь или личную неприкосновенность лица, и, таким образом, имеет целью предоставление потерпевшему способа получения возмещения, независимо от каких-либо обязательств государства по предотвращению такого вмешательства.

194. Европейский Суд также напоминает, что, хотя Конвенция не предусматривает как таковое право на возбуждение уголовного дела в отношении третьих лиц или на осуждение третьих лиц за уголовное преступление (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перес против Франции» (Perez v. France), жалоба № 47287/99, § 70, ECHR 2004-I, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гору против Греции (№ 2)» (Gorou v. Greece) (№ 2) от 20 марта 2009 г., жалоба № 12686/03, § 24), законодательство государства-ответчика может предусматривать право потерпевшего от преступления требовать возмещения ущерба, причиненного этим преступлением, в рамках производства в качестве гражданского истца, то есть позволяя потерпевшему вступать в уголовное производство

в качестве гражданского истца. Это один из возможных способов обеспечения гражданского иска о возмещении ущерба (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перес против Франции», § 62).

195. Право на доступ к суду не является абсолютным и может подлежать ограничениям. Данные ограничения допускаются подразумеваемым образом, поскольку право на доступ к суду по своей природе требует регулирования со стороны государства, которое обладает определенными пределами усмотрения в этом отношении (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства», § 38). Тем не менее указанные ограничения не должны ограничивать или уменьшать доступ лица к суду таким образом или в такой степени, которые умаляют саму суть права. Кроме того, ограничения совместимы с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, только если они преследуют правомерную цель или если существуют разумные соотношения соразмерности между использованными средствами и целью, которую необходимо достичь (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ашингден против Соединенного Королевства» (Ashingdane v. United Kingdom) от 28 мая 1985 г., § 57, Series A, № 93, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Дулими и компания “Монтана Менеджмент Инк.” против Швейцарии», § 129, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Приход греко-католической церкви г. Лупени и другие против Румынии» (Greek-Catholic Parish of Lupeni and Others v Romania) от 29 ноября 2016 г., жалоба № 76943/11³, § 89, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Найт-Лиман против Швейцарии», §§ 114–115, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зубац против Хорватии» (Zubac v. Croatia) от 5 апреля 2018 г., жалоба № 40160/12⁴, § 78).

(β) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

196. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявитель подал иск в качестве гражданского истца в контексте производства по уголовному делу, возбужденному органами государственной власти Румынии в отношении J.C.P. и D.I. после дорожно-транспортного происшествия. Однако органы власти прекратили производство по уголовному делу как в отношении J.C.P., так и в отношении D.I. на том основании, соответственно, что не все элементы состава преступления были установлены и что начал применяться срок давности привле-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 7 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2017. № 9 (примеч. редактора).

⁴ См.: там же. 2018. № 4 (примеч. редактора).

чения к уголовной ответственности. В результате гражданский иск, поданный в рамках уголовного производства, не был рассмотрен уголовными судами.

197. Ни одна из сторон не утверждала и не представила доказательств, позволяющих предположить, что после завершения производств в отношении J.C.P. и D.I. уголовные суды были обязаны рассмотреть гражданский иск заявителя, несмотря на решение прекратить производство по уголовному делу. Кроме того, с учетом имеющихся доказательств Европейский Суд полагает, что решение органов государственной власти Румынии о прекращении уголовного дела в отношении J.C.P. и D.I. не было произвольным или явно неразумным по вышеуказанным причинам (см. выше § 196).

198. В данном контексте следует отметить, что в делах, по которым требования гражданского истца, предъявленные в рамках уголовного производства, не были рассмотрены в силу прекращения такого производства, Европейский Суд учитывал доступность иных средств, с помощью которых заявители могли защитить свои гражданские права. Если заявители имели в своем распоряжении доступные и эффективные способы предъявления гражданских исков, Европейский Суд приходил к выводу, что не было допущено нарушения права на доступ к суду (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ассенов и другие против Болгарии», § 112, Постановление Европейского Суда по делу «Эрнст и другие против Бельгии» (Ernst and Others v. Belgium) от 15 июля 2003 г., жалоба № 33400/96, §§ 54–55, Постановление Европейского Суда по делу «Молдован и другие против Румынии (№ 2)» (Moldovan and Others v. Romania) (№ 2), жалобы №№ 41138/98 и 64320/01, §§ 119–122, ECHR 2005-VII (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Форум Маритим С.А.” против Румынии» (Forum Maritime S.A. v. Romania) от 4 октября 2007 г., жалобы №№ 63610/00 и 38692/05, § 91, Постановление Европейского Суда по делу «Боробар и другие против Румынии» (Borobar and Others v. Romania) от 29 января 2013 г., жалоба № 5663/04, § 56, и Постановление Европейского Суда по делу «Ассоциация потерпевших от компаний “С.К. Ромпетрол С.А.” и “С.К. Геомин С.А.” и другие против Румынии» (Association of the Victims of S.C. Rompetrol S.A. and S.C. Geomin S.A. and Others v. Romania) от 25 июня 2013 г., жалоба № 24133/03, § 65).

199. В настоящем деле на момент вступления заявителя в уголовное производство в качестве гражданского истца он мог вместо этого возбудить отдельное гражданское производство в отношении J.C.P. и D.I. Хотя имеющиеся доказательства и замечания властей Румынии указывают на то, что такое производство могло быть приостанов-

лено до принятия решения по уголовному делу, Европейский Суд отмечает, что стороны не представили доказательств, позволяющих предположить, что гражданские требования заявителя не были бы рассмотрены по существу после завершения уголовного производства.

200. Кроме того, прекращение уголовного дела в отношении J.C.P. и D.I. не лишило заявителя возможности обратиться в гражданский суд с отдельным гражданским иском против них, как только ему стало известно об окончательных постановлениях уголовных судов, в соответствии с которыми постановление прокуратуры о прекращении производства по уголовному делу было оставлено в силе. Кроме того, как отметили власти Румынии (см. выше §§ 95–96), у заявителя была возможность представить доводы в пользу того, что течение срока давности для предъявления отдельного гражданского иска прерывается на период проведения уголовного производства, в рамках которого были предъявлены гражданские требования. Таким образом, данный иск не был обречен на неудачу.

201. С учетом вышеизложенного нельзя признать, что заявителю было отказано в доступе к суду в целях определения его гражданских прав.

202. Следовательно, в этом отношении не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

2. Разумный срок

203. Заявитель жаловался на то, что расследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия было необоснованно длительным.

(a) Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

204. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

(b) Существо жалобы

(i) Доводы сторон

205. Заявитель утверждал, что органы государственной власти Румынии не исполнили свое обязательство провести расследование, в которое он являлся гражданским истцом, в разумный срок.

206. Власти Румынии утверждали, что с учетом момента вступления заявителя в производство по уголовному делу в качестве гражданского истца и момента вынесения районным судом г. Плоешти окончательного постановления общая продолжи-

тельность производства составила семь лет и шесть месяцев. Власти Румынии также отметили сложность дела и то, что внутригосударственные власти приложили значительные усилия для выяснения обстоятельств дела.

(ii) Мнение Большой Палаты
Европейского Суда

207. Европейский Суд напоминает, что производство с участием гражданской стороны относится к сфере действия пункта 1 статьи 6 Конвенции в его гражданско-правовом аспекте за исключением случаев, когда они возбуждены исключительно в карательных целях (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Перес против Франции», §§ 70–71, «Гору против Греции (№ 2)», § 24, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ассоциация потерпевших от компаний “С.К. Ромпетрол С.А.” и “С.К. Геомин С.А.” и другие против Румынии», § 74). Пункт 1 статьи 6 Конвенции применяется к разбирательствам, в рамках которых предъявлено гражданское требование, с момента вступления потерпевшего в производство в качестве гражданского истца (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Перес против Франции», § 66, и «Гору против Греции (№ 2)», § 25), даже на стадии предварительного расследования как таковой (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перес против Франции», § 66, и Постановление Европейского Суда по делу «Кодарча против Румынии» (*Codarcea v. Romania*) от 2 июня 2009 г., жалоба № 31675/04, § 78). В настоящем деле целью гражданского иска заявителя было возмещение ущерба, причиненного ему в результате преступления, предположительно совершенного J.C.P. и D.I. Таким образом, пункт 1 статьи 6 Конвенции в его гражданско-правовом аспекте применим к уголовному производству, в котором участвовал заявитель.

208. Европейский Суд констатирует, что стороны не оспаривают тот факт, что заявитель вступил в уголовное расследование, проводимое властями Румынии, в качестве гражданского истца 22 июня 2005 года. Европейский Суд также отмечает, что указанное производство завершилось 7 марта 2013 г. вынесением постановления Апелляционным судом г. Плоешти. Следовательно, продолжительность производства, являющегося предметом спора, составила семь лет, восемь месяцев и 12 дней. Это производство состояло из трех этапов, каждый из которых проводился в двух инстанциях.

209. Европейский Суд напоминает, что разумность продолжительности производства по делу должна оцениваться с учетом обстоятельств конкретного дела и следующих критериев: сложно-

сти дела, поведения заявителя и соответствующих органов власти, а также значимости исхода спора для заявителя (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фридлиндер против Франции» (*Frydlender v. France*), жалоба № 30979/96, § 43, *ECHR* 2000-VII).

210. Европейский Суд замечает, что уголовное расследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия с участием заявителя характеризовалось значительной фактической сложностью, и в ходе него рассматривались несколько версий, которые следователи должны были изучить. Европейский Суд также подчеркивается, что процессуальная сложность дела повысилась ввиду многочисленных заключений судебно-медицинских и технических экспертиз, необходимых для выяснения обстоятельств происшествия.

211. Европейский Суд также отмечает, что, несмотря на то, что заявителю оказывал содействие юридический консультант на начальных стадиях уголовного расследования, он не мог встречаться со следователями ввиду состояния его здоровья, а также что он неоднократно ходатайствовал об отводе следователей и судей, рассматривавших его дело, ходатайствовал о передаче дела, запрашивал предоставления нескольких экспертных и технических заключений, оспаривая выводы последних, и что он подал апелляционную жалобу по вопросам факта и права на вступившее в законную силу решение, которое не подлежало обжалованию. Как заявитель не может нести ответственность за состояние своего здоровья и за использование в полной мере определенных средств правовой защиты, предоставленных ему в соответствии с законодательством Румынии, так и власти Румынии не могут отвечать за увеличение в результате этого продолжительности производства по делу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрмели против Германии» (*Sürmeli v. Germany*), жалоба № 75529/01, § 131, *ECHR* 2006-VII).

212. Европейский Суд также полагает, что органы государственной власти Румынии не бездействовали в ходе производства по делу и постоянно принимали определенные меры, собирали доказательства и прилагали значительные усилия, чтобы выяснить обстоятельства дела.

213. Хотя органы государственной власти можно считать ответственными за некоторые процессуальные нарушения, которые стали причиной задержек в производстве по делу (см. выше §§ 29, 37 и 50–52), с учетом сложности дела и того факта, что органы власти действовали активно в ходе производства, по мнению Европейского Суда, при конкретных обстоятельствах настоящего дела нельзя считать, что они не выполнили свое обязательство по своевременному рассмотрению дела.

Этот вывод еще более справедлив с учетом того, что требование о компенсации касалось ущерба, который был причинен заявителю в результате дорожно-транспортного происшествия. Таким образом, данное производство не относилось к какой-либо категории производств, которые по своей сути требовали особой тщательности, например, опека над детьми, гражданский статус, дееспособность или трудовые споры (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрмели против Германии», § 133).

214. Следовательно, принимая во внимание производство по делу в целом, в настоящем деле не было нарушено требование «разумного срока», предусмотренное пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

С. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 2 КОНВЕНЦИИ

(а) Доводы сторон

215. Власти Румынии утверждали, что с учетом прецедентной практики Европейского Суда, касающейся Румынии, и внутригосударственной судебной системы, доступной заявителю на момент оспариваемых событий, заявитель имел возможность использовать эффективные средства правовой защиты по смыслу статьи 13 Конвенции для разрешения его жалоб.

216. Заявитель утверждал, что ввиду способа, которым власти Румынии проводили расследование, неоднократных процессуальных ошибок, а также длительности производства по делу у него отсутствовал доступ к эффективному средству правовой защиты по смыслу статьи 13 Конвенции.

(b) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

217. Европейский Суд отмечает, что статья 13 Конвенции гарантирует наличие на внутригосударственном уровне средства правовой защиты, которое позволяет обжаловать нарушения конвенционных прав и свобод. Таким образом, хотя Договаривающимся Государствам предоставлено некоторое усмотрение в отношении способа исполнения обязательств в соответствии с указанным положением Конвенции, на внутригосударственном уровне должно быть предусмотрено средство правовой защиты, позволяющее компетентным органам рассматривать соответствующую жалобу в рамках Конвенции по существу и предоставлять надлежащее возмещение (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Сёринг против Соединенного Королевства» (Soering v. United Kingdom) от 7 июля 1989 г., § 120, Series A, № 161, и Постановление Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Де Томмазо против Италии» (De Tommaso v. Italy) от 23 февраля 2017 г., жалоба № 43395/09¹, § 179).

218. Объем обязательств в соответствии со статьей 13 Конвенции варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в рамках Конвенции, но средство правовой защиты в любом случае должно быть «эффективным» как на практике, так и в законодательстве, в частности, в том смысле, что действия или бездействие органов власти не должны необоснованно препятствовать его использованию. В некоторых обстоятельствах совокупность средств правовой защиты, предоставленных внутригосударственным законодательством, может отвечать требованиям статьи 13 Конвенции (см. среди прочих примеров упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Де Томмазо против Италии», § 179). Однако статья 13 Конвенции требует, чтобы средство правовой защиты предоставлялось законодательством государства-ответчика только в отношении жалоб, которые могут считаться «обоснованными» в контексте Конвенции (см. *ibid.*, § 180).

219. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что он объявил жалобу заявителя в соответствии со статьей 2 Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу. Хотя по вышеизложенным соображениям он не установил нарушения указанного положения, он, тем не менее, считает, что жалоба заявителя затрагивает серьезные вопросы факта и права, требующие рассмотрения по существу. Следовательно, Европейский Суд полагает, что заявитель представил обоснованную жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции по смыслу статьи 13 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делам «Сюрмели против Германии», § 102, и «Хлайфия и другие против Италии», § 269).

220. Таким образом, возникает вопрос о том, было ли в распоряжении заявителя эффективное средство правовой защиты в соответствии с законодательством Румынии, с помощью которого он мог подать жалобу на нарушение его прав, предусмотренных статьей 2 Конвенции. Вместе с тем Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителя в соответствии со статьей 13 Конвенции не затрагивает иных вопросов, кроме вопроса о неэффективности уголовного расследования, который Европейский Суд уже рассмотрел в соответствии со статьей 2 Конвенции. В свете указанного анализа Европейский Суд не считает необходимым рассматривать жалобу также в соответствии со статьей 13 Конвенции.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 1 (примеч. редактора).

III. ЖАЛОБА НА ОБРАЩЕНИЕ С ЗАЯВИТЕЛЕМ СО СТОРОНЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ПРОВОДИВШИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

221. Заявитель утверждал, что обращение, которому он был подвергнут в связи со способом проведения расследования органами государственной власти, представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Как указано выше (см. §§ 88–89), Европейский Суд рассмотрит настоящую жалобу в рамках материально-правового аспекта статьи 3 Конвенции. Положения данной статьи Конвенции приведены выше (см. § 91).

А. ДОВОДЫ СТОРОН

222. Проводя различие между настоящим делом и иными делами, в которых поднимались аналогичные вопросы, власти Румынии утверждали, что статья 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте неприменима к жалобе заявителя в этой части. По их мнению, в отличие от других дел, в которых также имели место исключительные обстоятельства, в настоящем деле органы государственной власти Румынии провели расследование и включили все относящиеся к делу доказательства в материалы дела. Кроме того, заявитель не доказал, что чувства, вызванные у него предположительно длительным и неэффективным расследованием, достигали уровня жестокости, который требовался для применения статьи 3 Конвенции.

223. Заявитель утверждал, что способ проведения органами государственной власти расследования по его делу и рассмотрения его жалоб на указанных следователей, неоднократные нарушения в отношении него со стороны органов государственной власти в виде отклонения его жалоб и ходатайств о приобщении доказательств, результаты и продолжительность расследования, тот факт, что его подозревали в употреблении алкогольных напитков при управлении транспортным средством и на первых этапах расследования считали единственным лицом, ответственным за дорожно-транспортное происшествие, а также то обстоятельство, что его жалобы рассматривались лишь как акты мести следователям, причинили ему психологические страдания и вызвали у него чувства тревоги и унижения. В его неоднократных жалобах, направленных в соответствующие органы, подчеркивалось, что он чувствовал, как противостоит организованной системе, включая сотрудников полиции и прокуроров, враждебной по отношению к нему, по причине его прошлой оппозиции бывшему коммунистическому режиму Румынии, и контролируемой высшими органами власти. Его подозрения относительно намерения органов государственной власти совершить противоправные действия против него были подтверж-

дены Кассационным судом Румынии, который удовлетворил его ходатайство о передаче его дела из районного суда г. Плоешти в другой районный суд в ином регионе страны.

224. Следователи по его делу допустили ряд злоупотреблений, в том числе искажение доказательств и психологическое насилие, в целях оказания на него давления с тем, чтобы он отозвал свои жалобы и воздержался от использования доступных ему средств правовой защиты. Эти действия вызывали у него сильное чувство страха.

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

225. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что власти Румынии выдвинули предварительные возражения, утверждая, что данная жалоба не совместима *ratione materiae* с положениями Конвенции (см. выше § 222).

226. Европейский Суд также отмечает, что в некоторых предыдущих делах он учитывал способ, которым органы государственной власти проводили расследование, чтобы проанализировать, составляли ли их действия бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

227. Представляется, что данная прецедентная практика развивалась главным образом в отношении родственников пропавших лиц (см. среди многих прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции», §§ 130–134, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакьджи против Турции», § 98, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Таш против Турции», §§ 77–80). Европейский Суд напоминает, что исчезновение налагает особое бремя на родственников пропавших лиц, которые находятся в неведении относительно судьбы своих близких и испытывают чувство тревоги из-за неопределенности (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Варнава и другие против Турции» (Varnava and Others v. Turkey), жалоба № 16064/90 и восемь других жалоб, § 200, ECHR 2009).

228. Европейский Суд также отмечает, что в подобных случаях он принимает во внимание ряд факторов при оценке того, составляет ли способ проведения расследования сам по себе обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, в отношении родственников потерпевших. К значимым элементам относятся близость семейных связей, степень, в которой члены семьи являлись свидетелями рассматриваемых событий, попытки членов семьи получить информацию о пропавшем лице и способ реагирования органов власти на соответствующие запросы. При этом Европейский Суд подчеркивал, что сущность нарушения необязательно состо-

ит в факте исчезновения члена семьи, а, скорее, касается реакции органов власти и их отношения к ситуации, когда она доводится до их сведения (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чахыджи против Турции», § 98). Устанавливая, что в действиях органов власти присутствовал уровень суровости, который поднимал вопрос в соответствии со статьей 3 Конвенции, Европейский Суд придавал значение, например, равнодушию и жестокости органов власти при рассмотрении жалоб заявителей, а также сильных страданий и чувству неопределенности, которые в результате этого испытывали и продолжали испытывать заявители (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Таш против Турции», § 79).

229. Европейский Суд также отмечает, что он применял принципы, изложенные в вышеупомянутых делах, в некоторых исключительных ситуациях вне контекста исчезновения (в отношении содержания под стражей и депортации несовершеннолетнего претендента на получение статуса беженца без сопровождения взрослых см. Постановление Европейского Суда по делу «Мубиланзила Майека и Каники Митунга против Бельгии» (*Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium*), жалоба № 13178/03, *ECHR* 2006-XI; в контексте обвинений в сексуальном насилии над ребенком в семье см. Постановление Европейского Суда по делу «М.Р. и другие против Болгарии» (*M.P. and Others v. Bulgaria*) от 15 ноября 2011 г., жалоба № 22457/08; в отношении условий, в которых хранились тела погибших родственников в ходе установления их личности, см. Постановление Европейского Суда по делу «Сабанчиева и другие против Российской Федерации» (*Sabanchiyeva and Others v. Russia*), жалоба № 38450/05¹, *ECHR* 2013 (извлечения); в контексте отсутствия надлежащей медицинской помощи при содержании под стражей, что привело к смерти, а также в отношении неполноценного расследования на внутригосударственном уровне см. Постановление Европейского Суда по делу «Салахов и Ислямова против Украины» (*Salakhov and Islyamova v. Ukraine*) от 14 марта 2013 г., жалоба № 28005/08²; и в контексте нравственных страданий, причиненных родственнику в результате удаления органов из тела умершего без уведомления и согласия родственника, см. Постановление Европейского Суда по делу «Элберте против Латвии» (*Elberte v. Latvia*), жалоба № 61243/08³, *ECHR* 2015).

230. Европейский Суд считает, что дело заявителя не относится к каким-либо обстоятельствам,

рассмотренным в вышеупомянутой прецедентной практике.

231. С учетом фактов дела и имеющихся в его распоряжении доказательств Европейский Суд не усматривает в ситуации заявителя каких-либо признаков нарушения статьи 3 Конвенции. Следовательно, в этой части жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) единогласно объединила рассмотрение по существу возражений властей Румынии относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, выдвинутых в контексте жалоб на проведение уголовного расследования, и отклонила их;

2) объявила большинством голосов жалобу в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте неприемлемой для рассмотрения по существу;

3) объявила большинством голосов жалобу в соответствии со статьей 8 Конвенции неприемлемой для рассмотрения по существу;

4) объявила большинством голосов жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу;

5) постановила 13 голосами «за» при четырех – «против», что отсутствовало нарушение статьи 2 Конвенции;

6) объявила единогласно жалобу в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу;

7) постановила 16 голосами «за» при одном – «против», что не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении жалобы на право на доступ к суду;

8) постановила 10 голосами «за» при семи – «против», что не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении жалобы на продолжительность уголовного расследования;

9) постановила единогласно, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции;

10) объявила единогласно жалобу в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте неприемлемой для рассмотрения по существу.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 25 июня 2019 г.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Гвидо РАЙМОНДИ
Заместитель Секретаря	Председатель Большой
Большой Палаты Суда	Палаты Суда

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2014. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2015. № 3 (примеч. редактора).

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

(а) совместное частично особое мнение судей Гвидо Раймонди, Линос-Александра Сицилианоса, Ишиль Каракаш, Небойши Вучинича и Армена Арутюняна;

(b) частично особое мнение судьи Винсента А. де Газтано, к которому присоединился судья Небойши Вучинич;

(с) частично особое мнение судьи Эгидиуса Куриса;

(d) частично особое мнение судьи Йонко Грозева.

**СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ
МНЕНИЕ СУДЕЙ ГВИДО РАЙМОНДИ,
ЛИНОС-АЛЕКСАНДРА СИЦИЛИАНОСА,
ИШИЛЬ КАРАКАШ, НЕБОЙШИ
ВУЧИНИЧА И АРМЕНА АРУТЮНЯНА**

(Перевод)

1. К нашему глубокому сожалению мы не можем согласиться с мнением большинства судей, согласно которому в настоящем деле отсутствует нарушение требования «разумного срока», установленное пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

2. Прежде всего важно отметить, что в соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Европейского Суда пункт 1 статьи 6 Конвенции налагает на Договаривающиеся Государства обязательство организовать свои правовые системы таким образом, чтобы их суды отвечали каждому требованию указанного положения, включая обязательство рассматривать дела в разумный срок (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрмели против Германии» (*Sürmeli v. Germany*), жалоба № 75529/01, § 129, *ECHR* 2006-VII).

3. Как отмечалось в настоящем Постановлении, разумность продолжительности производства по делу должна оцениваться с учетом обстоятельств конкретного дела и следующих критериев: сложности дела, поведения заявителя и соответствующих органов власти, а также значимости исхода спора для заявителя (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фридлиндер против Франции» (*Frydlender v. France*), жалоба № 30979/96, § 43, *ECHR* 2000-VII).

4. В отношении первого из указанных выше критериев мы не считаем, что настоящее дело было особенно сложным. Безусловно, производство по делу могло быть затруднено многочисленными заключениями судебно-медицинских и технических экспертиз, которые были признаны необходимыми для выяснения обстоятельств

дорожно-транспортного происшествия. Не желая ставить под сомнение необходимость и значимость этих заключений, мы не можем не заметить, что данное производство касалось дорожно-транспортного происшествия с участием трех транспортных средств, что является довольно распространенным явлением.

5. Что касается действий заявителя, действительно, в силу состояния его здоровья он был недоступен для следователей на первых этапах уголовного расследования. Кроме того, он ходатайствовал об отводе следователей и судей, рассматривавших его дело, о передаче дела, требовал подготовки экспертных и технических заключений и подавал апелляционные жалобы по вопросам факта и права. Однако ему нельзя поставить в вину состояние его здоровья, которое было непосредственно связано с дорожно-транспортным происшествием, или критиковать его за использование в полной мере средств правовой защиты, предоставленных ему в соответствии с законодательством Румынии.

6. Кроме того, мы хотели бы отметить, что, хотя Европейский Суд находится не в том положении, чтобы анализировать юридическое качество прецедентной практики судов государства-ответчика, поскольку решения о передаче дел на повторное рассмотрение обычно выносятся вследствие ошибок, допущенных судами низших инстанций, неоднократное вынесение подобных распоряжений в рамках одного этапа судебных разбирательств свидетельствует о наличии серьезного недостатка в судебной системе. Такой недостаток приписывается органам власти, а не заявителю (см. Постановление Европейского Суда по делу «Матица против Румынии» (*Matica v. Romania*) от 2 ноября 2006 г., жалоба № 19567/02, § 24, Постановление Европейского Суда по делу «Боробар и другие против Румынии» (*Borobar and Others v. Romania*) от 29 января 2013 г., жалоба № 5663/04, § 82, и Постановление Европейского Суда по делу «Стоилковска против Македонии» (*Stoilkovska v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 18 июля 2013 г., жалоба № 29784/07, § 57).

7. В настоящем деле производство, касающееся обстоятельств дорожно-транспортного происшествия с участием заявителя, возобновлялось несколько раз как органами прокуратуры, так и судами Румынии ввиду фактических и процессуальных ошибок и недостаточности полученных доказательств. После вынесения судами Румынии первого постановления о возобновлении производства по делу следственным органам потребовались четыре года, чтобы собрать необходимые доказательства и убедиться в том, что дело было подготовлено к повторному рассмотрению в суде. Данные процессуальные задержки стали решающим фактором в ограничении законом уголовной ответственности D.I. вследствие истечения срока давности.

8. Представляется, что большинство судей минимизируют значение факторов, относящихся к действиям органов государственной власти, когда они утверждают, что «требование о компенсации касалось ущерба, который был причинен заявителю в результате дорожно-транспортного происшествия. Таким образом, данное производство не относилось к какой-либо категории производств, которые по своей сути требовали особой тщательности, например, опека над детьми, гражданский статус, дееспособность или трудовые споры» (см. § 213 настоящего Постановления). Однако следует подчеркнуть, что рассматриваемый «ущерб» не сводится к материальному ущербу, причиненному, например, транспортному средству. Необходимо помнить о том, что заявитель получил серьезные травмы, что он провел в больнице более 200 дней и что даже в настоящий момент он испытывает последствия дорожно-транспортного происшествия.

9. Это вынуждает нас подчеркнуть важность четвертого критерия, упомянутого выше, а именно указать на значимость исхода спора для заявителя. Действительно, хотя о данном критерии говорилось в настоящем Постановлении в связи с применимыми общими принципами (см. § 209), впоследствии он оказался упущен в разделе о применении этих принципов в настоящем деле. С учетом достаточности серьезных последствий, которые дорожно-транспортное происшествие имело для заявителя, мы считаем очевидным, что исход спора, возникшего в результате такого происшествия, имел для него огромное значение.

10. С учетом изложенного мы считаем необоснованным, что органам власти Румынии потребовались семь лет и восемь месяцев для принятия окончательного судебного решения по данному делу. Таким образом, по нашему мнению, продолжительность оспариваемого производства нарушала требование «разумного срока», вследствие чего имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ НЕБОЙШИ ВУЧИНИЧ

1. К сожалению, я не могу присоединиться к мнению большинства судей в отношении пункта 5 резолютивной части настоящего Постановления. По моему мнению, в настоящем деле имело место также нарушение статьи 2 Конвенции и пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении жалоб на продолжительность уголовного расследования.

2. В настоящем деле не оспаривалось, что, узнав о дорожно-транспортном происшествии с участием заявителя, органы государственной власти возбудили производство по уголовному делу и приняли ряд мер во исполнение их позитивного обязательства в соответствии со статьей 2 Конвенции для

проведения «эффективного официального расследования» (см. § 144 настоящего Постановления). Заявитель также возбудил в установленном порядке отдельное производство в гражданских судах в отношении страховой компании, в которой был застрахован автомобиль, в целях получения компенсации ущерба за утрату автомобиля и за нравственные страдания, вызванные предположительно необоснованным отказом страховой компании возместить ущерб. В течение нескольких месяцев и лет после дорожно-транспортного происшествия были проведены ряд следственных действий, включая расследование событий на месте, допросы, а также различные научные и технические экспертизы. Действительно, хотя тот факт, что органы власти не смогли установить уголовную ответственность причастных к происшествию водителей, необязательно ведет к неэффективности расследования, для настоящего дела важно то, что дорожно-транспортное происшествие и полученные заявителем травмы имели место 3 декабря 2004 г., а окончательное судебное постановление было вынесено уголовным судом только 21 декабря 2012 г., *iter lamentabilis*¹ продолжительностью более восьми лет.

3. Несмотря на значительное количество проведенных следственных мероприятий, расследование неоднократно подвергалось критике со стороны самих органов власти ввиду его неэффективности. Таким образом, достаточно очевидно, что уголовное производство неоднократно возобновлялось по их вине.

4. Кроме того, хотя уголовные суды Румынии считали заключение технического эксперта важным для дела *de quo*, первое такое заключение было подготовлено только в 2008 году. Когда следственные органы объявили первое заключение технического эксперта ненадлежащим, второе заключение было подготовлено только в 2010 году Межрайонной лабораторией криминологических заключений г. Бухареста (см. § 42 настоящего Постановления).

5. Заявитель принимал активное участие в производстве по делу. Тот факт, что он ходатайствовал о предоставлении дополнительных доказательств и неоднократно обращался к вышестоящим прокурорам и даже в суды Румынии с жалобами на постановления прокуратуры, не представляется неразумным или чрезмерным, поскольку было совершенно очевидно, что расследование проводилось в лучшем случае непоследовательно. Кроме того, заявитель не может нести ответственность за то, что продолжительность производства по делу определялась частично недостатком экспертов в вышеупомянутой лаборатории. По моему мнению, действия заявителя не способствовали в значительной степени увеличению продолжительности

¹ *Iter lamentabilis* (лат.) – плачевный путь (примеч. переводчика).

сти производства: он лишь пытался вернуть расследование на правильный путь каждый раз, когда полагал, что оно отклонялось в сторону.

6. С учетом способа расследования дела и продолжительности уголовного расследования мое взвешенное мнение состоит в том, что органы государственной власти не проявили необходимой тщательности при рассмотрении дела, как того требует статья 2 Конвенции.

7. По указанным выше соображениям я делаю вывод о том, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку производство по делу не отвечало требованию «разумного срока». Дело заявителя, развитие дорожно-транспортного происшествия, *per se* не было сложным. Оно постепенно усложнялось ввиду различных недостатков со стороны органов власти, пока фактически не вышло из-под контроля.

8. Наконец, до настоящего момента я полагал, возможно, ошибочно, что достаточно хорошо владею английским языком. В этой связи я был поражен, прочитав в § 145 настоящего Постановления, что телесные повреждения могут быть квалифицированы или описаны как «в значительной степени опасные для жизни». Если травма опасна для жизни, это свидетельствует о ее значительной степени. В сфере уголовного или гражданского деликтного права я еще не сталкивался с травмами, «опасными для жизни в незначительной степени».

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭГИДИУСА КУРИСА

1. Я не могу следовать мнению большинства судей, согласно которому жалоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте является неприемлемой для рассмотрения по существу. Ввиду того, что большинство судей решили рассматривать жалобу заявителя не в соответствии со статьей 3 Конвенции, а в соответствии со статьей 2 Конвенции, следовало установить нарушение указанной статьи или в качестве альтернативы нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении как минимум одной жалобы.

2. Я не согласен с мнением большинства судей по ряду пунктов в настоящем деле и рассмотрю некоторые из них. Однако прежде, чем перейти к конкретным вопросам, связанным с возможностью применения статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте к ситуациям, сравнимым с той, что рассматривалась в настоящем деле, а также к вопросам, касающимся выводов по пункту 1 статьи 6 Конвенции, я должен, как мне кажется, более подробно объяснить свою точку зрения.

I

3. Я признаю, что мое голосование против пункта 2 резолютивной части настоящего Поста-

новления, в котором жалоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу, может выглядеть несколько непоследовательным с учетом того, что я при этом голосовал так же, как и большинство судей, по пунктам 4 и 6 резолютивной части настоящего Постановления, которыми жалобы заявителя по статье 2 Конвенции и пунктом 1 статьи 6 Конвенции были объявлены приемлемыми для рассмотрения по существу. Это впечатление имеет два основания, оба из которых, по моему мнению, являются действительными.

Во-первых, либо одно, либо другое: либо жалоба должна рассматриваться в соответствии со статьей 2 Конвенции, либо в соответствии со статьей 3 Конвенции, но не на основании обеих статей (кроме случаев, когда имеются определенные особенности, которые требуют такого исключения, но представляется, что в настоящем деле они отсутствуют).

Во-вторых, верно только одно из следующих утверждений: жалоба попадает под действие процессуально-правового аспекта статьи 2 Конвенции или статьи 3 Конвенции, и ее рассмотрение по существу потенциально приводит к установлению нарушения или отсутствия нарушения соответствующей статьи либо жалоба относится к сфере действия пункта 1 статьи 6 Конвенции.

В отношении первой (очевидной) непоследовательности, возможно, было бы более последовательно голосовать за приемлемость жалобы заявителя для рассмотрения по существу только в соответствии со статьей 3 Конвенции, а не со статьей 2 Конвенции в дополнение к этому, либо, напротив, за приемлемость жалобы для рассмотрения по существу в соответствии со статьей 3 Конвенции, но не статьей 2 Конвенции, поскольку либо имела место обоснованная жалоба на то, что оспариваемое жестокое обращение достигло уровня жестокости, при котором нарушалось право на жизнь, закрепленное в статье 2 Конвенции, либо обоснованность жалобы касалась «только» некоторого «меньшего» уровня жестокого обращения (как бы это цинично ни звучало), запрещенного статьей 3 Конвенции.

Что касается второй (очевидной) непоследовательности, аналогичным образом было бы более последовательно, если бы, проголосовав за приемлемость жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции или в качестве альтернативы в соответствии со статьей 2 Конвенции, я бы проголосовал против приемлемости жалобы в отношении пункта 1 статьи 6 Конвенции. Это объясняется тем, принимая во внимание, что пункт 1 статьи 6 Конвенции преимущественно касается процессуальных прав, что жалобы в соответствии с указанной статьей оценивались в устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда как относящиеся

к категории жалоб (касающихся тех же фактов), которые были поданы в рамках процессуально-правового аспекта статей 2 или 3 Конвенции либо по сути иных статей Конвенции, так как иные статьи, включая статьи 2 и 3 Конвенции, закрепляя определенные материальные права, одновременно охватывали процессуальный аспект. Соответствующая прецедентная практика, которая иллюстрирует доминирующий характер данного подхода, обширна. Ниже представлены некоторые примеры этой практики. Что касается статей 2 и 6 Конвенции, можно обратить внимание на следующие постановления: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз против Турции» (Öneryıldız v. Turkey) от 30 ноября 2004 г., жалоба № 48939/99, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Варнава и другие против Турции» (Varnava and Others v. Turkey) от 18 сентября 2009 г., жалоба № 16064/90 и восемь других жалоб, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджио против Италии» (Giuliani and Gaggio v. Italy) от 24 марта 2011 г., жалоба № 23458/02, Постановление Европейского Суда по делу «Енукидзе и Гиргвлиани против Грузии» (Enukidze and Girgvliani v. Georgia) от 26 апреля 2011 г., жалоба № 25091/07, Постановление Европейского Суда по делу «Младенович против Сербии» (Mladenović v. Serbia) от 22 мая 2012 г., жалоба № 1099/08, Постановление Европейского Суда по делу «Елена Апостол и другие против Румынии» (Elena Apostol and Others v. Romania) от 23 февраля 2016 г., жалоба № 24093/14 и 16 других жалоб, и Постановление Европейского Суда по делу «Екатерина Миреа и другие против Румынии» (Ecaterina Mirea and Others v. Romania) от 12 апреля 2016 г., жалоба № 43626/13 и 69 других жалоб. Что касается статей 3 и 6 Конвенции, см. Постановление Европейского Суда по делу «Мурадова против Азербайджана» (Muradova v. Azerbaijan) от 2 апреля 2009 г., жалоба № 22684/05, Постановление Европейского Суда по делу «Казанцев против Российской Федерации» (Kazantsev v. Russia) от 3 апреля 2012 г., жалоба № 14880/05, Постановление Европейского Суда по делу «Алексахин против Украины» (Aleksakhin v. Ukraine) от 19 июля 2012 г., жалоба № 31939/06, Постановление Европейского Суда по делу «Александр Никоненко против Украины» (Aleksandr Nikonenko v. Ukraine) от 14 ноября 2013 г., жалоба № 54755/08, и Постановление Европейского Суда по делу «Романеску против Румынии» (Romanescu v. Romania) от 16 мая 2017 г., жалоба № 78375/11).

Однако приведенная выше запоздалая мысль – это мысль *ex post*. Век живи – век учись.

4. Сначала я считал предпочтительным рассматривать ситуацию заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции (как он просил, но не только по этой причине) и применять к его ситуации указанную статью.

Для того, чтобы с самого начала было понятно, что, утверждая о применимости статьи 3 Конвенции, я имею в виду ее процессуально-правовой, а не материально-правовой аспект. Что касается последнего аспекта, у меня не было сомнений при голосовании совместно с большинством судей в пользу объявления жалобы явно необоснованной. Я также хотел бы к тому же отметить, что не могу вникнуть в (бес)порядок изложения пунктов резолютивной части. Вывод, касающийся жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте, содержится в пункте 2 резолютивной части, вывод, касающийся материально-правового аспекта указанной статьи – в пункте 10, а пункты 3–9, именно в таком порядке, касаются статей 8, 2 Конвенции, пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции. Конечно, это всего лишь техническая формальность, которая никоим образом не влияет на правовые последствия результатов дела. Тем не менее указанная произвольная последовательность сама по себе венчает и символизирует равным образом паразитическое замешательство в анализе и мотивировке большинства судей, которые привели к выводам по настоящему делу, в частности, о неприменимости статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте.

Что касается жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте, именно эта жалоба лежала в основе первоначальных доводов заявителя, представленных Европейскому Суду, а также в основе его последующих замечаний.

5. Если бы Большая Палата Европейского Суда всесторонне рассмотрела по существу жалобу в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте, это могло бы привести к установлению нарушения или отсутствия нарушения указанной статьи Конвенции. Сейчас слишком поздно размышлять о том, какой из двух результатов, оба из которых теоретически были возможны, был бы предпочтительнее. В связи с тем, что данный анализ не был проведен, я не нахожусь в том положении, чтобы делать заключение о том, поддержал ли бы я тот или иной вывод (но на основе фактов дела, как они были представлены, *a priori* и инстинктивно склоняюсь к признанию нарушения). В зависимости от данного (*alas*¹, уже только гипотетического) вывода по существу жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции могли быть рассмотрены или оставлены без рассмотрения. Их можно было или даже следовало рассмотреть, если бы *не было установлено нарушение*² в соответствии со статьей 3

¹ *Alas* (лат.) – к сожалению (примеч. переводчика).

² Здесь и далее текст выделен курсивом автором особого мнения (примеч. редактора).

Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте (что, по крайней мере, в теории также могло быть возможным результатом, если бы это было надлежащим образом обосновано), поскольку в принципе процессуальное нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции могло иметь место, если бы статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте не была бы нарушена, что сделало бы жалобу в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции достойной отдельного рассмотрения. Однако установление нарушения статьи 3 Конвенции позволило бы Европейскому Суду обойтись без рассмотрения жалоб в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, поскольку, что во многом соответствует прецедентной практике Европейского Суда (см. пункт 3 настоящего особого мнения), предполагаемое (в сущности) процессуальное нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции было бы охвачено нарушением статьи 3 Конвенции. В последнем случае, если бы были установлены не одно, а два нарушения статьи 3 Конвенции, которые более или менее соответствуют двум жалобам заявителя по пункту 1 статьи 6 Конвенции, то есть жалобам, касающимся права на доступ к суду и продолжительности производства по делу, то каждая из них могла бы оцениваться как охваченная жалобой в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте.

6. Однако большинство судей не установили нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте. Технически они даже не приступили к рассмотрению жалобы в рамках процессуально-правового аспекта статьи 3 Конвенции, а исключили такое рассмотрение, решив, что она несовместима *ratione materiae* с положениями Конвенции по смыслу подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

7. Этот вывод слишком радикальный, слишком категоричный, слишком жесткий и слишком безрассудный. Позвольте мне не приукрашивать мои слова: указанный вывод и, соответственно, настоящее Постановление представляют собой масштабное и решительное отклонение от защиты прав человека.

8. В настоящем деле жалоба в рамках процессуально-правового аспекта статьи 3 Конвенции была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу именно в силу той категории, к которой она была отнесена: она касается *телесных повреждений или иных страданий, причиненных предполагаемому потерпевшему частными лицами в результате халатности*. Полное описание этой категории, которое в некоторой степени варьируется в тексте настоящего Постановления и которое я сократил в целях удобства, приведено в § 123 настоящего Постановления гласит: «телесные повреждения, а также физические и нравственные страдания, причиненные лицу вследствие происшествия, которое явилось результатом случайности

или халатности». Ссылка на «частных лиц», которая опущена в § 123 настоящего Постановления, взята из § 121 настоящего Постановления (см. также пункт 30 настоящего особого мнения о включении аспекта, касающегося частной и семейной жизни физического лица).

Само по себе отнесение жалобы к данной категории не является неправильным. Тем не менее вывод о том, что *подобная жалоба* вне зависимости от обстоятельств несовместима *ratione materiae* с положениями Конвенции, идет намного дальше, чем вывод о том, что *данная жалоба, поданная конкретным заявителем при особых обстоятельствах настоящего дела*, является неприемлемой для рассмотрения по существу, например, в силу того, что она была подана с нарушением сроков, является явно необоснованной, недоказанной, или поскольку заявитель не может утверждать о наличии у него статуса жертвы либо по иным подобным основаниям. Объявление *данной* жалобы заявителем, которая касается телесных повреждений, предположительно причиненных ему частным лицом (возможно, даже несколькими) вследствие халатности, неприемлемой для рассмотрения по существу по причине несовместимости *такого рода* жалоб *ratione materiae* с положениями Конвенции, фактически означает, что статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте не была и в принципе не могла быть нарушена в ситуации заявителя, поскольку жалобы такого рода и статья 3 Конвенции, условно говоря, расходятся. Эти реалии никогда не соприкасаются. Если статья 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте не может быть нарушена в принципе, то отсутствует необходимость тратить время и другие ресурсы на поиск потенциального нарушения, которое невозможно установить. Как гласит старая поговорка, не стоит искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Однако, как мы увидим далее (см. пункты 41–73 настоящего особого мнения), большинство судей посвятили целых десять параграфов Постановления (см. §§ 115–124 настоящего Постановления) не только попыткам обосновать, что черной кошки нет в темной комнате, но и попыткам скрыть те факты, что кошка не настолько черная, что в комнате не настолько темно и что кошка какое-то время довольно долго находилась в этой комнате и даже охотилась на мышей, пока большинство судей раз и навсегда не выгнали горемыку из помещения и не заперли дверь.

Тем не менее, как только Европейский Суд объявил, что кошка несовместима с комнатой, с тех пор она несовместима, даже если когда-то она была совершенно совместима.

*Roma locuta est, causa finita*¹.

¹ *Roma locuta est, causa finita* (лат.) – Рим высказался, дело решено, то есть папская курия вынесла свое окончательное решение (примеч. переводчика).

9. Соответственно, все будущие жалобы, предметом которых являются телесные повреждения, причиненные предполагаемым потерпевшим частными лицами вследствие халатности, следует считать перегибом. Данная оценка будет оценкой *a priori*, то есть основанной исключительно на том, что рассматриваемые жалобы относятся к конкретному виду. Если такие жалобы не подлежат рассмотрению в соответствии с иной статьей, в частности, статьей 2, пунктом 1 статьи 6 или статьей 8 Конвенции (для которых может быть ряд веских оснований), их придется отклонить без промедления, даже если доказательства, и внутреннее чувство свершившейся несправедливости (которое, конечно, не заменяет доказательства, а дополняет их), будут свидетельствовать о том, что органы власти государства-ответчика не рассмотрели надлежащим образом факт нанесения телесных повреждений в ущерб заявителям.

Будет ли такой отказ способствовать защите прав человека в соответствии с Конвенцией? Буддист ли Папа?

10. Вывод большинства судей о том, что жалобы данного вида, телесные повреждения, причиненные предполагаемым потерпевшим частными лицами вследствие халатности, несовместимы *ratione materiae* с положениями Конвенции, призван рассматриваться как основанный на прецедентной практике Европейского Суда по сопоставимым делам. Действительно, нельзя сказать, что данный вывод совсем не опирается на какую-либо прецедентную практику: напротив, цитирований достаточно, и они были проанализированы. Однако в анализе большинства судей не заметно, что, придавая колоссальное значение одной части прецедентной практики Европейского Суда, они фактически игнорируют или даже отвергают другую. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен далее (см. пункты 41–73 настоящего особого мнения). Пока просто отметим, что для того, чтобы сделать свой фундаментальный, наиболее радикальный и далеко идущий вывод (см. пункт 44 настоящего особого мнения), большинство судей утверждают, что они провели различие между одной, предположительно большей, частью прецедентной практики Европейского Суда, которую они назвали «правильной» (см. § 121 настоящего Постановления), и другой, предположительно меньшей, частью, которая, следовательно (в силу принципа *unius est exclusio alterius*¹), должна считаться «неправильной» (см. § 120 настоящего Постановления). *A propos*², одним из синонимов слова «неправильный» является «сомнительный», еще одним – «необоснованный».

¹ *Unius est exclusio alterius* (лат.) – одно исключает другое (примеч. переводчика).

² *A propos* (лат.) – кстати, к слову сказать (примеч. переводчика).

11. Намерение или стремление провести различие между предположительно разными или даже противоречивыми выводами, сделанными в прецедентной практике Европейского Суда, само по себе не вызывает возражений. Разъяснение Большой Палатой Европейского Суда того, что говорит Конвенция в толковании прецедентной практики Европейского Суда по данному вопросу, всегда приветствуется.

Однако, что *вызывает* принципиальное возражение, так это то, что данное различие, столь восторженно принятое и подчеркнутое большинством судей, отвергает как «неправильные» определенные направления прецедентной практики, которые стали результатом более ранней прецедентной практики, но намеренно обходит молчанием эту практику независимо от ее достоинств или недостатков. Рассматриваемое различие также обходит молчанием прецедентную практику, которая слишком «неудобна» для цитирования, если данный фундаментальный вывод должен восприниматься как обоснованный. Более того, различие между двумя частями прецедентной практики Европейского Суда проводится на основе сравнения двух элементов, которые фактически не могут служить элементами сравнения по отношению друг к другу: большинство судей сравнили постановления Европейского Суда, принятые по делам о *преднамеренных действиях органов государственной власти* (против частных лиц) с постановлениями, принятыми по делам о *непреднамеренных действиях частных лиц*. *Преднамеренные действия органов государственной власти*, с одной стороны, и *непреднамеренные действия частных лиц*, с другой стороны, рассматриваются как единственные категории, на которые можно разделить все многообразие соответствующей прецедентной практики и которые являются ключевыми. Но где же в этом сравнении *непреднамеренные действия органов государственной власти*? Они таинственно исчезли (по этому вопросу см. пункты 48–57 настоящего особого мнения, где демонстрируется изобретательный метод «редактирования» одного из них, чтобы он ушел из поля зрения). Каждый из двух выбранных таким образом элементов сравнения (один из них «скорректирован» путем сведения категории *действий органов государственной власти* к ее подкатегории *преднамеренных действий органов государственной власти*) имеет два определяющих компонента (*преднамеренные действия + органы государственной власти* и *непреднамеренные действия + частные лица* соответственно), но ни один из компонентов одного элемента сравнения не совпадает с компонентами другого. Не трудно понять, что фунты нельзя сравнивать с галлонами, а квадратные метры – с линейными. Хотя, как мы видим, иногда они сравниваются, но этого не должно быть.

Каждый раз, когда Большая Палата Европейского Суда пытается (в рассматриваемом деле выражение «поддается искушению» было бы уместнее) отойти от части действующей прецедентной практики, которую она считает «неправильной», она должна подумать дважды, трижды, четырежды. Она должна сама выбрать методологию, которая позволит делать подобные выводы не только в том смысле, что такая методология послужит обоснованием окончательного мнения Большой Палаты Европейского Суда по данному вопросу, но и в том смысле, что эта методология будет последовательной. Может применяться ряд других требований, но упомянутое требование является *conditio sine qua non*¹ для того, чтобы не дисквалифицировать собственные выводы Большой Палаты Европейского Суда – не в отношении их юридически обязательного характера (поскольку постановления Большой Палаты Европейского Суда могут быть отменены только самой Большой Палатой), но в отношении их опровержимости и надежности. Как оказалось, методология проведения в настоящем деле различия между «правильной» и «неправильной» прецедентной практикой не является самым выдающимся действием Европейского Суда. Проще говоря, это само по себе «неправильно». Это вызывает сожаление. Я вернусь к этому вопросу позднее. Сейчас я должен рассмотреть варианты отставания конвенционных прав заявителя, которые все по-прежнему доступны даже после признания статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте неприменимой к рассматриваемой ситуации.

12. После того, как жалоба заявителя в рамках процессуально-правового аспекта статьи 3 Конвенции была отклонена как несовместимая *ratione materiae* с положениями Конвенции, другой значимый анализ, который еще оставалось провести, состоял в рассмотрении двух его жалоб в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Однако ни по одному из пунктов нарушения не были установлены ни в отношении права заявителя на доступ к суду, ни в связи с продолжительностью производства по делу. Указанные вопросы рассматриваются в пунктах 83–91 настоящего особого мнения, где я привожу доводы в пользу того, что как минимум по одному из пунктов, а именно в связи с продолжительностью производства по делу, должно быть установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, но я склонен считать, что нарушение указанной статьи также может быть установлено по другому пункту.

13. Какие у нас остаются варианты? Жалобы в соответствии со статьями 2 и 13 Конвенции, последняя во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции.

Жалоба, касающаяся статьи 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте, которая не являлась действительной жалобой заявителя (см. пункты 27 и 35 настоящего особого мнения), была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу (выражение «процессуально-правовой аспект» отсутствует в пункте 4 резолютивной части). По этому вопросу я согласен с мнением большинства судей. Доктрина Европейского Суда, касающаяся применимости статьи 2 Конвенции, как она изложена в настоящем Постановлении, хотя и является комплексной и многоуровневой, не представляется противоречивой по существу. Несмотря на то, что у меня есть некоторые сомнения относительно ее отдельных формулировок, ввиду временных и пространственных ограничений я уделю данным вопросам только один пункт настоящего особого мнения, тем более что моя главная озабоченность связана не с тем, как большинство судей рассуждали о применимости статьи 2 Конвенции, но с тем, как они пытались обосновать свое мнение относительно неприменимости статьи 3 Конвенции.

Что касается применимости статьи 2 Конвенции, после объявления статьи 3 Конвенции неприменимой в настоящем деле (хотя я не согласен с доводами, на которых основан такой вывод) у меня остается только одна оговорка: применимость статьи 2 Конвенции к определенным ситуациям сама по себе не отменяет возможность того, что, если уровень тяжести насилия над предполагаемым потерпевшим со стороны частного лица вследствие халатности, не достигает уровня, предусмотренного статьей 2 Конвенции, и не приводит в действие соответствующие позитивные обязательства государства согласно статье 2 Конвенции (см. для сравнения §§ 137 и 139 настоящего Постановления), рассматриваемая ситуация в зависимости от обстоятельств дела по-прежнему может быть рассмотрена в соответствии со статьей 3 Конвенции. Или, скорее, могла бы быть рассмотрена, если бы в рамках настоящего дела не была бы выработана доктрина безоговорочной неприменимости данной статьи (в ее процессуально-правовом аспекте).

14. В чем я не готов согласиться с мнением большинства судей относительно данной жалобы, так это в том, что не было допущено нарушения статьи 2 Конвенции. Я уже упоминал, что предпочел бы рассматривать ситуацию заявителя в соответствии со статьей 3 (в ее процессуально-правовом аспекте), а не в соответствии со статьей 2 Конвенции (см. пункты 4 и 78 настоящего особого мнения). Однако ввиду того, что настоящее Постановление уточняет угрозу жизни заявителя в качестве критерия, вызывающего применимость статьи 2 Конвенции, против чего я в принципе не возражаю (и я голосовал за применимость статьи 2 Конвенции), я не нахожу оснований полагать, что отсутствовало нарушение статьи 2 Конвенции.

¹ *Conditio sine qua non* (лат.) – обязательное условие (примеч. переводчика).

Отсутствие нарушения статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте (более того, ее прямая неприменимость). Отсутствие нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Отсутствие нарушения статьи 2 Конвенции... Не слишком ли это?

Иными словами, независимо от того, на какую статью ссылается заявитель (по своей инициативе или с подсказки Европейского Суда), для Европейского Суда всё в порядке. Практически всё. За исключением того, что ясно как день, что *отнюдь не всё* было в порядке в рамках рассматриваемого производства по делу, касающегося ситуации, в которой имела место реальная угроза для жизни заявителя и которая продолжалась с длительными необоснованными перерывами до тех пор, пока не оказалась прекращена из-за давности.

15. В любом случае я принимаю вывод о том, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать жалобу заявителя в соответствии со статьей 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции, поскольку данная жалоба «не затрагивает иных вопросов, кроме вопроса о неэффективности уголовного расследования, который Европейский Суд уже рассмотрел в соответствии со статьей 2 Конвенции» (см. § 220 и пункт 9 резолютивной части настоящего Постановления).

Выражение «отсутствует необходимость рассматривать» – это профессиональный термин, который использовался в сотнях, может быть, даже в тысячах постановлений Европейского Суда. Эта фраза вызывает раздражение. Действительно, она звучит довольно неуважительно по отношению к заявителям, особенно когда отклонение жалобы посредством данного выражения не сопровождается надлежащим объяснением (что, *alas*, часто имеет место). Тем не менее данная фраза необязательно передает буквальный смысл этих слов.

По правде говоря, в настоящем деле, *возможно, была* необходимость рассматривать жалобу заявителя в соответствии со статьей 13 Конвенции, но без каких-либо перспектив достижения ощутимого результата, учитывая вывод большинства судей в отношении процессуально-правового аспекта статьи 2 Конвенции.

16. Я мог бы подытожить приведенное выше объяснение, заявив, что, если бы жалоба заявителя в рамках процессуально-правового аспекта статьи 3 Конвенции была признана приемлемой для рассмотрения по существу и если бы было установлено нарушение этого положения, я бы согласился с объявлением жалобы в рамках процессуального аспекта статьи 2 Конвенции неприемлемой для рассмотрения по существу («либо одно, либо другое»).

Я бы также согласился с тем, что в дополнение к жалобе заявителя в соответствии со статьей 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции

(а не со статьей 2 Конвенции в данном случае) отсутствует необходимость отдельно рассматривать обе жалобы на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции. Если бы данное нарушение не было установлено, рассмотрение жалоб по пункту 1 статьи 6 Конвенции следовало бы провести, что, скорее всего, привело бы к установлению нарушения данного положения в отношении как минимум одной из указанных жалоб, но, возможно, и в отношении обеих жалоб.

Однако в связи с тем, что статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте была признана неприменимой к ситуации заявителя, я выбрал следующую доступную возможность, а затем следующую, которая была бы более благоприятной для первостепенных задач правосудия. Мне хочется верить, что такие базовые первостепенные задачи связывают Европейский Суд не меньше, чем статьи Конвенции, особенно их чрезмерно формальное толкование и применение.

17. Прежде чем я рассмотрю некоторые из указанных выше вопросов более подробно, я хотел бы поделиться отдельными общими соображениями.

II

18. Европейский Суд является «профессионалом в части характеристики, которая должна быть дана фактическим обстоятельствам дела в соответствии с законом», и он «не связан характеристикой, данной заявителем [или] властями государства-ответчика». Данный принцип, который (в иной формулировке) восходит к Постановлению Европейского Суда по делу «Пауэлл и Рейнер против Соединенного Королевства» (Powell and Rayner v. United Kingdom) (от 21 февраля 1990 г., жалоба № 9310/81, § 29) и который был недавно обобщен в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (Radomilja and Others v. Croatia) (от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12¹, § 126), повторялся в прецедентной практике Европейского Суда (включая § 83 настоящего Постановления) настолько часто (иногда в совокупности с однородной максимой *jura novit curia*), что, возможно, стороны никогда не возражают против изменения Европейским Судом классификации жалоб заявителей и рассмотрения их с точки зрения, которая иногда сильно отличается от того, как они были восприняты самими заявителями. Для Европейского Суда изменение классификации жалоб стало обычной практикой. Так есть, так было и будет, нравится вам это или нет.

Но это не значит, что так должно быть всегда.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

19. В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда сочла целесообразным или, возможно, даже необходимым изменить классификацию жалоб заявителя в двух направлениях.

20. Во-первых, она классифицировала жалобы заявителя в целом как «затрагивающие два аспекта», то есть как сфокусированные на двух основных предметах: (i) на «предполагаемой продолжительности и неэффективности уголовного расследования и предполагаемой невозможности получить решение по существу гражданского иска заявителя, поданного в результате дорожно-транспортного происшествия с его участием», или «проведение уголовного расследования»; (ii) на «обращении, которому подвергся заявитель ввиду того, каким способом органы государственной власти проводили расследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия», или на «обращении с заявителем со стороны органов государственной власти, принимавших участие в расследовании» (см. §§ 80 и 81 настоящего Постановления). Соответственно, жалобы в трактовке Большой Палаты Европейского Суда были сгруппированы в две категории.

21. Такая группировка сложна и несколько искусственна. Может быть, даже в значительной степени искусственна. Некоторые могут сказать, что она сложна, поскольку искусственна. Рассмотрение единственной жалобы, относящейся ко второй категории, занимает всего 11 параграфов (см. §§ 221–231 настоящего Постановления): последние охватывают не только оценку Европейским Судом рассматриваемой ситуации, но и вступительные замечания, доводы сторон и вывод Европейского Суда о том, что данная жалоба является явно необоснованной. Это небольшой фрагмент в сравнении со 130 параграфами (см. §§ 91–220 настоящего Постановления), в которых рассматриваются жалобы первой категории. Большинство судей признают, что «в отношении обеих категорий жалоб в своем первоначальном формуляре заявления заявитель прямо и широко ссылался на статьи 3, 6 и 13 Конвенции» (см. § 81 Постановления, выделено мною. – Э.К.). Несмотря на признание взаимосвязанности жалоб, делается вывод о том, что «жалоба на обращение с заявителем со стороны органов государственной власти, принимавших участие в расследовании, [то есть второй категории жалоб], требует отдельного рассмотрения, которое должно быть проведено в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте» (см. § 89 настоящего Постановления). Когда подошла очередь «отдельного рассмотрения», жалоба в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте была должным образом отклонена как явно необоснованная.

22. Однако данная жалоба могла быть отклонена на гораздо более ранней стадии, при рассмотре-

нии применимости статьи 3 Конвенции. Для большинства судей практически ничего не изменилось бы по существу: одна жалоба в соответствии со статьей 3 Конвенции (в рамках процессуального аспекта) была бы отклонена как несовместимая *ratione materiae* с положениями Конвенции, а другая (в рамках материально-правового аспекта) – как явно необоснованная. Возможно, в этом случае вывод, содержащийся сейчас в пункте 10 резолютивной части настоящего Постановления, естественным образом следовал бы после пункта 2. К этому больше нечего добавить.

23. В этой связи вопрос о категоризации жалоб заявителя, по-видимому, даже не заслуживает упоминания. С другой стороны, это демонстрирует, хотя и косвенно, что в настоящем деле большинство судей прибегли к усложнению. Если первоначальные и даже последующие доводы заявителя можно было бы считать в некоторой степени запутанными с точки зрения структуры его жалоб, то большинство судей, в свою очередь, стремясь распутать узлы, завязали несколько новых.

Это подводит нас ко второму аспекту изменения классификации жалоб заявителя.

24. Как уже упоминалось (см. пункт 21 настоящего особого мнения), признается, что «в отношении обеих категорий жалоб в своем первоначальном формуляре заявления заявитель прямо и широко ссылался на статьи 3, 6 и 13 Конвенции». Также справедливо указано, что «[заявитель] в своей первоначальной жалобе не ссылался на статью 2 Конвенции» и что «его последующие письменные замечания, представленные Палате Европейского Суда, по-прежнему содержали некоторые утверждения, на основании которых можно было полагать, что он не подавал жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции» (см. § 85 настоящего Постановления).

Но это еще не всё. Также предусматривается, что «иные замечания заявителя могли быть истолкованы как признание того, что он также не подавал жалобу и в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте», но, «представляя свои замечания Палате Европейского Суда во второй раз, он сделал несколько дополнительных заявлений и комментариев, которые указывают на иное» (см. *ibid.*).

Читателям остается только гадать, подал ли заявитель жалобу по статье 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте или нет, или, скорее, истолковал ли сам Европейский Суд жалобу заявителя как поданную в соответствии с процессуальным аспектом статьи 3 Конвенции или нет. При ознакомлении с доводами заявителя мне показалось, что он действительно подал жалобу в соответствии со статьей 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте. Более того, именно в этом и состояла суть его жалобы. При этом совершенно ясно, что заявитель *прямо* не подавал жалобу в со-

ответствии со статьей 2 Конвенции. Он сам нигде не ссылаясь на статью 2 Конвенции. Он начал делать это только после подсказки со стороны Европейского Суда. Нет никаких сомнений в том, что он ссылаясь на статьи 6 и 13 Конвенции.

25. Указав на отсутствие ясности в отношении жалоб заявителя в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, большинство судей ссылаются на статью 2 Конвенции *propriu moto*¹. Так тому и быть.

26. Гораздо в большей степени наводит на размышления (особенно с учетом того, как это отражено в резолютивной части настоящего Постановления, см. пункты 36–40 настоящего особого мнения) тот факт, что большинство судей также ссылались на статью 8 Конвенции.

27. Как появились эти ссылки? Из более общих соображений, не связанных с тем, как заявитель сам структурировал свои жалобы. В § 86 настоящего Постановления (выделено мною, текст в квадратных скобках добавлен. – Э.К.) указано следующее:

«...учитывая особый контекст настоящего дела, Европейский Суд считает, что такие процессуальные права и обязательства государства [то есть процессуальные права заявителя и процессуальные обязательства, возложенные на органы государственной власти в контексте халатности, которая привела к тяжким физическим или опасным для жизни последствиям] при определенных обстоятельствах могут быть закреплены не только в статье 3, в пункте 1 статьи 6 и в статье 13 Конвенции, на которые ссылаясь заявитель, но и в статьях 2 и 8 Конвенции. Хотя заявитель прямо не ссылаясь на последние два положения, Европейский Суд, учитывая фактическую основу его жалоб... считает целесообразным рассмотреть настоящее дело также с точки зрения статей 2 и 8 Конвенции».

28. Вышеупомянутый параграф свидетельствует о том, что Европейский Суд не только попытался изложить жалобы заявителя в контексте различных положений Конвенции, которые «при определенных обстоятельствах могут» иметь отношение (следовательно, при некоторых иных обстоятельствах могут не иметь отношения) к ситуациям, сопоставимым в каком-либо аспекте с ситуацией заявителя, но и сделал первый шаг к формальному изменению классификации жалоб заявителя как попадающих под действие статей 2 и 8 Конвенции, на которые сам заявитель не ссылаясь.

29. Однако первый шаг к возможному формальному изменению классификации еще не является изменением классификации. Изменение классификации жалоб означает, что Европейский Суд не просто предполагает, но и устанавливает, что рассматриваемые жалобы попадают не под действие статьи(-ей), на которую(-ые) ссылается заявитель, а под действие иной статьи (или нескольких

иных статей). Изменяя классификацию жалобы, сам Европейский Суд ссылается на такую иную статью (или несколько иных статей) в качестве применимой(-ых) вместо заявителя. Таким образом, ссылка на соответствующую статью (статьи) Европейским Судом не является простой гипотезой: это авторитетное признание применимости конкретной статьи (конкретных статей) вместо той (тех), на которую(-ые) ссылаясь заявитель. В отсутствие такого авторитетного признания Европейский Суд дает лишь приблизительную оценку: возможно, данная(-ые) иная(-ые) статья (статьи) применима(-ы), а может быть, и нет. Никакому суду не подобает рассматривать догадку, то есть предположение, как окончательное утверждение, иными словами, заключение или вывод. Следовательно, при изменении классификации жалобы Европейский Суд всегда использовал следующую формулировку (или некоторые ее вариации): «Европейский Суд считает, что жалоба заявителя подлежит рассмотрению в соответствии со статьей X» (выделено мною. – Э.К.). Таким образом, в прецедентной практике Европейского Суда каждое изменение классификации всегда было явным и окончательным в том смысле, что после изменения классификации жалобы применимость соответствующей статьи считалась установленной. Это всегда было частью принципа единообразия прецедентной практики Европейского Суда.

В настоящем деле аналогичным образом на стадии «определения пределов рассмотрения дела и характеристики жалоб» – таково наименование раздела настоящего Постановления, который включает в себя § 86, где содержится предположение о возможной применимости определенных статей Конвенции к жалобам «первой категории», и который предшествует разделам, посвященным рассмотрению приемлемости жалоб, – еще предстоит определить, подлежат ли жалобы заявителя рассмотрению в соответствии со статьей 3, пунктом 1 статьи 6 и статьей 13 Конвенции, на которые ссылаясь заявитель, или в соответствии со статьей 2 или 8 Конвенции, на которые ссылаясь сам Европейский Суд, или, возможно, в соответствии с несколькими статьями. Следовательно, если будет установлено, что данные жалобы подлежат рассмотрению в соответствии со статьей 2 или 8 Конвенции, их классификация может или даже должна быть изменена, чтобы они могли быть рассмотрены в соответствии с такими статьями. Однако если будет установлено, что они не относятся к сфере действия статьи 2 или 8 Конвенции, их классификация не может быть изменена таким образом, чтобы они попадали под действие указанных статей. Определение этого должно основываться на тщательном анализе применимости данных статей к ситуации заявителя, то есть их сопоставлении с «определенными обстоятельствами» дела или с «фактической основой жалоб

¹ *Propriu moto* (лат.) – по собственной инициативе (примеч. переводчика).

[заявителя]». Таким образом, возможное изменение классификации жалоб заявителя зависело от результатов упомянутого анализа: на данном этапе еще предстояло установить, были ли применены статьи 2 и 8 Конвенции, на которые заявитель не ссылался, а также статья 3, пункт 1 статьи 6 и статья 13 Конвенции, на которые он ссылался. Соответственно, Европейский Суд избрал путь, при котором в первую очередь и во всех методологических и практических целях должна присутствовать комплексная основа Конвенции, которая включает в себя как статьи, на которые ссылается заявитель, так и статьи, на которые он не ссылается, но применимость которых была предопределена или приблизительно оценена, и лишь затем должно было быть установлено, к сфере действия какой из статей в толковании Европейского Суда относятся жалобы заявителя. Если они подлежат рассмотрению в соответствии со статьей 2 или 8 Конвенции, на которые заявитель не ссылался, это служит основанием для формального изменения классификации жалоб в соответствии с одной из статей или обеими статьями. Если нет, то нет. Было бы странно, даже абсурдно для Европейского Суда сначала формально классифицировать жалобы как попадающие под действие статьи, на которую заявитель не ссылался, а потом делать вывод о том, что жалобы не подлежат рассмотрению в соответствии с данной статьей. Это противоречило бы самой сути изменения классификации жалоб и *принципу единообразия прецедентной практики* Европейского Суда. Это была бы *странная прецедентная практика*.

Тем не менее, как мы увидим (см. ниже пункты 36–40 настоящего особого мнения), временами странности становятся частью юридической реальности.

30. Но вернемся к решению большинства судей «рассмотреть настоящее дело *также* с точки зрения статей 2 и 8 Конвенции» в дополнение к статье 3, пункту 1 статьи 6 и статье 13 Конвенции (см. § 86 настоящего Постановления, выделено мною. – Э.К.). Подобное расширение перечня статей, применимость которых к ситуации заявителя гипотетически предполагается на данном этапе, означает, что Большая Палата Европейского Суда взяла на вооружение некую *великую теорию толкования* – комплексную доктринальную интерпретацию. Данная «великая доктрина» предназначена не только для рассмотрения жалоб заявителя в настоящем деле: она призвана сыграть решающую роль в рассмотрении *всех мыслимых ситуаций*, в которых халатность привела к гибели человека, к опасным для жизни или к иным тяжким последствиям, а также к телесным повреждениям, физическим и нравственным страданиям или даже к вмешательству в частную или семейную жизнь (последнее с учетом того, что «великая доктрина» затрагивает также вопросы, связанные

с применением статьи 8 Конвенции), которые возникают у частных лиц вследствие происшествия, явившегося результатом случайности или халатности (см. для сравнения пункт 8 настоящего особого мнения).

Амбиции по разработке великой доктрины могут заслуживать похвалы. С другой стороны, это рискованное предприятие. Как мы увидим позднее, «великая доктрина», разработанная в настоящем деле, имеет пробелы, которые представляются весьма значительными. Более того, некоторые пробелы были преднамеренно встроены в доктрину. Тем не менее «великая доктрина», разработанная в настоящем деле, симулирует отсутствие пробелов. В то же время эта доктрина пытается замаскировать свои пробелы, ссылаясь на существующую прецедентную практику Европейского Суда настолько обильно, чтобы количеством ссылок скрыть неуместность некоторых из них в том смысле, что они (неправильно) помещены в неверный контекст. Кроме того, одна часть прецедентной практики, которая имела бы отношение к делу, была полностью опущена в дополнение к тому факту (и как следствие того факта), что еще одной части прецедентной практики уделяется больше внимания, чем она того заслуживает. Всё это приводит к выборочному представлению, искажению и недостаточному представлению данных.

31. В принципе я сомневаюсь, что такая не имеющая пробелов, в высшей степени согласованная «великая доктрина», объединяющая в единое целое различные аспекты как минимум четырех статей (2, 3, 6 и 8 Конвенции) и предназначенная для рассмотрения самых разнообразных ситуаций, часть из которых лишь отдаленно связана (и даже представляется не связанной) с ситуацией заявителя, возможна, не говоря уже о том, что она может быть разработана в настоящем деле.

Дело не в том, что великие доктрины вообще невозможны (или нежелательны). Напротив, они возможны и желательны (вместе с тем это не означает, что даже самые стройные доктрины должны безоговорочно приниматься). Однако, по моему мнению, имеется более чем достаточно серьезных оснований не слишком доверять доктринам, которые намеренно представляются «великими», но устанавливаются *судами* в каждом конкретном деле, поскольку все они неизбежно создаются путем компромисса в отношении заявлений, которые следует включить или исключить в отношении различных формулировок и, наконец, путем голосования (что иногда предполагает довольно узкие пределы усмотрения). Подобная осторожность может проявляться в меньшей степени (но она не является излишней или неоправданной), когда проводится абстрактный пересмотр норм (например, конституционный пересмотр законодательства или аналогичным образом абстрактное толкование конституционных положений), но очень

желательно, чтобы «великая доктрина» разрабатывалась в контексте изучения конкретной ситуации конкретного человека, потому что в этом случае конструируемая «великая доктрина» имеет тенденцию, осознанно или нет, к адаптации в соответствии с параметрами конкретной ситуации. Претензия на разработку такой в высшей степени последовательной доктрины – это самообман. Поскольку всегда можно ожидать, что жизнь представит Европейскому Суду непредвиденные ситуации, которые «великая доктрина» не учитывала.

Таким образом, создаваемые судом общие доктрины должны быть разумными и справедливыми. Нельзя делать вид, что они не имеют пробелов. Это означает, *a fortiori*¹, что они не должны маскировать фактически имеющиеся пробелы (поскольку каждая доктрина имеет пробелы). В свою очередь это означает, что не следует представлять в недостаточной степени, искажать или оказывать иное влияние на материал, лежащий в основе доктрины. Доктрина должна содержать предостережения и оговорки, которые должны быть существенными.

Но с такими предостережениями и оговорками она вряд ли будет выглядеть настолько стройной или «великой».

32. Наконец, что не менее важно, суды прежде всего призваны не разрабатывать великие (или не столь великие) доктрины, когда к ним обращаются частные лица с просьбами рассмотреть их конкретные дела и вынести по ним решения (что гораздо менее очевидно для судов, осуществляющих абстрактный пересмотр норм, таких как конституционные суды). Какие бы судебные доктрины ни разрабатывались в ходе такого анализа, которые естественным образом сопровождают этот анализ, они «только» рационализируют и мотивируют решения судов, в то время как *raison d'être*² судов по-прежнему состоит в разрешении вопросов, представленных на рассмотрение в конкретных жалобах. Подчеркивая это, я ни в коем случае не пытаюсь умалить значение и ценность судебных доктрин. Их значение не подлежит сомнению. Я имею в виду только то, что первые должны быть первыми, и данный принцип также должен относиться к судам. Заявители обращаются в суды для вынесения решений по их делам, а не для того, чтобы получить великую доктринальную интерпретацию. Интерпретации могут и неизбежно будут иметь место, но решения по конкретным делам, направленным в суд, должны быть *адаптированы* к запросу в том смысле, что они должны быть *соразмерны* с ним.

Могут ли суды, любые суды, забыть это тривиальное напоминание?

Каким бы невероятным это не казалось, да, некоторые могут.

33. Что касается великой доктрины, разработанной в настоящем деле, время покажет. Время всегда приносит что-то непредвиденное.

III

34. Это уже произошло без промедления и очень своеобразным образом.

Хотя, как убедительно утверждается, заявитель «прямо не ссылался на... положения» статей 2 и 8 Конвенции (см. пункт 27 настоящего особого мнения), резолютивная часть настоящего Постановления содержит моменты, когда Европейский Суд принимал решение о приемлемости *жалоб* заявителя для рассмотрения по существу именно в соответствии с указанными двумя статьями: пункты 3 и 4 резолютивной части. Они требуют более пристального рассмотрения. Второй из них по-настоящему проблематичен. Как мы увидим, «проблематичен» это мягко сказано.

35. Жалоба заявителя в соответствии со статьей 2 Конвенции была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу в пункте 4 резолютивной части настоящего Постановления. Это произошло в результате дополнения Европейским Судом первоначальных жалоб заявителя, классификация которых была изменена Европейским Судом. Жалоба была коммуницирована заявителю (и властям Румынии) *также* в соответствии со статьей 2 Конвенции. На основании подсказки Европейского Суда, из которой следовало, что Европейский Суд рассматривал возможность анализа ключевой жалобы заявителя в соответствии со статьей 2 Конвенции, заявитель привел доводы (насколько убедительны последние – это другой вопрос) в поддержку (гипотетического) подхода *Европейского Суда* в пользу того, что статья 2 Конвенции не только применима к его ситуации, но и что она была потенциально нарушена. Для заявителя представление таких доводов, по-видимому, не должно было создавать каких-либо больших затруднений, поскольку он с самого начала утверждал, что после дорожно-транспортного происшествия он получил серьезные телесные повреждения, «представлявшие опасность для его жизни», и что органы государственной власти не провели надлежащего расследования рассматриваемого дорожно-транспортного происшествия, что «равносильно оскорблению, а также бесчеловечному и унижающему достоинство обращению», которое было особенно оскорбительным «с учетом также того, что в результате дорожно-транспортного происшествия ему была присвоена *тяжелая степень инвалидности* (см. § 71 настоящего Постановления, выделено мною. – Э.К.). Таким образом, первоначальные «явные и широкие» жалобы заявителя в соответствии со статьями 3, 6

¹ *A fortiori* (лат.) – с тем большим основанием, заведомо (*примеч. переводчика*).

² *Raison d'être* (фр.) – смысл существования (*примеч. переводчика*)

и 13 Конвенции превратились в жалобы в соответствии со статьями 2, 3, 6 (пункт 1) и 13 Конвенции.

Таким образом, более поздние доводы заявителя в отношении статьи 2 Конвенции, подсказанные Европейским Судом, могут рассматриваться как полноценная жалоба в соответствии с указанной статьей, хотя и запоздалая. Европейский Суд, сначала гипотетически подняв в своей переписке с заявителем и властями Румынии вопрос о применимости статьи 2 Конвенции, завершил и окончательно изменил классификацию «жалобы в указанной части» как подлежащую рассмотрению не в соответствии со статьей 3 Конвенции, а в соответствии со статьей 2 Конвенции (в их процессуально-правовых аспектах), отклонив возражение властей Румынии относительно применимости статьи 2 Конвенции и постановив, что он рассматривает «жалобы в указанной части исключительно в соответствии со статьей 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте» (см. §§ 153 и 154 настоящего Постановления).

В этой связи включение пункта 4 в резолютивную часть настоящего Постановления оправдано.

36. С пунктом 3 резолютивной части настоящего Постановления дело обстоит иначе. Должен признать, что мне крайне неудобно говорить это. Данный пункт представляет собой «неминуемое возмездие» за стремление большинства судей представить описанную выше великую доктрину.

В соответствии с пунктом 3 резолютивной части настоящего Постановления «жалоба в соответствии со статьей 8 Конвенции» была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу (выделено мною. – Э.Г.).

Какая жалоба?

Чья жалоба?

Где эта жалоба?

Я голосовал против данного пункта. Для меня крайне затруднительно понять, что он выражает. Я точно знаю, что я не единственный, но это меня совсем не утешает.

Поскольку в настоящем деле не было жалоб по статье 8 Конвенции. Никогда. Заявитель не подавал жалобу в соответствии с данной статьей. Чтобы указать на это заблуждение со стороны большинства судей способом, который был бы соизмерим с его значимостью, обычного безжизненного курсива недостаточно. Для этого требуется также использовать всё вместе: прописные буквы, подчеркивания, жирный и крупный кегль и некоторые яркие цвета. Но пусть будет, как будет.

Большинство судей сами признали, что такой жалобы не было (см. пункт 27 настоящего особого мнения). Тем не менее представляется, что, занимаясь созданием великой доктрины, они фактически отошли от реального спора, переданного в Европейский Суд, и выступили вместо заявителя, подав еще одну жалобу «заявителя», *alas*, в ущерб ему.

37. Хотя жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции можно истолковать (с достаточно высокой степенью вероятности) как *неявно* присутствующую в первоначальных доводах заявителя, представленных Европейскому Суду (и, следовательно, приписанная им), даже несмотря на то, что она была *явно* выражена только в его более поздних доводах (для сравнения см. пункт 35 настоящего особого мнения), то же самое нельзя сказать о «жалобе» по статье 8 Конвенции, которая рассматривается большинством судей в настоящем деле. Сам заявитель, по-видимому, мало задумывался о статье 8 Конвенции даже после подсказки Европейского Суда. Иными словами, когда Европейский Суд спросил его, применима ли статья 8 Конвенции к его ситуации и, если да, имело ли место «несоблюдение органами власти государства-ответчика их обязанности поддерживать в действии и применять на практике надлежащую нормативную правовую базу, обеспечивающую защиту от действий других лиц в целях настоящего положения» (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции» (*Söderman v. Sweden*), жалоба № 5786/08, §§ 80–85, *ECHR* 2013), заявитель ответил только:

«Я считаю, что статья 8 Конвенции была нарушена, поскольку, как мы показали и доказали, уголовное расследование, начатое в результате дорожно-транспортного происшествия 3 декабря 2004 г., не было эффективным» (замечания от 4 августа 2017 г., с. 21)»

Вот и всё.

Даже без оценки данного ответа по существу очевидно, что одного предложения, которое сам Европейский Суд выжал из заявителя, слишком мало, чтобы квалифицировать его как «жалобу». Можно в шутку сказать, что заявителя не соблазнил шарм Европейского Суда. Фактически его ответ означал: «Хорошо, если Европейский Суд так считает, я не возражаю против того, чтобы статья 8 Конвенции также применялась, допустим, она была нарушена».

Многие сделали бы то же самое на его месте.

38. Кроме того, классификация какой-либо «части жалобы» не была изменена в какой-либо форме с тем, чтобы она подлежала рассмотрению в соответствии со статьей 8 Конвенции. Нигде в тексте всего настоящего Постановления. Напротив, Европейский Суд заявил, что он «не усматривает какого-либо конкретного аспекта взаимодействия или контакта между людьми, который мог бы повлечь за собой применение статьи 8 Конвенции в настоящем деле» (см. § 131 настоящего Постановления). Таким образом, он отверг свою собственную гипотезу о применимости статьи 8 Конвенции.

И всё же большинство судей объявили «жалобу в соответствии со статьей 8 Конвенции» неприемлемой для рассмотрения по существу.

Это действительно странная судебная практика.

39. В любом случае в ходе совещания судей могут быть высказаны и изложены самые разнообразные предложения. Некоторые из них принимаются, многие небезосновательно отклоняются. Тайна совещания судей (и в более широком смысле тайна составления постановления) также защищает свободу судей (любого суда) высказывать что-то неуместное, неразумное, абсурдное и даже глупое, потому что хорошие идеи рождаются только при отклонении плохих идей. Временами рациональность берет верх над безрассудностью только после долгих размышлений. Важно, чтобы, в конечном счете, возобладал разум. Какие бы предложения ни были озвучены или изложены в ходе совещания судей, окончательное решение не должно содержать ошибок.

40. Признаюсь, я искренне ожидал, что пункт 3 резолютивной части настоящего Постановления, будучи, по моему твердому убеждению, абсолютно непонятным (и несправедливым по отношению к заявителю, который, очевидно, не подавал «жалобу», отклоненную Европейским Судом), в итоге не появится в тексте Постановления. Но он появился. Я не могу объяснить, что означает это проявление профессионализма Европейского Суда в части «характеристики, которая должна быть дана фактическим обстоятельствам дела в соответствии с законом», и к чему это может привести.

Об этих вопросах неудобно писать, даже думать о них неудобно.

IV

41. Долгосрочный результат настоящего дела, то есть «великая доктрина», предназначенная для разрешения всех ситуаций, в которых халатность привела к гибели человека, к опасным для жизни или к иным тяжким последствиям, а также к телесным повреждениям, физическим и нравственным страданиям или даже к вмешательству в частную или семейную жизнь, которые возникают у частных лиц вследствие происшествия, явившегося результатом случайности или халатности (см. для сравнения пункты 8 и 30 настоящего особого мнения), всё же содержит некоторые оговорки и предостережения. Однако не слишком много. Многие ее части могут выглядеть достаточно стройно. Это относится, в частности, к разделу, касающемуся позитивных обязательств государств (как материально-правовых, так и процессуальных) по смыслу статьи 2 Конвенции и, соответственно, применимости указанной статьи (с учетом моей оговорки в пункте 13 настоящего особого мнения, *in fine*).

42. Однако камнем преткновения является процессуальный аспект статьи 3 Конвенции. В дан-

ном вопросе внешняя стройность доктрины была достигнута путем находчивой «корректировки» или даже намеренного умалчивания о некоторых важных элементах, включая соответствующую прецедентную практику. Выше, в пункте 10 настоящего особого мнения, я говорил об «игнорировании» и «отвержении». Это именно то, что имеет место в отношении данного вопроса.

Рассмотрим указанную главу более подробно.

43. Большинство судей обобщили прецедентную практику Европейского Суда в соответствии со статьей 3 Конвенции следующим образом (приведено с сокращениями).

(а) Статья 3 Конвенции требует принятия мер, гарантирующих, что лица не будут подвергаться жестокому обращению, в том числе жестокому обращению со стороны частных лиц. Данное требование подразумевает процессуальные обязательства, хотя предоставление уголовного средства правовой защиты необязательно. Однако если лицо подает «обоснованную жалобу» (делает «правдоподобное заявление») о том, что оно подверглось обращению, нарушающему статью 3 Конвенции, со стороны полиции или аналогичных органов, то должно быть проведено эффективное официальное уголовное расследование (см. § 115 настоящего Постановления).

(б) Для того, чтобы обращение могло быть признано бесчеловечным или унижающим достоинство, оно должно достигать минимального уровня жестокости. Оценка такого минимального уровня зависит от всех обстоятельств дела, которые «главным образом» включают в себя продолжительность обращения, влияние, которое оно оказало на физическое и психическое состояние потерпевшего, а в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего. К иным факторам, которые могут быть приняты во внимание, относятся цель применения жестокого обращения, стоящие за ним намерение или мотив, контекст, в котором было применено жестокое обращение, а также возможное уязвимое положение потерпевшего (см. §§ 116 и 117 настоящего Постановления).

(с) Отсутствие намерения унижить или оскорбить потерпевшего не исключает окончательно возможность установления нарушения статьи 3 Конвенции (см. § 117 настоящего Постановления).

(d) Жестокое обращение, которое достигает минимального уровня суровости, обычно включает в себя реальные телесные повреждения либо интенсивные физические или нравственные страдания. Тем не менее даже в отсутствие указанных характеристик, если обращение унижает или оскорбляет лицо, свидетельствуя о неуважении или умалении его человеческого достоинства, или вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные ослабить моральное или физическое сопротивление лица, оно может характеризоваться как унижающее человеческое достоинство

и попадать под действие запрета, установленно- го статьей 3 Конвенции. Может быть достаточно унижения потерпевшего в его собственных глазах, а не в глазах других лиц (см. § 118 настоящего Постановления).

(е) Статья 3 Конвенции применима в делах, связанных с преднамеренным жестоким обращением со стороны частных лиц (изнасилование, сексуальные домогательства или насилие, насилие в семье, или травмы, полученные в ходе драки), которое предполагает действия, способные вызвать у потерпевшего чувства унижения и позора (см. § 119 Постановления).

(f) Только по двум делам (поскольку большинство судей решили, что стоит упомянуть только два дела, то есть выделить их из большего количества, см. ниже пункт 56 настоящего особого мнения), связанным с дорожно-транспортным происшествием и несчастным случаем на производстве, но в которых отсутствовали какие-либо преднамеренные действия частных лиц против потерпевших, рассматриваемая ситуация оценивалась как достигшая уровня жестокости, требуемого статьей 3 Конвенции, ввиду характера и степени тяжести причиненных телесных повреждений (см. § 120 настоящего Постановления).

44. Большинство судей обобщили данные выводы, указав, что «подход к оценке того, подвергалось ли лицо обращению, достигающему минимального уровня жестокости, как описано *выше* в §§ 116–118... *остается* правильным *также* и в отношении обращения со стороны частных лиц», поскольку «данный подход учитывает *множество* факторов, каждый из которых может иметь существенное значение», и «все эти факторы предполагают, что обращение, которому “подвергался” потерпевший, явилось следствием *преднамеренного* действия» (см. § 121 настоящего Постановления, выделено мною. – Э.К.).

45. Применяя указанное обобщение в настоящем деле, большинство судей пришли к выводу, что «жалобы заявителя на проведение расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции в указанной части несовместимы *ratione materiae* с положениями Конвенции» (см. § 124 настоящего Постановления), поскольку:

(а) согласно подходу, подтвержденному в § 121 настоящего Постановления (см. пункт 44 настоящего особого мнения), «телесные повреждения, а также физические и нравственные страдания, причиненные лицу вследствие происшествия, которое явилось результатом случайности или халатности, *не могут рассматриваться как следствие “обращения”, которому такое лицо “подвергалось” по смыслу статьи 3 Конвенции* (см. § 123 настоящего Постановления, выделено мною. – Э.К.);

(б) «данное обращение по сути, хотя и не исключительно, характеризуется намерением причинить вред, унижить или оскорбить соответствующее

лицо путем проявления неуважения или умаления его человеческого достоинства либо путем создания чувства страха, тоски или неполноценности, способного ослабить его моральное или физическое сопротивление», то есть «элементами, [которые] отсутствуют в деле заявителя» (см. *ibid.*);

(с) несовместимость *ratione materiae* с положениями Конвенции «части жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции, относящейся к проведению расследования», «следует» из вышеизложенного, несмотря на тот факт, что «тяжесть физических или нравственных страданий, связанных с конкретной мерой или событием, являлась важным критерием во многих делах, по которым он устанавливал применимость статьи 3 Конвенции», и что «отсутствие какого-либо намерения причинить вред, унижить или оскорбить соответствующее лицо не может окончательно исключить факт нарушения статьи 3 Конвенции» (см. §§ 122 и 123 настоящего Постановления), а также несмотря на оговорку «хотя и не исключительно», прямо упомянутую в § 123 настоящего Постановления (см. выше пункт (b)).

46. Фокус-покус – и возможность того, что «элементы», которые действительно «имеются в деле заявителя», могут попадать под действие не правила, а исключения (то есть, что отсутствие намерения не исключает окончательно применимость статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте), что позволило бы (и, как будет показано, ранее позволяло, см. ниже пункты 57–68 настоящего особого мнения) применять процессуальный аспект статьи 3 Конвенции, перестает иметь какое-либо значение. В настоящем Постановлении данное исключение упоминается несколько раз, даже в §§ 122 и 123, в которых делается вывод о неприменимости статьи 3 Конвенции.

Что дальше? Поскольку отныне данное исключение всего лишь пустая фраза.

Таким образом, правило, имеющее исключение, будто по мановению волшебной палочки было преобразовано в жесткое правило без исключений, причем не только в целях настоящего дела, но и для всех дел подобного рода.

47. Тем не менее на первый взгляд обобщение большинства судей (см. пункт 44 настоящего особого мнения) выглядит стройно.

Однако чего-то не хватает.

48. Во-первых, следует отметить, что, формулируя свое ошеломляющее обобщение (см. пункт 44 настоящего особого мнения), большинство судей ссылаются на §§ 116–118 настоящего Постановления. По правде говоря, указанные параграфы касаются *не жестокого обращения с частными лицами со стороны (иных) частных лиц*, то есть *действий частных лиц*, а *жестокого обращения с частными лицами со стороны органов государственной власти*, то есть *действий органов государственной власти*. Выше уже отмечалось, что

два элемента сравнения не совпадают, поскольку ни один из компонентов одного элемента не соответствует компонентам другого элемента (см. пункт 11 настоящего особого мнения). Фактически они *могли бы* совпадать, если бы один из элементов сравнения не был «скорректирован» (то есть, если бы *действия органов государственной власти* не сводились только к *преднамеренным действиям органов государственной власти*), или, уточняя метафору сравнения квадратных метров с линейными метрами (см. *ibid.*), если бы большинство судей не делали вид, что квадратные метры, как и линейные метры, не имеют второго измерения. Но они делают.

49. Подобное притворство, *alas*, имело место в настоящем деле. Упомянутые *действия органов государственной власти* были истолкованы большинством судей в целях вышеупомянутого обобщения, как если бы они представляли собой только *преднамеренные действия*, и ни одно из них не являлось бы *непреднамеренным*. Применяемая логика состояла в том, что, если действие было *непреднамеренным*, оно не могло достигнуть уровня жестокости, необходимого для применения статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте («подход к оценке того, подвергалось ли лицо обращению, достигающему минимального уровня жестокости, как описано выше в §§ 116–118», см. пункт 44 настоящего особого мнения, выделено мною. – Э.К.). Следовательно, если указанная статья, тем не менее, применялась, соответствующее действие каким-то образом (каким?) было признано *преднамеренным*, даже если оно таковым не являлось.

С глаз долой, из сердца вон.

Большинство судей обобщают (без единого исключения), что «оценка... минимального уровня жестокости, как описано выше в §§ 116–118... учитывает множество факторов, каждый из которых может иметь существенное значение», и «все эти факторы предполагают, что обращение, которому “подвергался” потерпевший, явилось следствием *преднамеренного* действия» (см. § 121 Постановления настоящего Постановления, см. пункт 44 настоящего особого мнения, выделено мною. – Э.К.). Откровенно говоря, это своего рода окольный способ сказать, что *во всех делах, упомянутых в §§ 116–118 настоящего Постановления*, обращение, которому «подвергался» потерпевший, являлось следствием *преднамеренного* действия.

В действительности, однако, некоторые (даже многие) действия в упомянутых делах были *непреднамеренными*.

50. Несмотря на это, было сделано обобщение, согласно которому, хотя в прецедентной практике Европейского Суда статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте применялась в основном только к *действиям органов государственной власти* (хотя, как указано выше, это

было не так, см. пункты 57–68 настоящего особого мнения), которые в указанных целях являлись *преднамеренными* (поскольку, как представляется, в восприятии большинства судей *непреднамеренные* действия в принципе, как бы парадоксально это ни звучало, не могут привести в действие статью 3 Конвенции, так как они не достигают минимального уровня жестокости в качестве определяющего критерия (см. пункты 49 и 69, а также для сравнения пункт 70 настоящего особого мнения), процессуальный аспект указанной статьи применим к *действиям частных лиц* на тех же условиях: они должны быть *преднамеренными*, а не являться следствием халатности. Смирное предостережение о том, что «отсутствие намерения унижить или оскорбить потерпевшего не исключает окончательно возможность установить нарушение статьи 3 Конвенции (§ 116 настоящего Постановления¹), или оговорка «хотя и не исключительно», (§ 123 настоящего Постановления) фактически не меняют ситуацию, поскольку они сразу же сведены на нет выводом о том, что «обращение, которому “подвергался” потерпевший, явилось следствием *преднамеренного* действия» (§ 121 настоящего Постановления), а также выводом, согласно которому «жалобы заявителя на проведение расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции в указанной части несовместимы *ratione materiae* с положениями Конвенции» (§ 124 настоящего Постановления, см. пункты 45–46 и 52 настоящего особого мнения).

51. С методологической точки зрения последствие такой «корректировки» состоит в том, что два элемента сравнения, избранные в целях великой доктрины (но, по-видимому, еще и для дисквалификации данной жалобы заявителя в соответствии с процессуально-правовым аспектом статьи 3 Конвенции), просто не совпадают. Они не совпадают именно потому, что один из компонентов (*халатность*) одного элемента сравнения (*действия органов государственной власти*), который фактически присутствует в прецедентной практике Европейского Суда, формально процитированной большинством судей, был *намеренно проигнорирован*, как будто действия органов государственной власти по какой-то невыясненной и необъяснимой причине не могут быть *непреднамеренными* (см. пункты 45–46 и 48–50 настоящего особого мнения). Соответственно, всё, что в данной прецедентной практике относилось к действиям органов государственной власти, совершенным *в результате халатности*, было признано незначительным или даже не существующим. Это подрывает достоверность, казалось бы, точного сравнения.

52. Таким образом, последствия достижения внешней стройности великой доктрины не являют-

¹ Так в тексте. Вероятно, должно быть «§ 117 настоящего Постановления» (примеч. переводчика).

ся исключительно методологическими. Они также в немалой степени относятся к повторному толкованию или, скорее, к неверному толкованию части прецедентной практики Европейского Суда.

Например, в § 116 настоящего Постановления сделаны ссылки на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v Croatia*) от 20 октября 2016 г., жалоба № 7334/13¹, и на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 41738/10². В Постановлении Большой Палаты по делу «Папошвили против Бельгии» Европейский Суд постановил, что «имело бы место нарушение статьи 3 Конвенции, если бы заявитель был выдворен в Грузию без проведения властями Бельгии оценки в соответствии с требования этой нормы Конвенции риска, которому заявитель может подвергнуться с учетом информации, касающейся состояния его здоровья и наличия надлежащего лечения в Грузии» (пункт 1 резолютивной части). Едва ли кто-либо стал бы утверждать, что власти Бельгии, если бы они решили выдворить заявителя в Грузию, само по себе такое выдворение, несомненно, представляло собой преднамеренное действие, без оценки вышеупомянутых рисков, действовали бы с «намерением причинить вред, унизить или оскорбить лицо путем проявления неуважения или умаления его человеческого достоинства либо путем создания чувства страха, тоски или неполноценности, способного ослабить его моральное или физическое сопротивление» (см. для сравнения выше пункты 43 и 45 настоящего особого мнения). Действительно, подвергание заявителя указанным неопределенным рискам, которые могли реализоваться, а могли и не реализоваться, явилось бы примером жестокого обращения, но *непреднамеренного* жестокого обращения. Что касается Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии», ведущего Постановления Европейского Суда об условиях содержания под стражей, оно также затрагивает *непреднамеренное* жестокое обращение, как и подавляющее большинство дел, касающихся условий содержания под стражей, в которых были установлены нарушения статьи 3 Конвенции, в частности, в ее процессуально-правовом аспекте.

До принятия настоящего Постановления с его великой доктриной такие жалобы, как в делах «Папошвили против Бельгии» или «Муршич против Хорватии» (но и во многих других делах), подлежали рассмотрению в соответствии со статьей 3 Конвенции, в том числе в ее процессуально-правовом аспекте, если органы государственной власти

не выполняли свое процессуальное обязательство по надлежащему рассмотрению утверждения о жестоком обращении. Не имело значения, было ли жестокое обращение, которому было подвергнуто физическое лицо, преднамеренным или непреднамеренным. Так было, и едва ли кто-то усомнится в том, что так будет и в будущем.

Метод «корректировки» элемента сравнения действий органов государственной власти и созданная посредством этого «великая доктрина» не могут сделать из данных фактов каких-либо выводов. Напоминание в §§ 122 и 123 настоящего Постановления (см. пункт 45 настоящего особого мнения) о том, что для того, чтобы жестокое обращение могло рассматриваться в соответствии с процессуально-правовым аспектом статьи 3 Конвенции, оно должно «характеризоваться намерением причинить вред, унизить или оскорбить соответствующее лицо путем проявления неуважения или умаления его человеческого достоинства либо путем создания чувства страха, тоски или неполноценности, способного ослабить его моральное или физическое сопротивление». Однако выражение «*не исключительно*» (выделено мною. – Э.К.), как представляется, не имеет значения. Как и напоминание о том, что «отсутствие намерения причинить вред, унизить или оскорбить лицо *не исключает окончательно* возможность установить нарушение статьи 3 Конвенции» (см. *ibid.*, выделено мною. – Э.К., а также выше пункт 50 особого мнения).

53. Независимо от наличия или отсутствия великой доктрины по делам, в которых тяжкие телесные повреждения или другие серьезные страдания были причинены частным лицам в результате непреднамеренных действий органов государственной власти, статья 3 Конвенции была и остается применимой в ее процессуально-правовом аспекте.

Однако (подводя итог по первому недостающему элементу, который искажает внешнюю стройность части великой доктрины, посвященной применимости статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте), в настоящем Постановлении нигде не объясняется, *почему отныне статья 3 Конвенции применяется к непреднамеренным действиям органов государственной власти, но не к непреднамеренным действиям частных лиц*. Почему и где в великой доктрине скрываются *непреднамеренные действия частных лиц*, которые до сих пор рассматривались в прецедентной практике Европейского Суда – риторический вопрос. Единственный довод, который, как представляется, является ответом на данный вопрос, заключается в том, что «великая доктрина» вообще не скрывает непреднамеренных действий частных лиц, поскольку в прецедентной практике Европейского Суда статья 3 Конвенции всегда применялась толь-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 5 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 11 (примеч. редактора).

ко к преднамеренным действиям органов государственной власти.

54. Но так было *не* всегда.

Что позволяет подумать о том, что такое «правильность», а также о ее противоположности.

Например, насколько «правильным» является вывод о том, что во всех делах, упомянутых в §§ 116–118 настоящего Постановления, «обращение, которому “подвергался” потерпевший», являлось следствием *преднамеренного* действия (см. § 121 настоящего Постановления, выделено мною. – Э.К., а также выше пункты 44, 49 и 50 настоящего особого мнения)? Этот общий вывод никак нельзя сделать на основании указанных параграфов или на основании иной прецедентной практики, процитированной в Постановлении, или даже на основании взаимосвязи между тем, что *обычно понимается* под «обращением» или «подверганием», и тем, что *обычно понимается* под «намерением». Прецедентная практика Европейского Суда никогда не отклонялась от такого понимания и тем более не возражала против него (см. ниже пункт 63 настоящего особого мнения).

Соответственно, последний вывод не является выводом из прецедентной практики Европейского Суда. Это *новшество*. Любая попытка доказать, что подобный вывод следует из прецедентного права Европейского Суда, несостоятельна.

55. Как указывалось выше, большинство судей обобщили (в § 121 настоящего Постановления, см. пункт 44 настоящего особого мнения) мнение о том, что подход, принятый в делах, которые касаются жестокого обращения с частными лицами со стороны органов государственной власти (цитируется в §§ 116–118 настоящего Постановления), «*остается правильным также и в отношении обращения со стороны частных лиц*» (выделено мною. – Э.К.).

Тем не менее неясно, каким образом то, что возникло и было выведено из прецедентной практики, касающейся жестокого обращения с частными лицами *со стороны органов государственной власти*, могло бы в принципе «оставаться» действительным в отношении жестокого обращения со стороны (иных) частных лиц. Что могло «оставаться»? Ничего, потому что то, чего не было, не может «оставаться». Слово «остается» служит прикрытием: оно использовалось для того, чтобы создать впечатление о значимости рассуждений и сделать это путем затушевывания существующей прецедентной практики, которая, однако, не настолько прямолинейна, как это было показано в рамках вышеупомянутого обобщения.

Даже если бы у кого-то возникло такое впечатление, оно было бы явно неверным. То, по отношению к чему использовалось выражение «остается», фактически было *введено* здесь и сейчас.

Было бы справедливо, если бы большинство судей заявили, что *отныне* подход, применяемый в делах, касающихся жестокого обращения с частными лицами со стороны органов государственной власти, должен применяться *также* и к будущим делам, касающимся обращения с частными лицами со стороны (иных) частных лиц.

56. Вышеупомянутое игнорирование непреднамеренных действий органов государственной власти, рассматриваемых в прецедентной практике Европейского Суда, позволило большинству судей сделать вывод о том, что, поскольку вышеупомянутые элементы, связанные с намерением, «отсутствуют в деле заявителя», статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте неприменима к ситуации заявителя (см. пункты 45 и 46 настоящего особого мнения). Применять ее гипотетически было бы равносильно тому, чтобы идти против кажущейся основной тенденции прецедентной практики Европейского Суда, которая, как пытаются показать большинство судей, в принципе всегда была достаточно прямолинейна в том, что касается наличия или отсутствия намерения. Для того, чтобы доказать, что данная прецедентная практика всегда была прямолинейна в этом вопросе, было проведено различие между «правильной» и предположительно «неправильной» прецедентной практикой (см. пункты 10 и 11 настоящего особого мнения). Такое различие было направлено на создание впечатления, что статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте всегда применялась исключительно в делах, связанных с преднамеренным жестоким обращением с частными лицами *со стороны кого бы то ни было* и что единственными исключениями из этой общей практики являлись два дела, указанные в § 120 настоящего Постановления, а именно «Краулайдис против Литвы» (*Kraulaidis v. Lithuania*) (Постановление Европейского Суда от 8 ноября 2016 г., жалоба № 76805/11) и «Мажукна против Литвы» (*Mažukna v. Lithuania*) (Постановление Европейского Суда от 11 апреля 2017 г., жалоба № 72092/12). Пользуясь достаточно редким ходом (с точки зрения используемой фразеологии), Большая Палата Европейского Суда отошла от двух постановлений, которые фактически были признаны «неправильными» (но не от иных подобных постановлений, по крайней мере, не явно).

57. Описанный выше трюк с непреднамеренными действиями органов государственной власти, когда последние были отклонены как несущественные или даже несуществующие («все эти факторы предполагают, что обращение, которому “подвергался” потерпевший, явились следствием преднамеренного действия», см. пункты 44, 49 и 54 настоящего особого мнения), не является единственным методом «уточнения» прецедентной практики Европейского Суда в соответствии с потребностями великой доктрины, применяемой в настоящем деле. Другой

метод – игнорирование прецедентной практики, в которой статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте применялась к действиям частных лиц, совершенным в результате халатности.

58. Как было показано, ссылка на §§ 116–118 настоящего Постановления была в высшей степени эффективна для важного обобщения, сделанного в § 121 настоящего Постановления (см. пункты 44, 48 и 55 настоящего особого мнения). В дополнение к «корректировке» одного из элементов сравнения (*действия органов государственной власти*), о которых идет речь в §§ 116–118 настоящего Постановления (см. пункты 11 и 48 настоящего особого мнения), большинство судей гениально упустили один параграф в своем обобщении прецедентной практики Европейского Суда, а именно § 119. Указанный параграф касается жестокого обращения с частными лицами со стороны частных лиц, даже если такое обращение является «преднамеренным». В целях воплощения элементов сравнения, которые затем будут использоваться в качестве основных блоков в построении вышеупомянутого обобщения, § 119 настоящего Постановления представляется неуместным.

Однако так быть не должно. Рассмотрение указанного параграфа как несущественного является пробелом в обсуждаемой великой доктрине, пробелом, который не признается, а, скорее, маскируется.

59. Еще более поразительным является то, что в настоящем Постановлении не учитывается – что за маневр! – тот факт, что прецедентная практика Европейского Суда по статье 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте также применяется в делах, связанных с *непреднамеренными действиями частных лиц*. Такая прецедентная практика существует, и умалчивание о ней вызывает вопросы.

60. Некоторые постановления, имеющие значение в этой связи, процитированы в настоящем Постановлении, но не там, где данные цитаты были бы наиболее уместны. Взять хотя бы только одно дело из большого количества дел, а именно Постановление Европейского Суда по делу «Горгиев против Македонии» (*Gorgiev v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 19 апреля 2012 г., жалоба № 26984/05, которое процитировано в § 115 настоящего Постановления (в контексте общих соображений, касающихся обязательства государств согласно статье 3 Конвенции проводить эффективное расследование *ipso facto*, «когда соответствующий вопрос доведен до сведения органов государственной власти»). Однако указанное Постановление не упоминается в «ключевых» §§ 116–118 настоящего Постановления. Это вызывает еще большее сожаление. В этом поучительном деле рассматривалась ситуация, когда заявителю, который отбывал наказание в виде лишения свободы и ухаживал за домашним скотом, содержа-

щимся в исправительном учреждении (по распоряжению тюремной администрации), нанес травмы некастрированный бык. Заявитель жаловался, *inter alia*, на то, что тюремная администрация не смогла защитить его личную безопасность, физическую и психическую неприкосновенность, несмотря на то, что она была предупреждена об агрессивности быка. Власти государства-ответчика утверждали, что ответственность за это не может быть возложена на государство не только потому, что начальник исправительного учреждения не был предупрежден об агрессивности быка (что противоречило утверждениям заявителя) и отсутствовала какая-либо информация о том, что бык был агрессивен, но и потому, что поведение быка было непредсказуемым. Соответственно, на органы государственной власти не должно было быть возложено невозможное бремя по предотвращению реализации всех заявленных рисков. Безусловно, всё вышеизложенное относилось к материально-правовому аспекту статьи 3 Конвенции, и в этой связи не было установлено каких-либо нарушений. Однако заявитель также подавал жалобу в рамках процессуально-правового аспекта статьи 3 Конвенции. Он утверждал, что суды государства-ответчика, отклонив его требования, не смогли установить, приняли ли власти все необходимые меры, чтобы избежать причинения ущерба. В отношении данной жалобы Европейский Суд установил нарушение в связи с неспособностью государства провести «эффективное официальное расследование» по утверждениям заявителя. Европейский Суд, *inter alia*, постановил, что, хотя «гражданский иск заявителя против государства и исправительного учреждения с требованием о компенсации морального вреда за телесные повреждения, нанесенные быком... был в принципе способен служить форумом для установления фактов, обладающим полномочиями по возложению ответственности за действия или бездействие, которые привели к нарушению прав заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции... производство по делу о компенсации... завершилось без вынесения решения по существу, поскольку суды Македонии установили, что бык не принадлежал ни государству, ни исправительному учреждению, и, соответственно, последние не обладали необходимой процессуальной дееспособностью (§ 63 Постановления по делу «Горгиев против Македонии»).

В Постановлении Европейского Суда по делу «Горгиев против Македонии» «действия», которые привели к причинению заявителю телесных повреждений, явно явились *результатом халатности* и были приписаны *частному лицу* – хозяйствующему субъекту, который осуществлял свою деятельность как отдельное юридическое лицо в рамках исправительного учреждения и которому принадлежал бык. Тот факт, что заявитель на соответствующий момент времени являлся заклю-

ченным и, соответственно, находился под опекой и ответственностью органов государственной власти, *не имел решающего значения* для целей применения статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте: Европейский Суд прямо указал, что данный факт только сделал «более очевидной» обязанность государства проводить расследование (§ 64 Постановления по делу «Горгиев против Македонии», выделено мною. – Э.К.).

Для того, чтобы исключить любые предположения о том, что вышеупомянутый хозяйствующий субъект – собственник быка мог считаться «государственным служащим» и что именно данное качество могло повлечь за собой применение статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте, Европейский Суд не присоединился к данной точке зрения. Напротив, он отметил, что «обязательство органов государственной власти проводить “эффективное официальное расследование”, способное установить факты, установить и наказать виновных лиц, [будучи] позитивным обязательством, в принципе не может рассматриваться как ограниченное исключительно случаями жестокого обращения со стороны государственных служащих».

61. Как и указанные выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Муршич против Хорватии» и «Папошвили против Бельгии», в том, что касается непреднамеренных действий органов государственной власти, в вышеупомянутом Постановлении по делу «Горгиев против Македонии» Европейский Суд также не поддержал вывод о том, что статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте всегда применялась только в делах, затрагивающих преднамеренные действия, поскольку в данном деле имели место *непреднамеренные* действия, совершенные *частным лицом*.

62. Постановление Европейского Суда по делу «Горгиев против Македонии» также не поддерживает вывод большинства судей о том, что «телесные повреждения, а также физические и нравственные страдания, причиненные лицу вследствие происшествия, которое явилось результатом случайности или халатности, не могут рассматриваться как следствие “обращения”, которому такое лицо “подвергалось” по смыслу статьи 3 Конвенции» (см. § 123 настоящего Постановления, см. пункт 44 настоящего особого мнения). Очевидно, что телесные повреждения С. Горгиева были получены, выражаясь языком настоящего Постановления, «в результате случайности или халатности» – «неудачного» «взаимодействия» (хотя и «не со стороны человека») или «контакта» (см. для сравнения пункт 38 настоящего особого мнения) быка с заявителем и халатности соответствующего хозяйствующего субъекта – собственника быка, который не принял необходимых и разумных мер предосторожности. Если халатность хозяйствующего

субъекта – собственника быка, который до рассматриваемого случая, возможно, даже не подозревал о существовании заявителя, можно считать «обращением», которому заявитель был «подвергнут», то почему нельзя считать таковым действия участника дорожно-транспортного происшествия? Если, согласно рассуждениям большинства судей в настоящем деле, халатность, рассматриваемая в деле «Горгиев против Македонии», не являлась «обращением» по смыслу статьи 3 Конвенции, *то чем же она тогда была?* И если заявитель не был «подвергнут» по смыслу указанной статьи какому-либо действию, которое не являлось «обращением», *то как он мог быть признан потерпевшим* от такого, не поддающегося категоризации действия?

63. Оксфордский онлайн-словарь (а также, насколько можно судить, и многие другие словари английского языка) определяет существительное «обращение» (насколько это имеет отношение к настоящему делу) как «способ, которым некто себя ведет или имеет дело с кем-либо или чем-либо», а глагол «подвергать» – как «вызывать или заставлять кого-либо или что-либо испытывать что-либо (определенный опыт или форму обращения, обычно нежелательные или неприятные)». В указанных определениях не делается различий между намерением и его отсутствием, что позволило бы говорить, как сделали большинство судей, о том, что «обращение», то есть поведение, может быть только преднамеренным или что лицо может «подвергаться» чему-либо только тогда, когда соответствующий опыт вызван преднамеренным действием.

В теории, возможно, что разработчики Конвенции намеренно решили придать словам, использованным в статье 3 Конвенции, новое значение, хотя они имели общепризнанное, неоспоримое значение, как определено в словарях. Только, *alas*, отсутствуют какие-либо признаки того, что разработчики сделали это в отношении слов «обращение» и «подвергаться», как они используются в указанной статье.

Было бы целесообразно, если бы большинство судей представили какое-либо обоснование своему самому инновационному подходу к «настоящему» значению слов «обращение» и «подвергаться», как они используются в статье 3 Конвенции, поскольку такое «настоящее» значение, по-видимому, противоречит общепризнанному значению этих слов, которое до сих пор также принималось в формулировках Европейского Суда. Если, как это часто подчеркивается Европейским Судом в его прецедентной практике, определенные понятия, используемые в Конвенции, являются автономными (с чем я в принципе не могу не согласиться), где следует установить пределы данной автономии? Может ли Европейский Суд устанавливать эти пределы так, как он этого захочет? Имеются ли какие-либо каноны толкования, которые следует соблюдать,

особенно когда предположительно автономное значение слова обнаруживается после десятилетий его обычного толкования, которое полностью соответствует его общепризнанному значению, определенному в словарях? Может ли быть какая-либо заслуга в переходе от общепризнанной ясности правовых терминов к их относительной неопределенности и, соответственно, в порождении разногласий между правовым и обычным языком там, где когда-то была гармония?

64. Изобретательность попыток большинства судей доказать, что прецедентная практика Европейского Суда всегда была прямолинейна в том смысле, что статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте никогда не применялась к делам, касающимся непреднамеренных действий частных лиц, за исключением двух «черных овец», вышеупомянутых дел «Краулайдис против Литвы» и «Мажукна против Литвы», не ограничивается умалчиванием о постановлениях, подобных вышеупомянутому Постановлению Европейского Суда по делу «Горгиев против Македонии». Два дела, представленные как идущие против кажущейся (или, скорее, показной) основной тенденции, также были искажены.

65. Вышеупомянутое дело «Краулайдис против Литвы», как и настоящее, касалось дорожно-транспортного происшествия. В указанном деле пять судей (включая меня) в своих совпадающих мнениях выразили двойственное отношение к развитию прецедентной практики Европейского Суда, касающейся телесных повреждений, причиненных предполагаемым потерпевшим в результате халатности со стороны (иных) частных лиц, что, возможно, свидетельствовало о «смещении в сторону упрощения прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции» (см. для сравнения пункт 81 настоящего особого мнения). Упомянувшееся выше дело «Мажукна против Литвы» касалось несчастного случая на производстве и шло по стопам дела «Краулайдис против Литвы». В последнем была сделана ссылка на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Киф против Ирландии» (*O'Keefe v. Ireland*) от 28 января 2014 г., жалоба № 35810/09¹, которое, как известно, касалось преднамеренного действия со стороны частного лица, а также, что особенно важно и достаточно прямо, на Постановление Европейского Суда по делу «Мута против Украины» (*Muta v. Ukraine*) от 31 июля 2012 г., жалоба № 37246/06.

Таким образом, движение в направлении более широкого толкования статьи 3 Конвенции, вопреки впечатлению, которое большинство судей пытались создать, началось не с Постановлений Европейского Суда по делам «Краулайдис против Литвы» и «Мажукна против Литвы» в 2016

и 2017 годах соответственно, которыми большинство судей ограничились своим анализом. Это был постепенный процесс, один из этапов которого был отмечен в 2012 году принятием Постановлений Европейского Суда по делам «Горгиев против Македонии» и «Мута против Украины», вынесенным несколько месяцев спустя. Из указанных двух дел (не единственных, в которых статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте была применима к непреднамеренным действиям частных лиц) дело «Мута против Украины», тем не менее, заслуживает особого внимания, поскольку Постановление Европейского Суда по делу «Краулайдис против Литвы» было непосредственно основано на Постановлении по указанному делу.

66. Интересно и достаточно подозрительно, что в настоящем Постановлении имеется ссылка на вышеупомянутое Постановление по делу «Мута против Украины», но, как и ссылка на вышеупомянутое Постановление по делу «Горгиев против Македонии», не там, где это было бы наиболее уместно (ссылка на упоминавшееся выше Постановление по делу «О'Киф против Ирландии» вообще отсутствует). В тексте настоящего Постановления есть только одна ссылка на дело «Мута против Украины», но даже она не является однозначной. Эта ссылка приводится (среди прочих) в § 119 настоящего Постановления, который большинство судей исключили из своей ссылки на прецедентную практику Европейского Суда, на основе которой было построено рассматриваемое обобщение (см. пункт 58 настоящего особого мнения), а не в § 120, где она была бы уместной и где упоминаются два дела, признанные в настоящий момент неподходящими, «Краулайдис против Литвы» и «Мажукна против Литвы», Постановления по которым были приняты Европейским Судом непосредственно вслед за упоминавшимся выше Постановлением по делу «Мута против Украины». Тем не менее не § 119, а § 120 настоящего Постановления касается вреда, причиненного частным лицам (иными) частными лицами *в результате халатности*, в то время как § 119 настоящего Постановления предназначен для рассмотрения «преднамеренного» жестокого обращения со стороны частных лиц.

Однако в деле «Мута против Украины» отсутствовали «преднамеренные» действия частных лиц. Данное дело касалось *действий частных лиц, совершенных по халатности!*

67. Вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу «Мута против Украины» касалось ситуации, когда дети бросали камни друг в друга. *Намерение* правонарушителя причинить телесные повреждения потерпевшему так и не было установлено (§ 64 указанного Постановления). Европейский Суд отметил, что «в результате насильственных действий частного лица... заявитель получил тяжкие телесные по-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 5 (примеч. редактора).

вреждения, утратил зрение на левом глазу и получил инвалидность». Следовательно, «обращение, которому он был подвергнут, достигло уровня жестокости, необходимого для того, чтобы оно попало под сферу применения статьи 3 Конвенции» (§ 58 указанного Постановления). Критерием применимости статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте стали «характер и степень тяжести полученных травм», то есть уровень жестокости. Нарушение статьи 3 Конвенции было установлено в связи с затягиванием уголовного производства, которое, в конечном счете, было прекращено в связи с истечением срока давности (как позднее в упоминавшихся выше делах «Краулайдис против Литвы» и «Мажукна против Литвы»). В Постановлении по делу «Мута против Украины» Европейский Суд не рассматривал жалобу в соответствии со статьей 6 Конвенции, так как было достаточно рассмотрения жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции.

68. Подведем итог: дело «Мута против Украины» не просто *недостаточно представлено* (или проигнорировано) в настоящем Постановлении, факты этого дела *искажены*.

69. Следует подчеркнуть еще один момент, который также относится к методологии, послужившей основанием для построения великой доктрины.

В параграфе 121 настоящего Постановления, где утверждается так называемый *правильный подход*, отмечается: «*как следует из указанных параграфов, [то есть §§ 116–118 настоящего Постановления], данный подход учитывает множество факторов, каждый из которых может иметь существенное значение*» (текст в квадратных скобках и курсив мои. – Э.К.). «Множество факторов», по-видимому, сводится к набору инструментов, которые помогают определить, соблюдается ли критерий, приводящий в действие статью 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте: *минимальный уровень жестокости*, который «обычно включает в себя реальные телесные повреждения либо интенсивные физические или нравственные страдания» (см. § 118 настоящего Постановления). В этом нет ничего нового. Данный критерий, который изложен в упомянутых параграфах, касающихся жестокого обращения с частными лицами со стороны органов государственной власти, а не (иных) частных лиц, *аналогичен* «характеру и степени тяжести полученных травм», принципиально выделенным в § 120 настоящего Постановления, касающемся непреднамеренного жестокого обращения с частными лицами со стороны (иных) частных лиц.

«Великая доктрина», разработанная в настоящем Постановлении, критикует вышеупомянутые дела «Краулайдис против Литвы» и «Мажукна против Литвы» (и, скорее всего, критиковала бы упоминавшееся выше дело «Горгиев против Македонии» и «Мута против Украины», если бы анализ последних двух дел не был полностью

исключен), поскольку в этих делах уровень жестокости был достигнут исключительно ввиду характера и степени тяжести травм – «внимание уделено исключительно характеру и степени тяжести полученных травм» (см. § 120 настоящего Постановления). Из указанной критики следует, что характер и степень тяжести полученных травм недостаточны для того, чтобы привести в действие статью 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте, поскольку данный фактор сам по себе не будет означать, что требуемый уровень жестокости был достигнут. Отсюда следует, что для того, чтобы привести в действие статью 3 Конвенции, указанный фактор («характер и степень тяжести полученных травм») должен быть *дополнен* некоторыми иными факторами, какими бы они ни были.

Ключевое слово: *дополнен*.

70. Итак, каковы же *иные* факторы, которые, по мнению большинства судей, существуют во «множестве» и которые, по-видимому, должны быть приняты во внимание, чтобы *дополнить* характер и степень тяжести полученных травм в целях достижения необходимого уровня жестокости?

К подобным факторам относятся продолжительность обращения, влияние, которое оно оказало на физическое и психическое состояние потерпевшего, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего («в некоторых случаях»), цель применения жестокого обращения в совокупности с намерением или стоящим за ней мотивом, контекст, в котором было применено жестокое обращение, например, атмосфера повышенной напряженности и эмоциональности, а также возможное уязвимое положение потерпевшего (см. §§ 116 и 117 настоящего Постановления).

В то же время отмечается, что даже отсутствие «реальных телесных повреждений либо интенсивных физических или нравственных страданий» не препятствует тому, что обращение может попасть под запрет, установленный статьей 3 Конвенции (см. § 118 настоящего Постановления), и что «отсутствие намерения унизить или оскорбить потерпевшего не исключает окончательно возможность установить нарушение статьи 3 Конвенции (см. § 117 настоящего Постановления).

Это означает, что вышеперечисленные «иные» факторы, которые существуют во «множестве», являются *не дополнительными, а альтернативными* характеру и степени тяжести полученных травм (и друг другу).

Таким образом, непоследовательность применяемого здесь метода (или, по крайней мере, его словесного выражения) более чем очевидна.

71. В любом случае, когда бы ни применялся другой критерий или отличный стандарт (к чему бы то ни было), это должно быть обоснованным и оправданным. Умалчивание и притворство относительно того, что не возникает неудобных вопросов, не препятствуют их возникновению. Неоправданный

отличный стандарт – это не что иное, как широко известный двойной стандарт со всеми негативными коннотациями, которые сопровождают данное выражение.

В настоящем деле вопрос заключается в следующем: *почему характер и степень тяжести полученных травм* (в некоторых постановлениях используется выражение «причиненные») являются достаточным фактором для достижения уровня жестокости и, таким образом, приводят в действие статью 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте во многих делах, касающихся непреднамеренных действий органов государственной власти, но не являются приемлемыми в качестве достаточного фактора в делах, касающихся непреднамеренных действий частных лиц?

См., например (среди прочих примеров), Постановление Европейского Суда по делу «Эсмухамбетов и другие против Российской Федерации» (*Esmukhambetov and Others v. Russia*) от 29 марта 2011 г., жалоба № 23445/03¹, §§ 190–191, касающемуся неизбирательной бомбардировки, Постановление Европейского Суда по делу «R.R. против Польши» (*R.R. v. Poland*) от 26 мая 2011 г., жалоба № 27617/04, §§ 159–162, в отношении невозможности пройти генетическое обследование во время беременности, Постановление Европейского Суда по делу «Р. и S. против Польши» (*P. and S. v. Poland*) от 30 октября 2012 г., жалоба № 57375/08, §§ 167–169, касающемуся неспособности защитить заявительницу от притеснений, когда она пыталась сделать аборт, Постановление Европейского Суда по делу «Гримайловс против Латвии» (*Grimailovs v. Latvia*) от 25 июня 2013 г., жалоба № 6087/03, § 162, и так далее и тому подобное.

«Великая доктрина» не дает ответа на данный вопрос, фактически она даже не признает его возникновения.

72. Но это еще не всё. «Великая доктрина», разработанная в настоящем Постановлении, не только умалчивает об этих вопросах, она *умалчивает о существующей прецедентной практике*.

73. Три указанных выше проблемы: гениальная «корректировка» элементов сравнения действий органов государственной власти, избранная большинством судей, недостаточное представление и искажение прецедентной практики Европейского Суда, в которой статья 3 Конвенции применялась к жестокому обращению с частными лицами со стороны (иных) частных лиц, и непоследовательность в применении такого критерия, как уровень жестокости, к действиям органов государственной власти и частных лиц, – подрывают правдоподобие великой доктрины настоящего Постановления.

74. В предыдущей главе я доказывал несостоятельность методологии большинства судей, на основе которой они приняли свою доктрину, в частности, безграничное обобщение в пользу того, что статья 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте *никогда* не применяется к ситуациям, касающимся телесных повреждений или иных страданий, причиненных частным лицам (иными) частными лицами в результате халатности. Однако остается вопрос: можно ли сделать столь же радикальный вывод на основе некой безупречной методологии?

75. С точки зрения доктрины применимости статьи 2 Конвенции (в обоих аспектах), разработанной в настоящем Постановлении, в таких делах, как упоминавшиеся выше дела «Мута против Украины», «Краулайдис против Литвы» или «Мажукна против Литвы», статья 2 Конвенции может применяться (даже если у кого-либо, как у меня, имеются сомнения на этот счет). Данная доктрина означала бы, что соответствующие жалобы подлежат рассмотрению в рамках процессуально-правового аспекта указанной статьи. Хотя чувство двойственности в отношении развития прецедентной практики Европейского Суда, касающейся телесных повреждений, причиненных предполагаемым потерпевшим частными лицами в результате халатности, о чем свидетельствуют отдельные мнения, приложенные к вышеупомянутому Постановлению Европейского Суда по делу «Краулайдис против Литвы», накапливалось среди некоторых судей Европейского Суда (что было довольно длительным процессом), отдельные дела подобного рода, которые уже были коммуницированы властям государств-ответчиков в соответствии со статьей 3 Конвенции, были повторно коммуницированы им по статьям 8 или (что в большей степени соответствует настоящему делу) 2 Конвенции (с намеком на предполагаемое официальное изменение классификации соответствующих жалоб). Ярким примером (знаковым событием для периода критических размышлений) стало Постановление Европейского Суда по делу «Котельников против Российской Федерации» (*Kotelnikov v. Russia*) от 12 июля 2016 г., жалоба № 45104/05².

76. В вышеупомянутом деле «Котельников против Российской Федерации» заявитель получил травмы в результате дорожно-транспортного происшествия. Жалоба была подана в Европейский Суд в 2005 году, в 2011 году она была коммуницирована властям Российской Федерации по статье 3 Конвенции. Однако в марте 2015 года она была повторно коммуницирована им в соответствии со статьями 2 и 8 Конвенции. В 2016 году Европейский Суд установил в этом деле нарушение

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 4 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2017. № 3 (примеч. редактора).

статьи 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте. Власти Российской Федерации утверждали, что данное дело должно было рассматриваться в соответствии со статьей 3 Конвенции, поскольку заявитель остался жив, но Европейский Суд не согласился с этим, ссылаясь на свое Постановление по делу «Игорь Шевченко против Украины» (Igor Shevchenko v. Ukraine) от 12 января 2012 г., жалоба № 22737/04, в котором заявитель также был сбит автомобилем, и на свое Постановление по делу «Кривова против Украины» (Krivova v. Ukraine) от 9 ноября 2010 г., жалоба № 25732/05, касающаяся того, что несовершеннолетняя дочь заявительницы была случайно ранена другими учащимися в кинотеатре.

77. Почему же жалоба в вышеупомянутом деле «Краулайдис против Литвы» не была повторно коммуницирована по статье 2 Конвенции в ее процессуально-правовом, если, что очевидно, не в материально-правовом аспекте?

Указанное дело отличалось от дела «Котельников против Российской Федерации» и от упоминавшихся выше дел, на которые в деле «Котельников против Российской Федерации» была сделана ссылка, по некоторым важным пунктам. М. Котельников ссылался как на материально-правовой, так и на процессуально-правовой аспекты статьи 2 Конвенции, утверждая, что дорожно-транспортное происшествие являлось преднамеренной попыткой убить его или причинить ему тяжкие телесные повреждения (материально-правовой аспект) и что в следственном процессе имелись различные недостатки, когда прокурор вместо того, чтобы добиваться осуждения, выступал в качестве адвоката предполагаемого правонарушителя, и судья делал всё для защиты обвиняемого (процессуально-правовой аспект, см. об этом последнюю часть настоящего пункта). М. Кривова и И. Шевченко также ссылались на статью 2 Конвенции. Кроме того, в деле «Игорь Шевченко против Украины» власти Украины утверждали, что статья 2 Конвенции была неприменима *ratione materiae*, но заявитель явно не соглашался с этим, настаивая, что его тяжкие телесные повреждения (кома и полный паралич) сделали указанное положение применимым. Напротив, М. Краулайдис не ссылался на статью 2 Конвенции и не утверждал, что его жизнь подвергалась опасности.

Что касается риска для жизни заявителей, М. Котельникову потребовалось несколько нейрохирургических операций, у него начались неоднократные приступы эпилепсии, образовалась киста головного мозга, он перенес периоды полного ограничения жизнедеятельности и утратил профессиональную трудоспособность. Суды Российской Федерации пришли к выводу, что он получил опасные для жизни травмы. Несовершеннолетняя дочь М. Кривовой находилась в коме в течение двух месяцев, была признана бессрочно инвалидом

и была ограничена в дееспособности. И. Шевченко получил травму головы, гематомы спинного мозга и многие иные травмы. Он находился в коме в течение трех лет, остался полностью парализованным и был ограничен в дееспособности. С другой стороны, хотя М. Краулайдис утратил способность ходить и стал инвалидом, ни один из медицинских экспертов, которые осматривали его, не признал, что его жизни угрожала опасность, и он сам не утверждал этого ни в ходе производств в судах государства-ответчика, ни в ходе разбирательства в Европейском Суде. Кроме того, он полностью сохранил свои умственные способности и правоспособность, а также трудоспособность и способность заботиться о себе.

В дополнение, в делах «Котельников против Российской Федерации» и «Кривова против Украины» лица, ответственные за дорожно-транспортное происшествие, были некоторым образом официально связаны с органами государственной власти. М. Котельников был сбит машиной, которой управлял сотрудник полиции. Хотя последний действовал в личном качестве, впоследствии утверждалось, что его связь с полицией являлась основной причиной неэффективности расследования. Дочь М. Кривовой была ранена во время посещения школьниками кинотеатра, который принадлежал муниципальной компании. Хотя несчастный случай произошел непосредственно по вине других учащихся, суды Украины признали руководство кинотеатра виновным в халатности и злоупотреблении полномочиями по причине того, что они не контролировали учащихся и не предотвратили несчастный случай. Кроме того, в деле «Котельников против Российской Федерации» существовало серьезное подозрение, что водитель автомобиля умышленно сбил заявителя, поскольку ранее между ними был конфликт. Хотя суды Российской Федерации не признали его действия преднамеренными, они, тем не менее, отметили, что водитель мог избежать столкновения, но не сделал этого. В отличие от вышеупомянутых дел, М. Краулайдис был сбит автомобилем, которым управляло частное лицо, не имеющее каких-либо официальных связей с органами государственной власти, и отсутствовали какие-либо подозрения или выводы судов государства-ответчика, которые бы свидетельствовали о том, что водитель мог действовать преднамеренно в отношении заявителя.

78. Настоящее дело, касающееся дорожно-транспортного происшествия, может рассматриваться как более близкое упоминаемому делу «Котельников против Российской Федерации», чем вышеупомянутому делу «Краулайдис против Литвы». Хотя, как сказано выше (см. пункты 4 и 14 настоящего особого мнения), я бы предпочел, чтобы статья 3, а не статья 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте применялась к ситуации заявителя по настоящему делу, исходя из доктри-

ны применимости статьи 2 Конвенции, разработанной в этом деле, с учетом того доминирующего положения, которое она придает реальной угрозе для жизни заявителя, рассмотрение настоящего дела (как, например, дело «Котельников против Российской Федерации») по статье 2 Конвенции не является совершенно неприемлемым. Это зависит от того, где проводится граница между позитивными процессуально-правовыми обязательствами государств в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции.

79. Однако не только доктрина применимости статьи 2 Конвенции, но и доктрина применимости статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте предлагают руководящие принципы для будущих дел. Согласно последней, как уже неоднократно упоминалось, дела, связанные с телесными повреждениями или иными страданиями, причиненными частным лицам (иными) частными лицами в результате халатности, не могут рассматриваться в соответствии со статьей 3 Конвенции, поскольку отныне такие жалобы считаются несовместимыми *ratione materiae* с положениями Конвенции.

80. У меня возникает вопрос: по какой статье должны рассматриваться подобные дела?

По статье 2 Конвенции? Определенно не все дела, поскольку, очевидно, что не каждый факт причинения телесных повреждений является опасным для жизни. Раз следует остановить «смещение в сторону упрощения прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции» (см. пункт 65, а также для сравнения пункт 81 настоящего особого мнения), вряд ли будет хорошей идеей смещение в сторону упрощения прав, предусмотренных статьей 2 Конвенции.

По статье 8 Конвенции? Тоже не все дела. Статья 8 Конвенции уже была во многом упрощена такими, например, Постановлениями Европейского Суда, как по делу «Эрменьи против Венгрии» (*Erményi v. Hungary*) от 22 ноября 2016 г., жалоба № 22254/14. Европейскому Суду потребовались некоторые усилия (и некоторое время), чтобы остановить данную тенденцию (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Денисов против Украины» (*Denisov v. Ukraine*) от 25 сентября 2018 г., жалоба № 76639/11¹. Новый скачок в этом направлении вызвал бы вопросы.

По статье 13 Конвенции? Более нет, поскольку эта статья, в отличие от кошки Р. Киплинга, не «гуляет сама по себе». Благодаря настоящему Постановлению, в делах, относящихся к обсуждаемой категории, статья 3 Конвенции ее более не сопровождает. Мы вернулись на круги своя.

Если мы хотим продвинуться в каком-либо направлении, единственной статьей, которую остается рассмотреть, является статья 6 Конвенции, в частности, пункт 1 указанной статьи. Но что, если уголовное расследование настолько затянулось, что дело даже не дошло до суда, или, когда дело дошло до суда, последний безукоризненно выполнил свои обязанности, указав на недостатки уголовного расследования и передав дело в следственные органы, находясь на рассмотрении которых, оно и было прекращено в связи с истечением сроков давности?

Вероятно, можно согласиться, особенно учитывая, что статья 3 Конвенции более не считается применимой к рассматриваемым в настоящем Постановлении ситуациям, что пункт 1 статьи 6 Конвенции может быть применим к ним в связи с доступом к суду. По многим делам это действительно так, см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Драгомир против Румынии» (*Dragomir v. Romania*) от 14 июня 2016 г., жалоба № 43045/08. Тем не менее можно задать вопрос: если *был бы* доступ к суду, требования разумного срока *были бы* соблюдены, процессуальные права потерпевшего *были бы* гарантированы, но *в целом* производство по делу не было бы тщательным или эффективным, некоторые важные процессуальные меры *не были бы выполнены*, и, в конце концов, расследование *прекратилось бы за истечением срока давности*? Попадает ли такое производство по делу в целях применимости пункта 1 статьи 6 Конвенции под понятие «доступ к суду»? Может ли понятие «доступ к суду» толковаться широко, как охватывающее также «доступ к эффективному расследованию»?

В упоминавшихся выше Постановлениях Европейского Суда по делам «Мута против Украины», «Краулайдис против Литвы» или «Мажукна против Литвы» было установлено, что это не так, но почему бы и нет?

Однако если бы стандарты соответствия расследования требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции были бы такими же, как те, что применялись в настоящем деле, боюсь, что заявители по *таким* делам проиграли бы в г. Страсбурге, как и Н.В. Тэнасе в настоящем деле. Это подводит меня к последнему пункту разногласий с большинством судей.

Но прежде, чем перейти к данному пункту, я должен сделать еще один комментарий.

81. Каждая палка имеет два конца. Я напому о том, что я написал в своем отдельном мнении, приложенном к упоминавшемуся выше Постановлению Европейского Суда по делу «Краулайдис против Литвы»:

«...если бы ни одна из указанных статей [то есть статья 3 и пункт 1 статьи 6 Конвенции] не была истолкована широко, что означало бы, что в Конвенции имеется пробел, который позволил

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

бы при определенных обстоятельствах проводить преднамеренно неэффективное расследование или совсем не проводить расследование конфликта или спора между частными лицами (в частности, связанного с халатностью, но, возможно, не только с этим) и вместе с тем быть исключенным из пределов проверки, проводимой Европейским Судом. Это было бы равносильно признанию того, что в Конвенции имеется соответствующий пробел...

Однако когда мы рассматриваем Конвенцию в целом, а не только статью 3 Конвенции... уверены ли мы, что она предназначалась для охвата именно данного пробела? Если так, кто от этого выиграет, а кто проиграет?

Предполагаемое упрощение статьи 3 Конвенции может быть меньшим злом».

82. В настоящее время эта позиция устарела. «Смещение в сторону упрощения прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции» (см. пункт 65 настоящего особого мнения, а также см. для сравнения пункт 81 настоящего особого мнения), было приостановлено. «Особая стигматизация» статьи 3 Конвенции была восстановлена и усилена.

VI

83. Жалобы заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции не убедили большинство судей. Нарушение указанного положения не было установлено. Я не буду посвящать слишком много строк данному вопросу.

84. Первая из указанных жалоб касалась права на доступ к суду. Заявитель утверждал, что из-за окончательного результата уголовного разбирательства, которое власти Румынии не провели надлежащим образом, его гражданский иск, поданный в рамках уголовного производства, не был рассмотрен. Большинство судей, вдохновленные доводами властей Румынии, решили, что на момент, когда заявитель вступил в уголовное производство в качестве гражданского истца, он мог вместо этого возбудить отдельное гражданское производство в отношении двух частных лиц (действия которых он обжаловал в уголовном производстве). Они также сочли, что, хотя такое производство могло быть приостановлено до принятия решения по уголовному делу, стороны не представили доказательств, позволяющих предположить, что гражданские требования заявителя не были бы рассмотрены по существу после завершения уголовного производства, а также что прекращение уголовного дела в отношении двух частных лиц не лишало заявителя возможности обратиться в гражданский суд с отдельным гражданским иском против них, как только ему стало известно об окончательных постановлениях уголовных судов, которыми постановление прокуратуры о прекращении производства по уголовному делу было оставлено в силе. Следовательно, такой иск заявителя «не был обречен на неудачу», поскольку у него была возмож-

ность «приводить доводы в пользу того, что течение срока давности для предъявления отдельного гражданского иска прерывалось на период проведения уголовного производства, в рамках которого были предъявлены гражданские требования». Большинство судей были удовлетворены тем, что указанные доводы доказывали, что заявителю не было отказано в доступе к суду в целях определения его гражданских прав (см. §§ 199–201 настоящего Постановления).

85. На мой взгляд, было мало поводов для удовлетворения. Напротив, такое удовлетворение равнозначно тому, что Европейский Суд занимает позицию, согласно которой одна сторона, власти государства-ответчика, освобождается от какой-либо ответственности за недостаточную тщательность проведения уголовного производства до тех пор, пока оно не будет прекращено в связи с истечением сроков давности, что приводит к невозможности рассмотреть гражданский иск, поданный в рамках такого уголовного производства, в то время как другая сторона, заявитель, должна держать руку на пульсе и, узнав об окончательных постановлениях уголовных судов, которыми постановление прокуратуры о прекращении уголовного дела оставлено в силе, инициировать отдельное гражданское производство. Иными словами, заявителю пришлось использовать не одно, а два существующих средства правовой защиты (оба предназначенные для одной и той же цели), при этом второе только потому, что для первого были созданы препятствия органами государственной власти.

86. В отношении второй жалобы заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, которая касалась продолжительности производства, большинство судей полагали, что, «хотя органы государственной власти можно считать ответственными за некоторые процессуальные нарушения, которые стали причиной задержек в производстве по делу... с учетом сложности дела и того факта, что органы государственной власти действовали активно в ходе производства... при конкретных обстоятельствах настоящего дела нельзя сказать, что они не выполнили свое обязательство по своевременному рассмотрению дела». Таким образом, для большинства судей производство по делу в целом не нарушало «требование разумного срока» (см. §§ 213–214 настоящего Постановления).

87. Читатели могут спросить: действительно ли конкретные «процессуальные нарушения, которые стали причиной задержек в производстве по делу», упомянутые большинством судей, уравновешивались тем, что органы государственной власти «действовали активно в ходе производства»? Данный вопрос тем более уместен, поскольку список из пяти «процессуальных нарушений», указанных Европейским Судом, вовсе не является кратким: пять нарушений следует считать достаточно большим количеством, чтобы установить, что в целом

производство по делу было удовлетворительным. Пять параграфов, на которые ссылаются большинство судей и в которых описаны вышеупомянутые «процессуальные нарушения», включают в себя §§ 29, 39 и 50–52 настоящего Постановления. Указанный перечень является выборочным, так как некоторые относящиеся к данному вопросу параграфы опущены, в частности, §§ 31, 40–42, 54 и 55, не говоря уже об остальных значимых параграфах.

88. Я не буду переходить к многочисленным конкретным деталям. Некоторые важные обстоятельства рассматриваются в отдельных мнениях других судей, которые отличаются по данному вопросу.

Только для иллюстрации позвольте напомнить, что 21 апреля 2009 г. Лаборатория криминологических заключений проинформировала Управление полиции о том, что техническое криминологическое заключение по делу заявителя не может быть подготовлено ранее 2011 года, то есть даже позднее чем через 20 месяцев, и что такое заключение, тем не менее, было подготовлено 29 сентября 2010 г., то есть в течение 18 месяцев (см. §§ 41 и 42 настоящего Постановления). При всем расположении к органам государственной власти, столкнувшимся с «чрезмерной загруженностью и недостаточным количеством экспертов» (см. § 41 настоящего Постановления), указанные периоды должны были оцениваться более критически, чем это было сделано в настоящем деле.

Путаница с уровнем содержания алкоголя в крови, ошибочно приписанного заявителю, у которого оказалось невозможным отобрать образцы крови, так и не была разъяснена (см. особенно §§ 31, 33 и 38 настоящего Постановления). Данный факт также требовал более критической оценки со стороны Европейского Суда, а не поверхностной реплики, как будто мимоходом, о том, что «несмотря на выводы... относительно нарушений в отборе образцов крови заявителя... Европейский Суд не находит достаточных оснований, чтобы прийти к выводу, что расследование или сбор доказательств в итоге были недостаточно тщательными» (см. § 180 настоящего Постановления¹). Так можно оправдать практически любой недостаток каждого расследования.

Я полагаю, что из данных параграфов (а также из других, прямо не упомянутых в настоящем особом мнении) (в том числе из параграфов, указанных большинством судей) очевидно, что *затягивание расследования имело место, оно было неоправданным и не могло быть вменено в вину заявителю.*

89. Если бы указанные другие параграфы были включены в перечень «процессуальных нарушений» (каковыми они, несомненно, должны были

быть) и если бы достаточное внимание было уделено изложенным в них фактам, общая положительная оценка уголовного производства, несомненно, была бы отрицательной. Положительная оценка только в глазах смотрящего. Однако не только смотрящий, который составил перечень «процессуальных нарушений», имеет глаза. Другие тоже. На мой взгляд, производства, какими бы сложными не были дела и какими бы «активными» не оставались органы государственной власти на всем их протяжении, имели нарушения.

90. В то время как жалоба заявителя в соответствии с процессуально-правовым аспектом статьи 3 Конвенции была безоговорочно отклонена, жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции были рассмотрены очень неравномерно. В нашем особом мнении совместно с судьями Анной Юдковской и Фарисом Вехабовичем, приложенном к упоминаемому выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии», мы отметили следующее:

«Чтобы прийти к правильному и справедливому выводу, судьи должны рассматривать факты дела (а также применимое законодательство) через увеличительное стекло, но при этом не должно быть так, чтобы у каждого глаза было свое собственное увеличительное стекло, одно из которых розовое, а другое грязное».

91. К сожалению, вышеизложенное пожелание относится также к выводам большинства судей в отношении жалоб заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в настоящем деле.

VII

92. В той степени, в которой это имеет отношение к настоящему делу, обоснование широкого толкования статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте до сих пор заключалось в следующем.

Хотя процессуальные обязательства государств не упоминаются в тексте самой статьи 3 Конвенции, было подтверждено, что обязательство «проводить эффективное расследование» косвенно содержится в указанной статье. Во-первых, это было сделано в делах, касающихся преднамеренных телесных повреждений, причиненных частным лицам государственными служащими (например, жестокость со стороны сотрудников полиции). Впоследствии данное обязательство постепенно распространилось на преднамеренные телесные повреждения, причиненные частным лицам (иными) частными лицами. В этом отношении не может быть больших разногласий, поскольку преднамеренная жестокость (со стороны кого бы то ни было) представляет собой посягательство на публичный порядок и мораль, и, с точки зрения потерпевших, в большинстве случаев не имеет

¹ Так в тексте. Вероятно, должно быть «§ 182 настоящего Постановления» (примеч. переводчика).

существенного значения, были ли соответствующие телесные повреждения причинены в результате действий органов государственной власти или частных лиц. Статья 3 Конвенции была истолкована таким образом, как если бы она также охватывала непреднамеренные действия органов государственной власти. Действительно, в отношении последних позитивные обязательства государств мало отличаются от обязательств, касающихся преднамеренных действий органов государственной власти.

Что касается непреднамеренных действий в отношении частных лиц со стороны (иных) частных лиц, возникает вопрос о причинах, по которым процессуальное обязательство государств «проводить эффективное расследование» согласно статье 3 Конвенции должно также распространяться на такие действия. До сих пор логика ответа Европейского Суда на этот вопрос заключалась в том, что данное обязательство возложено на государства в связи с *серьезностью страданий* частного лица: они должны «проводить эффективное расследование» всех действий (со стороны кого бы то ни было), которые приводят к *серьезным* последствиям. Согласно подобной логике цель оспариваемого действия, которое охватывает намерение причинить вред, может и даже должна учитываться (как и многие другие обстоятельства дела), хотя данный фактор *per se не является решающим* для возникновения позитивного процессуального обязательства государств в соответствии со статьей 3 Конвенции. Что имеет наибольшее значение, так это серьезность последствий.

Уже нет.

93. Выше, в пункте 7 данного особого мнения, я уже назвал настоящее Постановление масштабным и решительным отклонением от защиты прав человека.

Хотелось бы надеяться, что когда-нибудь движение пойдет в противоположном направлении.

Не скоро. Непросто.

Ибо быстро и легко пробить дыры в защитной перегородке под названием Конвенция. Намного медленнее и намного сложнее замуравать их.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЙОНКО ГРОЗЕВА

Хотя я полностью согласен с общими принципами, разработанными Большой Палатой Европейского Суда в настоящем деле, я не могу согласиться с выводом большинства судей о том, что в отношении жалобы по статье 2 Конвенции заявитель не должен был подавать отдельный иск в гражданские суды. На мой взгляд, неподача заявителем отдельного гражданского иска представляла собой неисчерпание доступных ему внутригосударственных средств правовой защиты. По указанной причине я голосовал за объявление жалобы

заявителя в соответствии со статьей 2 Конвенции неприемлемой для рассмотрения по существу.

По общему признанию настоящее дело поднимает сложную проблему конфликта между двумя принципами в прецедентной практике Европейского Суда. Первый принцип – это устоявшийся принцип, согласно которому Конвенция не гарантирует в целом право на возбуждение уголовного дела в отношении третьих лиц и, в частности, обязанность государств-участников предоставлять уголовное средство правовой защиты в случае гибели или получения опасных для жизни травм вследствие халатности (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чильо против Италии» (Calvelli and Ciglio v. Italy) жалоба № 32967/96, § 51, ECHR 2002-I, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» (Šilih v. Slovenia) от 9 апреля 2009 г., жалоба № 71463/01, § 194). Второй принцип связан с требованием исчерпать доступные и эффективные внутригосударственные средства правовой защиты. Европейский Суд неоднократно повторял, что при наличии различных средств правовой защиты, к которым может прибегнуть частное лицо, это лицо имеет право выбирать, каким из них воспользоваться (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты» (Micallef v. Malta), жалоба № 17056/06, § 58, ECHR 2009, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шерифе Йигит против Турции» (Şerife Yiğit v. Turkey) от 2 ноября 2010 г., жалоба № 3976/05, § 50).

Однако способ толкования и применения большинством судей указанных двух принципов в настоящем деле приводит к результату, который я считаю неудовлетворительным. Не только для рассматриваемого дела, поскольку в любом случае сделан вывод об отсутствии нарушения статьи 2 Конвенции, но в более общем смысле для толкования и применения Конвенции. Большинство судей пришли к выводу, что заявитель не должен был подавать отдельный гражданский иск, обосновывая это тем, что инициированное им уголовное расследование было направлено на выяснение обстоятельств происшествия. Таким образом, большинство судей полагали, что «заявитель мог разумно ожидать того, что в рамках вышеупомянутого уголовного производства его жалобы будут рассмотрены» (см. § 177 настоящего Постановления). Приведенная цепочка рассуждений беспокоит меня, так как она строго следует одному из принципов, а именно праву заявителя выбирать между доступными ему альтернативными средствами правовой защиты, не учитывая в достаточной степени другой принцип. Подобный подход реализуется в ущерб принципу, согласно которому государства-участники имеют выбор между предоставлением уголовного или гражданского средства правовой

защиты в отношении халатности, которая привела к смерти лица или создала риск лишения жизни. Я обеспокоен тем, что, предоставляя заявителю полную свободу добиваться рассмотрения его жалоб с помощью уголовных средств правовой защиты, Европейский Суд умаляет способность государств-участников управлять своими системами правосудия и использовать имеющиеся ресурсы способом, который они считают наиболее эффективным.

Тогда возникает вопрос: можно ли найти более сбалансированный подход, золотую середину, которая более гармонично согласует указанные два принципа? Я полагаю, что можно, и соответствующий способ уже фактически прописан в самих принципах, как они изложены Европейским Судом в настоящем Постановлении. Это требует более подробного изучения текущего производства на внутригосударственном уровне, а также разделения и отделения различных этапов производства. Такой подробный анализ и «разбор» производства на внутригосударственном уровне может показаться несколько неудобным для международного суда, но всё же он будет достаточно четким и не будет создавать проблем для его общего применения.

Принципы, на которые я ссылался, были разработаны Европейским Судом в его более ранней прецедентной практике и систематически изложены в §§ 158–163 настоящего Постановления. Европейский Суд постановил, что «в случае непреднамеренного причинения смерти и/или создания непреднамеренной угрозы для жизни требование о наличии эффективной судебной системы выполняется, если правовая система предоставляет потерпевшим (или их близким родственникам) средство правовой защиты в гражданских судах, в отдельности либо в сочетании со средством правовой защиты в уголовных судах, которое позволяет установить ответственность и получить любое надлежащее гражданское возмещение». Что касается, в частности, дорожно-транспортных происшествий, Европейский Суд постановил, что как только органам государственной власти становится известно о происшествии, они «должны приложить все разумные усилия с учетом практических реалий следственной работы, в том числе путем предоставления необходимых ресурсов, для обеспечения своевременного и достаточно тщательного сбора доказательств на месте и выполнения иных значимых для дела доказательств, для фиксации доказательств, а также для устранения или сведения к минимуму любого риска упущений, которые впоследствии могут негативно сказаться на возможности установления ответственности и привлечения такого(-их) лица (лиц) к ответственности... Обязательство по сбору доказательств должно применяться как минимум до тех пор, пока не будет выяснен характер любой ответственности и пока органы государственной власти не убедятся в от-

сутствии оснований для проведения или продолжения уголовного расследования» (см. § 162 настоящего Постановления). В параграфе 163 настоящего Постановления Европейский Суд пришел к выводу, что «после установления в ходе первоначального расследования того факта, что смерть или опасная для жизни травма не были причинены преднамеренно... логически следует, что гражданско-правового средства правовой защиты достаточно независимо от того, является ли лицо, предположительно ответственное за происшествие, частным лицом или представителем государства».

Обращаясь к фактам настоящего дела, важно отметить, что сразу после дорожно-транспортного происшествия полиция провела расследование на месте, сделала замеры и фотографии, составила подробное описание места происшествия, установила личности водителей, причастных к дорожно-транспортному происшествию, и взяла образцы крови. Полиция также получила показания у некоторых пассажиров транспортных средств, затронутых дорожно-транспортным происшествием, и в течение следующих двух дней брала показания у остальных пассажиров и водителей транспортных средств, затронутых дорожно-транспортным происшествием. Она требовала проведения судебно-медицинских экспертиз и получила соответствующие заключения (см. §§ 15–18 настоящего Постановления). Таким образом, можно сделать четкий вывод о том, что органы государственной власти исполнили свое обязательство по «обеспечению своевременного и достаточно тщательного сбора доказательств на месте и иных значимых для дела доказательств, фиксации доказательств, а также по устранению или сведению к минимуму любого риска упущений, которые впоследствии могут негативно сказаться на возможностях установления ответственности». Последующие заключения судебно-медицинских экспертов и дополнительные допросы свидетелей исключают ли какие-либо сомнения в том, что «опасные для жизни телесные повреждения не были причинены преднамеренно». Кроме того, важно отметить, что данная процедура была завершена в течение одного года постановлением прокуратуры от 5 декабря 2005 г. (см. § 23 настоящего Постановления).

Следуя логике принципов, изложенных в §§ 158–163 настоящего Постановления, уже на данном этапе, спустя один год после дорожно-транспортного происшествия, власти государства-ответчика выполнили свои процессуальные обязательства в соответствии со статьей 2 Конвенции. Власти Румынии собрали все относящиеся к делу доказательства и установили, что дорожно-транспортное происшествие не было результатом преднамеренных действий. Они также установили, что дорожно-транспортное происшествие не относится к достаточно редкой категории дел, когда халатность была настолько серьезной и имела такие серьезные по-

следствия в смысле лишения жизни, что уголовное преследование было по-прежнему необходимым (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз против Турции» (*Öneryıldız v. Turkey*), жалоба № 48939/99, *ECHR* 2004-XII, более общее изложение прецедентной практики см. в § 160 настоящего Постановления).

Последующие семь и более лет расследований и жалоб по настоящему делу были направлены не на сбор новых доказательств, а на то, каким образом следует толковать полученные доказательства. Последующие ходатайства заявителя касались новых экспертных заключений, и его жалобы были направлены на то, чтобы установить, позволяют ли доказательства сделать вывод о том, что тот или иной водитель допустил халатность, и могло ли это являться преступлением согласно законодательству Румынии. Хотя указанный дополнительный семилетний период был частью того же производства по уголовному делу на внутригосударственном уровне, его не нужно учитывать в целях анализа Европейского Суда в соответствии со статьей 2 Конвенции. Он представляет собой результат преднамеренного выбора заявителя использовать уголовное средство правовой защиты вместо подачи отдельного иска в гражданские суды.

Для заявителя отдельный иск в гражданских судах являлся тем средством правовой защиты, которое «удовлетворяет его существенные жалобы» (см. вышеупомянутое Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты», § 58). Законная жалоба заявителя в соответствии с Конвенцией касалась доступа к процедуре, в рамках которой могла быть установлена ответственность за причиненные ему телесные повреждения и возмещен ущерб. Можно с полным основанием утверждать, что отдельный гражданский иск лучше подходил для урегулирования жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией, поскольку в рамках его рассмотре-

ния по указанным жалобам было бы вынесено окончательное, обязательное для сторон решение. Вместо этого процедура, использованная заявителем, имела другую основную цель, а именно установление уголовной ответственности. В результате она была направлена на достижение указанной основной цели, и требование заявителя в соответствии с Конвенцией так и не было рассмотрено надлежащим образом. Действительно, с учетом настоящего подхода Европейского Суда, суть которого состоит в освобождении заявителя от его обязанности подавать отдельный гражданский иск, Европейский Суд отдает предпочтение уголовным средствам правовой защиты, а не гражданским. В дополнение к вышеупомянутому опасению по поводу того, что Европейский Суд может неоправданно ограничить правовые системы властей государств-ответчиков в управлении своими ресурсами и в принятии решений о том, когда и за какие действия применять уголовную ответственность, имеется и иное опасение, а именно, что Европейский Суд может содействовать «криминализации» той области права, которая может быть урегулирована более эффективно посредством иных инструментов, кроме уголовного производства с его акцентом на индивидуальной уголовной ответственности и наказании, повышенных процессуальных гарантиях и высоком стандарте доказывания.

В заключение, поскольку власти Румынии действительно выполнили свое первоначальное обязательство по сбору относящихся к делу доказательств и заявитель явно имел возможность в соответствии с законодательством Румынии подать отдельный гражданский иск о возмещении ущерба, подобный иск представлял собой эффективное средство правовой защиты, которое могло бы удовлетворить значимую жалобу заявителя, и он должен был воспользоваться данным средством правовой защиты.

Права и ограничение ответственности

Электронное периодическое издание «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 58098) является средством массовой информации в соответствии с Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и предназначено для обеспечения доступа к информации о деятельности Европейского Суда по правам человека и Совета Европы.

Исключительные права на литературные произведения и переводы, опубликованные в электронном периодическом издании, принадлежат ООО «Развитие правовых систем».

© ООО «Развитие правовых систем», 2019

Использование материалов электронного периодического издания «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» возможно только с письменного разрешения правообладателя.

Единственно аутентичными текстами постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, опубликованных в издании, являются тексты на французском и английском языках. Переводы на русский язык не носят официального характера и не обязывают Совет Европы и его органы, а равно Европейский Суд по правам человека.